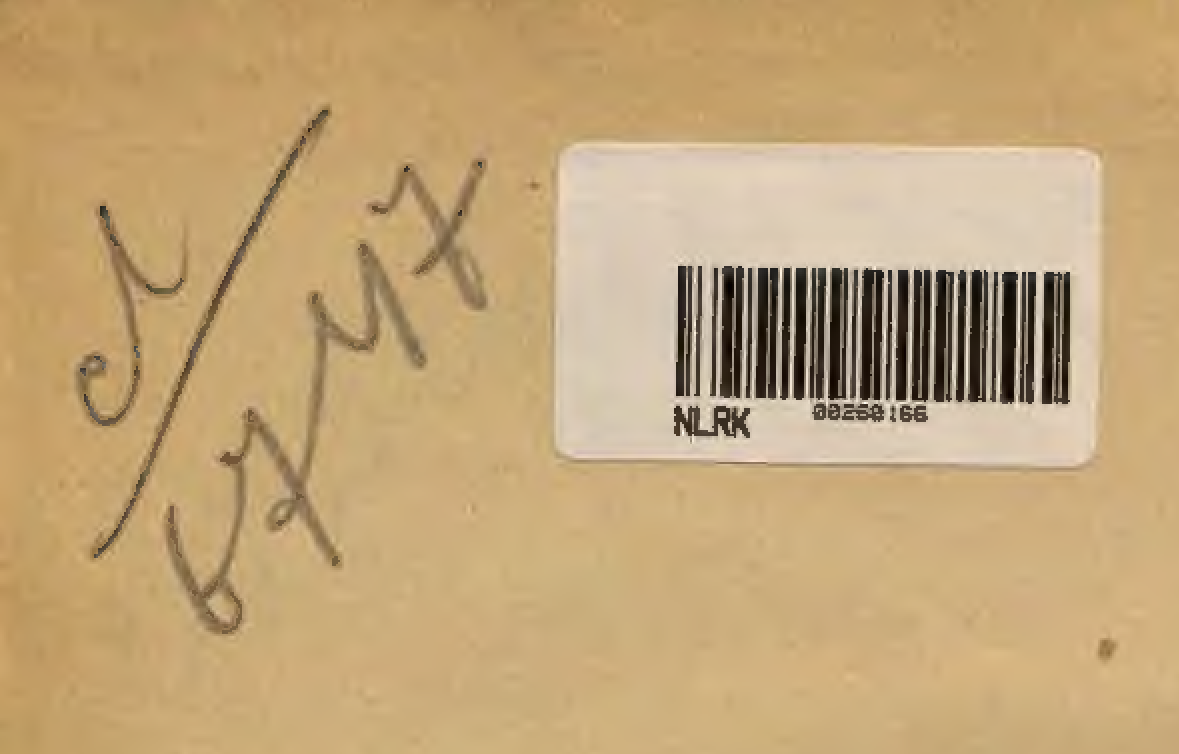

Поляков И. С

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

С.-Пб.
1873

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

Главная задача моей поѣздки въ Олонецкую губернію была зоогеографическая, и сообразно съ нею распредѣлялись мои занятія: эта цѣль руководила мною въ выборѣ мѣстъ пребыванія, иногда пустынныхъ и малолюдныхъ, и она же опредѣляла періоды и время пребыванія въ разныхъ пунктахъ губерніи, впрочемъ только въ юговосточной ея части. Такъ, всю весну со второй половины апрѣля до начала іюля 1871 года, я провелъ при устьѣ р. Вытегры, имѣя здѣсь дѣло преимущественно съ озерными и рѣчными водами, съ болотами и густыми лѣсами, и по временамъ только предпринималъ нѣкоторыя экскурсіи по сторонамъ; затѣмъ здѣсь же я провелъ и большую часть сентября, по возвращеніи съ Водлозера,

---

[1]) Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ часть результатовъ, пріобрѣтенныхъ чл.-с. И. С. Поляковымъ въ теченіе его зоогеографической экспедиціи въ Олонецкую губернію въ 1871 году. Свѣдѣнія, относящіяся до снаряженія этой экспедиціи, а именно: представленіе Отдѣленія Физической Географіи и опредѣленіе Совѣта по этому предмету находятся въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Геогр. Общества, т. VII, отд. I, стр. 142 и 150—153; краткіе же отчеты о ходѣ экспедиціи помѣщены тамъ же, отд. II, 125 — 130, 158 — 160, 250 — 261, 311 — 320, 348—353. *Ред.*

около котораго прожилъ почти весь іюль и часть августа, совершивъ отсюда экскурсію, въ виду тѣхъ же зоологическихъ цѣлей, на Кенозеро. Но если среди подобнаго хода путешествія я не могъ строго систематически вести этнографическія наблюденія, то съ другой стороны, не могъ и избѣжать столкновеній съ человѣкомъ. Многія ночи проведены мною среди крестьянской семьи по деревнямъ, въ рыбацкихъ хижинахъ по берегамъ водъ, въ звѣроловческихъ лачугахъ по лѣсамъ; даже самыя болота и берега озеръ, представляющія большой интересъ въ отношеніи своихъ животныхъ обитателей, не остались безъинтересными и по отношенію къ судьбѣ и развитію человѣка: и въ нихъ нашлись предметы, могущіе со временемъ послужить матеріаломъ для изученія уже вымершихъ человѣческихъ племенъ. На основаніи этихъ-то наблюденій и находокъ, вмѣстѣ со многими извѣстными, но разбросанными данными, составлены два нижеслѣдующіе этнографическіе очерка, касающіеся: первый — слѣдовъ существованія вымершаго человѣка, и второй — условій быта современнаго населенія въ юго-восточной части Олонецкой губерніи. При этомъ мнѣ хотѣлось уяснить роль природы въ судьбѣ человѣка, и обратно обозначить тѣ измѣненія, которыя человѣкъ произвелъ среди этой самой природы; сверхъ же того, при разсмотрѣніи многихъ фактовъ изъ современнаго быта, мнѣ хотѣлось также указать на нихъ, какъ на остатки вліянія прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ.

Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи.

I.

Каменный вѣкъ: его всеобщее распространеніе; его интересъ по отношенію къ развитію и началу цивилизаціи человѣчества; отдаленность этого начала: измѣненіе климата, земной поверхности и животныхъ.—Указаніе на интересъ зоотехническій. —Отношеніе каменнаго вѣка къ бронзовому и желѣзному; его однообразіе.—Каменный вѣкъ въ новѣйшее время въ Камчаткѣ; его принадлежности сходны съ древнѣйшими и изъ различныхъ странъ.—Указаніе на причины однообразія каменнаго вѣка въ связи съ умственными свойствами людей.—Изслѣдованія Бутенева о каменныхъ орудіяхъ въ Олонецкой губерніи.

Въ тѣхъ мѣстахъ земной поверхности, гдѣ человѣкъ поселился въ историческія времена, и гдѣ, благодаря ему, блестятъ въ настоящее время разнообразнѣйшіе металлы и минералы, въ ихъ полной чистотѣ, въ самыхъ прихотливыхъ формахъ и видахъ, предназначенныхъ къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ цѣлей и потребностей, гдѣ развѣваются ткани, щеголяющія узорами и тонкостью своего сложенія,—тамъ въ почвѣ, при копаніи каналовъ для хода судовъ или при установкѣ фундаментовъ для домовъ огромной величины и изощренной архитектуры, нерѣдко находятъ особаго рода издѣлія изъ грубаго камня и кости, носящія на себѣ ясные слѣды глубокой древности, но чрезвычайно мало признаковъ труда такой же человѣческой руки, подъ вліяніемъ которой возникаетъ вся масса искусственныхъ предметовъ настоящаго времени. Однакоже теперь безспорно доказано, что эти грубыя издѣлія изъ камня и кости, находимыя на всѣхъ протяженіяхъ земной поверхности, во всѣхъ частяхъ свѣта, принадлежатъ человѣку и относятся къ той порѣ его существованія, когда онъ не зналъ употребленія металловъ. Эта эпоха человѣческаго развитія, называемая *каменнымъ вѣкомъ*, была одною изъ первыхъ ступеней, на которой человѣкъ проявилъ свои силы въ искусствѣ и доказано [1]), что чрезъ нее прошли всѣ историческіе цивилизованные народы, извѣстные теперь на землѣ; такимъ образомъ,

---

[1]) *Тайлоръ*, До-историческій бытъ человѣчества (М. 1868), стр. 254 и далѣе о каменномъ вѣкѣ.

каменный вѣкъ существовалъ у Японцевъ (отъ которыхъ привезена богатая коллекція каменныхъ орудій Зибольдомъ), у Китайцевъ, гдѣ о каменномъ вѣкѣ свидѣтельствуютъ письменные памятники, у Евреевъ, гдѣ это обнаруживается изъ лингвистическихъ данныхъ и обычаевъ (обрѣзаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ острымъ кремнемъ); существовалъ онъ также у различныхъ европейскихъ народовъ, начиная съ Грековъ и кончая Ирландцами, у которыхъ даже въ наше время въ кузницахъ, на ряду съ желѣзными молотками, употребляются большіе каменные, на подобіе того, какъ это замѣчено въ копяхъ алтайской Чуди [1]).

Это признаніе въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка вліянія человѣческаго труда, а также очевидная и часто тѣсная связь съ этимъ періодомъ нынѣ живущихъ народовъ, съ одной стороны, доказываютъ, что рамки обыкновенной исторіи человѣка весьма тѣсны и узки и далеко не охватываютъ въ настоящемъ объемѣ человѣческой дѣятельности; съ другой же стороны, эти остатки прошлаго труда приводятъ къ очевидному заключенію, что и человѣкъ какъ всѣ другія органическія созданія, подчиняется закону постепеннаго развитія, что и онъ въ своей жизни, въ своей собственной организаціи и дѣятельности восходитъ отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ простыхъ жизненныхъ отношеній къ сложнымъ.

Отсюда становится яснымъ интересъ каменнаго вѣка съ бытомъ его обитателей, названнымъ до-историческимъ, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ той исторіи, которая называется въ тѣсномъ смыслѣ всеобщею исторіей человѣчества, и которой онъ тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе въ сѣдую глубину протекшихъ вѣковъ. Бытъ обитателей этого періода интересенъ для насъ, какъ забытая, но поучительная картина знаменитаго художника, краски которой стерлись силою времени и покрылись толстымъ покровомъ земли и пыли; возобновляя ихъ, мы возстановляемъ отдѣльныя подробности картины; можетъ быть, мы никогда не дойдемъ до возможности схватить выраженіе лица у представленныхъ дѣйствующихъ лицъ, но обнаружимъ ихъ обстановку и характеръ; получимъ

---

[1]) *Эйхвальдъ*, О чудскихъ копяхъ, стр. 520.

понятіе объ ихъ пищѣ, объ ихъ промыслахъ (чему служитъ прекраснымъ примѣромъ первобытный быкъ, найденный въ скандинавскихъ торфяникахъ со слѣдами каменной стрѣлы въ боку) [1]); въ первыхъ грубыхъ орудіяхъ изъ дикаго камня, въ неменѣе грубыхъ плетеныхъ произведеніяхъ изъ растительныхъ волоконъ, въ обломкахъ посуды изъ глины въ смѣси съ большимъ количествомъ песку, также въ весьма простыхъ и безыскусственныхъ украшеніяхъ прослѣдимъ зачатки той высокой, сравнительно со всѣмъ этимъ, культуры, которая въ настоящее время разрослась столь роскошнымъ цвѣтомъ. Но этимъ интересъ далеко не исчерпывается, даже еслибъ мы прибавили, что въ каменномъ вѣкѣ мы находимъ ключь къ раскрытію источника многихъ предразсудковъ, миѳовъ и обычаевъ, распространенныхъ до сихъ поръ въ человѣчествѣ, въ силу того подмѣченнаго закона, по которому искусства или обычаи, вышедшіе изъ употребленія въ частной жизни, сохраняются въ торжественныхъ случаяхъ [2]); не иначе, какъ здѣсь же, есть возможность уловить связь между народами въ до-историческія времена, связь кровную, торговую, враждебную и т. д.

Есть еще одна не менѣе завлекательная сторона, выясняемая каменнымъ вѣкомъ въ исторіи развитія человѣка. Въ этой эпохѣ кроются доказательства, что не только человѣкъ видоизмѣнился съ первыхъ временъ своего появленія на землѣ, но даже и самыя мѣста, гдѣ онъ обиталъ въ до-историческія времена, приняли во многихъ случаяхъ другую физіономію. Первобытный человѣкъ наблюдалъ ледяной покровъ и терпѣлъ холодъ тамъ, гдѣ теперь мы видимъ созрѣваніе многихъ нѣжныхъ плодовъ и прекрасные сочные луга, какъ напримѣръ, въ Англіи [3]); долины, гдѣ онъ оставилъ свои грубыя издѣлія, заполнились въ наше время толщами глинъ, известковыхъ отложеній и т. д. (на берегахъ рѣки Соммы) [4]). Мѣста,

---

[1]) *Nilsson*, Das Steinalter oder die Ureinwohner des Scand. Nordens, табл. XI, фф. 220—222.

[2]) *Тайлоръ*, 218.

[3]) *Ляйелль*, Древность человѣка, 196 и 217; ср. *В. Генъ*, Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію, а также и въ остальную Европу, стр. 2 и слл.

[4]) *Ляйелль*, 114.

составлявшія во время его отдаленнаго существованія берега моря, теперь отдѣлены отъ морскихъ водъ цѣлыми милями разстоянія [1]); тамъ, гдѣ былъ проливъ, теперь перешеекъ (Ютландія) [2]); перешейки же, соединявшіе двѣ страны и служившіе путями сообщенія для людей, оказались проливами (Большой и Малый Зундъ) [3]). Еще ярче перемѣна въ животныхъ. Тѣ изъ нихъ, на которыхъ первобытный человѣкъ, можетъ быть, охотился, и по близости съ которыми жилъ, извѣстны въ настоящее время только по немногимъ рѣдкимъ остаткамъ, сохраняющимся въ музеяхъ; таковы мамонтъ [4]), носорогъ, гиппопотамъ, первобытный быкъ, пещерные медвѣди, гіены и т. д. Вся эта богатая и древняя фауна, которую такъ удачно пережилъ человѣкъ, относится преимущественно къ Западной Европѣ; у насъ каменныя орудія, вмѣстѣ съ костями нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ (мамонтъ, носорогъ и зубръ), были находимы въ Сибири, въ Нерчинскихъ золотоносныхъ розсыпяхъ [5]), и только остатки человѣческой дѣятельности, относящіеся къ болѣе новому періоду, встрѣчались собственно въ Россіи, въ черноземѣ [6]), образовавшемся однакоже въ то время, когда весь сѣверъ Россіи былъ покрытъ водами или льдомъ.

---

[1]) *Ляйелль*, 11.

[2]) *Ляйелль*, 12.

[3]) *Nilsson*, 186.

[4]) Какъ бы для большаго закрѣпленія этого факта въ памяти, первобытные обитатели Перигорской пещеры съ удивительнымъ искусствомъ и точностію вырѣзывали на своихъ орудіяхъ изображенія мамонта и многихъ другихъ животныхъ; эти памятники дошли до насъ. См. *Le Hon*, L'homme fossile en Europe etc., стр. 70 и слѣд.

[5]) *Эйхвальдъ*, Объ открытіяхъ мѣсторожденій каменнаго угля и графита и о подземныхъ пожарахъ по Нижней-Тунгузкѣ и Таймуру, стр. 33. Сюда же долженъ я присоединить указаніе на весьма интересную находку, сдѣланную въ самое недавнее время въ окрестностяхъ Иркутска: грубыя орудія были выдѣланы изъ бивней мамонта, изъ клыковъ настоящаго оленя-изюбря и изъ глины; погребенныя на глубинѣ 2 м. въ лёсѣ, съ наземными раковинами, они сопровождались костями первобытнаго быка, обыкновенной лошади и другихъ млекопитающихъ, вмѣстѣ съ костями птицъ; этотъ слой характеризуется также присутствіемъ остатковъ носорога. *Черскій*, Нѣсколько словъ и проч., въ Извѣст. Сиб. отд. Р. Г. Общ., т. III, № 3, стр. 167.

[6]) Труды перв. съѣзда р. естествоиспытателей. Отд. Минер. и Геол. *Головкинскій*. Древн. ост. челов. въ Каз. губ., 41.

Въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ положеній, одинаково важныхъ какъ для антропологіи, такъ и для зоологіи, получаетъ интересъ еще третья, уже чисто практическая область знанія—зоотехника, именно со стороны исторіи происхожденія и законовъ развитія домашнихъ животныхъ. Важныя изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи Рютимайеромъ, на основаніи матеріала изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ и частію Натузіусомъ, кратко очерчены профессоромъ К. Ѳ. Кесслеромъ [1]).

Послѣ этого указанія на интересъ каменнаго вѣка я позволю себѣ еще не на долго остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ распространенія его среди человѣчества. Онъ является въ такихъ же отношеніяхъ къ другимъ стадіямъ развитія человѣческой культуры, къ вѣкамъ бронзовому и желѣзному, какія мы замѣчаемъ въ распредѣленіи органической жизни въ теченіи геологическихъ эпохъ. Какъ намъ представляется, что простые и мало совершенные организмы, преобладающіе въ первобытной эпохѣ, смѣняются въ послѣдующія другими, болѣе сложными и совершенными, не переставая въ то же время сосуществовать съ ними одновременно, такъ и въ каменномъ вѣкѣ его принадлежности, находимыя въ концѣ ледниковой эпохи и непосредственно за нею слѣдующей, будучи самыми совершенными орудіями человѣка, смѣняются въ послѣдующіе періоды издѣліями изъ бронзы и желѣза, которыя потомъ у многихъ народовъ достигли замѣчательной сложности и совершенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ у многихъ народовъ грубый топоръ изъ камня, стрѣла и ножъ изъ кремня оставались до новѣйшихъ временъ единственными совершеннѣйшими орудіями, хотя и ставили обладателей ихъ выше тѣхъ животныхъ, которыя ихъ окружаютъ. Эти принадлежности каменнаго вѣка изъ новѣйшихъ временъ играютъ для изслѣдователя до-историческаго быта человѣчества ту же роль, какую для геолога имѣетъ изученіе низшихъ представителей современной флоры или фауны для легчайшаго ознакомленія съ жизнью отдаленнѣйшихъ эпохъ въ развитіи земли.

Хотя въ выдѣлкѣ принадлежностей каменнаго вѣка замѣчается

[1]) Нѣкот. замѣтки относительно исторіи домашн. животныхъ въ Труд. Вольнаго Экон. Общ. Т. IV. В. I. 1865 г.

нѣкоторый прогрессъ—на сколько это можно судить по раздѣленію всего періода на двѣ части: вѣкъ не сточенныхъ и вѣкъ сточенныхъ инструментовъ; однакоже самыя орудія у различныхъ народовъ, жившихъ въ отдаленнѣйшія другъ отъ друга времена и въ совершенно противоположныхъ точкахъ земнаго шара, носятъ на себѣ слѣды замѣчательнаго сходства и однообразія, такъ что по выдѣлкѣ и назначенію принадлежностей у новѣйшихъ народовъ вполнѣ вѣрно можно судить о роли ихъ и значеніи у народовъ наиболѣе древнихъ; но за то не менѣе трудно бываетъ отличить, безъ положительныхъ указаній, къ какому періоду времени и какому именно народу принадлежитъ то или другое орудіе. „Это однообразіе каменныхъ инструментовъ различныхъ мѣстъ и временъ“, говоритъ Тайлоръ, „такъ велико, что стремится уничтожить ихъ значеніе, какъ отличительныхъ произведеній различныхъ расъ“ [1]). Но смыслъ этого вывода, свидѣтельствуя о трудности задачи, не противорѣчитъ однако тому, что присутствіе или отсутствіе нѣкоторыхъ особенныхъ типовъ орудій, а также ихъ геологическое и ихъ географическое распредѣленіе, могутъ дать средство уловить оттѣнки до-историческаго быта въ разныхъ мѣстахъ, что̀ и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ изслѣдованія.

Очеркъ характера каменнаго вѣка въ новѣйшее время мы находимъ между прочимъ у нашего даровитаго путешественника прошлаго столѣтія, Степана Крашенинникова, въ его „Описаніи Камчатки“. Приводимъ его слова [2]):

„Вся камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему *чуманахъ*, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ, и собакамъ; кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки—къ ѣздѣ зимою, а лодки—лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нечего, если бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать — строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ

---

[1]) *Тайлоръ*, 271.

[2]) Опис. Камчатки, II, стр 45 изд. 1818 г. и стр. 31 изд. 1755 г.

могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче, что сіи средства не разумный или ученый народъ вымыслилъ, но дикій, грубый и трехъ перечесть не умѣющій. Столь сильна нужда умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!

„Прежніе камчатскіе металлы, до прибытія почти Россіянъ, были кость и каменье. Изъ нихъ они (Камчадалы) дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему *комягами* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою, и всякій острожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ.

„Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя на подобіе ланцовъ востроконечные и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и по нынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

„Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухого дерева, на которыхъ по краямъ наверчены дирочки, да кругленькія изъ сухого жь дерева палочки, которыя вертя въ ямочкахъ, огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли они мятую траву тоншичъ, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности, обертя берестою, каждый Камчадалъ носилъ съ

собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами".

При всей видимой оригинальности этой картины быта едва ли есть въ ней хотя двѣ-три незначительныя частности, исключительно принадлежащія Камчадаламъ. Вообще же подобное описаніе быта съ самыми ничтожными измѣненіями можетъ быть примѣнено и къ большинству другихъ народовъ каменнаго вѣка, которые также обходились безъ металловъ и все рубили, долбили и т. д. инструментами, сдѣланными изъ камня и кости, на подобіе камчатскихъ. Топоры изъ яшмы были распространены въ большей части Европы и даже въ Америкѣ, а стрѣлы, копья и ланцеты во всѣхъ странахъ міра почти всегда производились по совершенно одинаковому образцу; изъ горнаго же хрусталя встрѣчаются издѣлія въ Южной Америкѣ [1]).

Не одни Камчадалы были искусны въ выдѣлываніи иголокъ безъ ушковъ и съ ушками (въ послѣдующія времена они ухитрялись придѣлывать ушки къ сломаннымъ металлическимъ иголкамъ); Штаубъ указываетъ [2]) на подобныя же иголки изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ; только здѣшнія, въ противоположность камчатскимъ, были сдѣланы не изъ собольихъ, а изъ птичьихъ костей. Цѣнно показаніе Крашенинникова на способъ кипяченія камнями, который впрочемъ также не исключительно камчатскій: онъ весьма распространенъ въ Америкѣ и вообще въ южномъ полушаріи [3]). Указанный же способъ добыванія огня еще обширнѣе: онъ распространялся въ Австраліи, у первобытныхъ обитателей Индіи, въ сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ и т. д. [4]). Дважды упоминаемыя Крашенинниковымъ [5]) плетеныя изъ травы рогожи (чирелы) едва ли не имѣютъ чего-нибудь подобнаго въ Новой Зеландіи, произведенія которой, плетеныя изъ пучковъ волоконъ, пред-

---

[1]) *Тайлоръ*, 249.

[2]) Die Pfahlbauten in den Schweizer-Seen. I, 44; II, 21—24.

[3]) *Тайлоръ*, 359.

[4]) *Тайлоръ*, 322.

[5]) Описан. Камч., II, 26 и 102.

ставляютъ въ свою очередь замѣчательное сходство съ швейцарскими, изъ озерныхъ жилищъ [1]). Но примѣры, подобные послѣднему, гдѣ мы встрѣчаемъ сходство новѣйшихъ принадлежностей съ весьма древними, находятся въ изобиліи у Нильсона. Этотъ замѣчательный натуралистъ только путемъ близкаго изученія новѣйшихъ орудій изъ Сѣверной Америки и Гренландіи, а также съ острововъ Курильскихъ и другихъ, лежащихъ въ Восточномъ Океанѣ, и пр., могъ объяснить назначеніе богатаго собранія каменныхъ орудій, вырытыхъ по большей части изъ скандинавскихъ торфяниковъ и оказавшихся въ большинствѣ случаевъ сходными съ первыми [2]). Онъ поражается особенно однимъ замѣчательнымъ примѣромъ сходства двухъ острогъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ новѣйшимъ жителямъ Сѣверной Америки, а другая взята изъ древнихъ скандинавскихъ торфяниковъ. По этому поводу онъ говоритъ: „Мы замѣчаемъ, что шведское (schonische) орудіе сдѣлано также, какъ американское, и трудно понять, какимъ образомъ два такіе народа, какъ современные Эскимосы Сѣверной Америки и первобытные обитатели Скандинавіи, между которыми немыслимо допустить никакого родства, которые тажъ отдалены другъ отъ друга по своему происхожденію и мѣсту жительства, пришли къ мысли сдѣлать одинаковымъ образомъ орудіе, столь искусно составленное“ [3]).

Съ другой стороны, Нильсонъ указываетъ [4]) на костяной гарпунъ изъ шведскихъ торфяниковъ и на подобный ему изъ Перигора во Франціи, гдѣ онъ найденъ вмѣстѣ съ костями давно вымершихъ животныхъ. Разница между ними та, что у шведскаго зубцы расположены по одну сторону, а у французскаго на двухъ противоположныхъ. П. А. Кропоткинъ сообщилъ мнѣ рисунокъ съ костяного гарпуна, найденнаго въ окрестностяхъ Иркутска и имѣющаго подобное же назначеніе, какъ и два выше указанные. По общему виду и по расположенію зубцовъ онъ совершенно уподо-

---

[1]) *Тайлоръ*, 496.

[2]) *Nilsson*, 78, 79.

[3]) *Nilsson*, 34.

[4]) *Nilsson*, 30, табл. IV., фф. 71 и 72

бляется Перигорскому, а по числу зубцовъ (4) сходствуетъ со шведскимъ, и отличается отъ нихъ тѣмъ, что у него, вмѣсто зубчиковъ для прикрѣпленія каната, просверлена съ боку дырочка.

Изъ всего этого становится ясною общность въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка на разстояніи тысячъ верстъ и въ предѣлахъ длиннѣйшихъ періодовъ времени. И она есть результатъ многихъ обстоятельствъ—силы независимаго изобрѣтенія однихъ и тѣхъ же вещей, кровнаго родства племенъ, торговли и враждебныхъ столкновеній народовъ. Въ заключеніе я приведу слова Тайлора о подобной же общности въ умственной жизни [1]): „Существующее положеніе вещей, конечно, не представляетъ того, чтобъ одно племя дѣлало или знало совершенно то же, что̀ и другое. Но тѣмъ не менѣе, одинаковыя ступени развитія повторяются въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Есть основаніе предполагать, что наши предки въ отдаленные вѣка добывали огонь съ помощію инструмента, очень сходнаго съ ново-зеландскимъ, а въ гораздо позднѣйшій періодъ употребляли лукъ и стрѣлы, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ многія дикія племена. Предыдущія главы, въ которыхъ говорилось объ исторіи нѣкоторыхъ древнихъ искусствъ, о чародѣйствѣ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, полны примѣрами повторенія сходныхъ явленій въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра. Мы можемъ основательно предположить, что люди одинаковаго ума, поставленные въ очень несходныя условія страны, климата, растительной и животной жизни и т. д., разовьютъ и различныя явленія цивилизаціи, и мы даже знаемъ на опытѣ, что это такъ бываетъ; но тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ степень умственнаго однообразія въ человѣчествѣ, когда мы видимъ, что въ спискѣ двадцати статей искусствъ или знаній, обычаевъ или суевѣрій, взятыхъ на удачу изъ описанія не образованной расы, трудно найдти хотя одну, для которой не нашлось бы нѣчто анологичное въ другомъ мѣстѣ, у какой-нибудь другой расы, несходной съ первою въ физическихъ чертахъ и живущей за тысячу миль отъ нея“.

Имѣя въ данномъ случаѣ въ виду спеціальный очеркъ обитателей,

---

[1]) *Тайлоръ*, 496.

быта и принадлежностей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи, я привелъ предыдущія общія соображенія съ цѣлью показать, на какія приблизительно находки заранѣе можно разсчитывать (а именно—на каменные топоры, кремневые наконечники стрѣлъ, копья и пр.), и что въ большинствѣ случаевъ видимое отсутствіе однихъ изъ этихъ или подобныхъ имъ весьма распространенныхъ факторовъ тамъ, гдѣ найдены другіе, можетъ быть приписано скорѣе неимѣнію удобнаго случая открыть ихъ, чѣмъ дѣйствительному ихъ недостатку. Съ другой стороны слѣдуетъ, что рѣшительная важность принадлежностей и дѣйствительное ихъ значеніе для рѣшенія конечной задачи—возстановить до-историческій бытъ и племенныя свойства обитателей каменнаго вѣка мыслимы лишь подъ условіемъ полноты ихъ и связи со всестороннимъ изслѣдованіемъ мѣстности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, съ геологическаго до чисто антропологическаго. Если первая часть этого вывода побудитъ изслѣдователя къ энергичнымъ и настойчивымъ поискамъ, то вторая неизбѣжно должна воздержать его отъ заключеній преждевременныхъ. Вполнѣ признавая заслуги Н. Ѳ. Бутенева по собиранію его богатой коллекціи каменныхъ орудій въ Олонецкой губерніи, я полагаю, что онъ былъ не совсѣмъ правъ, когда говорилъ о рѣзкой противоположности въ характерѣ каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи сравнительно съ Западною Европой, слѣдующимъ между прочимъ образомъ: „Скопленія сколько-нибудь значительнаго числа каменныхъ орудій до сихъ поръ встрѣчено не было: а находились они обыкновенно по одиночкѣ, и мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, что найдены были три каменныя орудія вмѣстѣ, но какъ это было на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, то слѣдуетъ полагать, что они хранились въ домѣ и послѣ пожара остались на пепелищѣ. Глиняныхъ древнихъ сосудовъ, равно какъ и орудій костяныхъ, роговыхъ, бронзовыхъ, ни съ каменными предметами, ни особенно встрѣчено не было. Ни жертвенныхъ, ни надгробныхъ камней, равно какъ могильныхъ кургановъ, склеповъ и гробницъ и ничего имъ подобнаго розыскать я въ томъ краѣ не могъ, и полагаю, что ихъ тамъ нѣтъ“. Разница въ такомъ видѣ не оправдывается даже и общими заключеніями о характерѣ распространенія каменнаго вѣка, а съ другой стороны, изъ дальнѣй-

шаго хода изложенія будетъ несомнѣнно, что въ Олонецкой губерніи существуютъ каменныя орудія всевозможныхъ сортовъ въ скопленіяхъ, вмѣстѣ съ глиняными сосудами, также съ валунами, выложенными въ цѣлесообразной формѣ, съ углями и пр., какъ это показано, относительно Западной Европы, Буше де-Пертомъ, которому противополагаетъ свои слова нашъ изслѣдователь. При нѣкоторыхъ поправкахъ и фактахъ, стремящихся до извѣстной степени сгладить ту своеобразность, которую полагали видѣть въ остаткахъ каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, я поставляю себѣ главною цѣлью доказать этимъ очеркомъ скорѣе необходимость дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, чѣмъ пролить достаточно ясный свѣтъ на первобытныхъ обитателей нашего Сѣвера, гдѣ-сказать между прочимъ—даже и современные жители весьма мало извѣстны.

II.

Почвы Олонецкой губерніи: ледниковыя, безъ принадлежностей каменнаго вѣка, и новѣйшія, содержащія орудія.—Черепки и обломки кремней въ пескахъ, между устьями Ошты и Мегры, по берегу Онежскаго озера; мѣстонахожденіе принадежностей каменнаго вѣка на Лужандозерѣ.—Тудозеро у залива Щучья тоня; вѣроятность пониженія уровня Тудозера, зарастаніе части залива торфомъ, происхожденіе вала и отложеніе въ немъ ила, который содержитъ орудія.—Пребываніе жителей на валу обусловливалось цѣлями рыболовческими.—Дальнѣйшее распространеніе орудій около залива. Общій взглядъ на измѣненія въ мѣстности.—Каменный вѣкъ къ востоку отъ Онежскаго озера.—Кенозеро.—Кумбасъ-озеро.—Орудія лежатъ на пашняхъ, въ растительномъ слоѣ или подъ нимъ.—Полъ.—Ничтожныя измѣненія въ мѣстности со времени существованія здѣсь каменнаго вѣка.—Отсутствіе остатковъ каменнаго вѣка на Водлозерѣ и нѣкоторая вѣроятность, что оно было шире раскинуто во времена пребыванія современниковъ каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кенозера.

Пласты почвъ, господствующіе въ Олонецкой губерніи, относятся къ двумъ категоріямъ послѣ-третичнаго періода: это наносы ледниковые и новѣйшіе. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ сѣрыя глины или суглинокъ, съ примѣсью гальки и щебня, также пески; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ изобилуютъ валунами весьма различной величины и въ разнообразныхъ пропорціяхъ; по мнѣнію однихъ, онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ той эпохѣ, когда весь сѣверъ Россіи былъ погруженъ подъ моремъ, по которому носились массы льдовъ и бороздили гранитныя, гнейсовыя и діоритовыя скалы,

разсѣянныя въ разныхъ точкахъ края [1]). Другіе стараются показать, что нѣкоторыя точки сѣвера были закованы ледниками на подобіе нынѣшней Гренландіи; отъ движенія ихъ въ сосѣднія страны могли произойдти часто тѣ же наносы, что̀ и отъ плавающихъ льдинъ. Ледниковыя образованія Скандинавіи, Финляндіи и Эстляндіи объясняются помимо покрытія моремъ [2]). Которому изъ двухъ указанныхъ явленій страна обязана наиболѣе выдающимися чертами своей физіономіи—это остается вопросомъ, требующимъ въ будущемъ вполнѣ точнаго, положительнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается совершенно темнымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ заселялась страна съ того времени, когда начала выходить изъ-подъ воды или очищаться отъ ледниковъ. Не рѣшенъ вопросъ и о человѣкѣ: видѣлъ ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣ физико-географическіе перевороты, о существованіи которыхъ теперь догадываются геологи? Есть отвѣты отрицательные, въ ледниковыхъ отложеніяхъ никакихъ слѣдовъ человѣка пока не найдено; но результаты могутъ представиться въ другомъ видѣ, если, съ одной стороны, наука, а съ другой—промышленность, оказавшая такъ много услугъ наукѣ объ ископаемомъ человѣкѣ на Западѣ, внимательно углубятся въ ледниковые наносы. Въ ожиданіи этого пріятнаго обстоятельства обратимся къ почвамъ болѣе новымъ или послѣ-ледниковымъ, которыя впрочемъ, по мнѣнію академика Гельмерсена, невсегда рѣзко отличаются отъ почвъ ледниковыхъ [3]).

Къ новѣйшимъ почвамъ принадлежитъ торфъ, образующійся на мѣстѣ высыхающихъ озеръ, или пески, суглинокъ—по берегамъ существующихъ озеръ и по долинамъ рѣкъ; сюда же относится

---

[1]) См. *Мурчисонъ*, Геологическое опис. Европейской Россіи и проч., перевелъ *Озерскій*, ч. II, стр. 375, 421, 431, 439, 444 и слѣд. *Н. Головкинскій*, О послѣтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ и проч., стр. 15 и далѣе отъ 29. *А. Иностранцевъ*, Геологическій обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, стр. 64 и далѣе.

[2]) *Ф. Шмидтъ*, Труды С.-Петербург. Общ. Естестводисп., т. II, вып. I, стр. LXX—LXXX. Протоколы засѣд. по отд. Геолог. и Минерал.; *П. Кропоткинъ*, Письма во время геологич. поѣзд. по Финляндіи и Швеціи, въ Извѣст. Р. Г. О.; т. VII, № 6, стр. 295, 301 и проч.

[3]) Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands. 37. 1869.

*

пахотный слой. Всѣ эти почвы характеризуются отсутствіемъ валуновъ, кромѣ мѣстныхъ, наносимыхъ и въ настоящее время.

Всѣ принадлежности каменнаго вѣка, привезенныя мною изъ Олонецкой губерніи, найдены въ почвахъ этой послѣдней категоріи. Къ очерку ихъ мѣстонахожденія я и приступлю въ настоящее время, начиная отъ запада къ востоку.

По всему юго-восточному берегу Онежскаго озера тянутся новѣйшіе пески; по одну сторону ихъ вездѣ разстилаются воды озера; по другую также виднѣются озера (*Игумновское*, *Мегорское*, *Панское*, *Великое*, *Котечное*), но здѣсь преобладаютъ главнымъ образомъ трясины и торфяники, которые, отходя отъ песковъ на разстояніе отъ одной до пяти верстъ, упираются въ плотные холмы съ сильно развитыми ледниковыми наносами. Въ ряду этихъ отложеній послѣ-ледниковыхъ наносовъ, старшинство въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, пескамъ; а рядомъ озеръ и торфяниковъ обозначается предѣлъ, до котораго могли доходить воды Онега на юго-востокъ. Во всякомъ случаѣ загадочнымъ представляется образованіе этихъ онежскихъ береговыхъ песковъ, даже если и допустить обмелепіе озера или отступленіе его водъ къ сѣверу. Вѣроятно, при высшемъ его уровнѣ на мѣстѣ песковъ находилась мель или уступъ, въ родѣ того, какой въ настоящее время замѣчается рыбаками у Вытегорскаго устья: эта мель могла разростись въ береговой валъ, близко уподобляющійся дюнѣ. Песчаные береговые валы представляются или одиночными, или же по нѣскольку въ рядъ, параллельными между собою, а также и водамъ озера; въ такомъ случаѣ между ними нерѣдко лежатъ болотца и озерки, что̀ служитъ доказательствомъ болѣе равномѣрнаго отступленія. Такова, напримѣръ, мѣстность между устьями рѣкъ Ошты и Мегры. Здѣсь самый первый изъ валовъ лежитъ нерѣдко на разстояніи версты отъ современнаго берега озера; онъ есть въ то же время и самый старшій изъ всѣхъ параллельныхъ и ближайшихъ къ озеру валовъ, съ другой стороны—онъ старше и бо̀льшей части трясинъ и торфяниковъ, лежащихъ между нимъ и ледниковыми образованіями на протяженіи 3 или 4 верстъ; въ одномъ изъ этихъ окраинныхъ песчаныхъ валовъ, чрезъ который проходитъ частію Онежскій каналъ.

версты на три къ востоку отъ впаденія въ него Ошты и недалеко, къ востоку же, отъ единственной въ этомъ мѣстѣ путейской казармы, найдены мною въ значительномъ количествѣ обломки кремней и горшковъ, несомнѣнно принадлежащіе каменному вѣку. Наклонность обитателей этого періода къ рыболовству обличается многими дальнѣйшими обстоятельствами, и весьма вѣроятно, что они черпали себѣ пропитаніе изъ озеръ, лежавшихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стелются обширныя трясины, намекая на будущую участь и тѣхъ озерковъ, которыя еще остались въ разныхъ мѣстахъ.

Второе за этимъ мѣстонахожденіе—Лужандозеро. Онежское озеро отдѣляется отъ него одиночнымъ песчанымъ валомъ (Кенда) и лентовидно идущимъ около него, довольно плотнымъ торфяникомъ, шириной около 150 саженъ. Въ свою очередь и Лужандозеро, состязающееся, по мнѣнію жителей, съ Онегомъ чистотою своихъ водъ, своимъ песчанымъ дномъ и вкусомъ рыбы, противопоставило ему на берегу, къ нему обращенномъ, Кенду, небольшой песчаный валъ, въ которомъ и найдены кремневые обломки, съ нѣкоторыми другими принадлежностями. Они будутъ описаны дальше. Нахожденіе же ихъ здѣсь доказываетъ, что до-историческіе обитатели края селились преимущественно на берегахъ мелкихъ озеръ. Если допустить, что послѣ образованія Онежской Кенды Лужандозеро было связано съ тѣмъ озеромъ, на мѣстѣ котораго теперь торфяникъ, что оно со стороны Онега начало потомъ заростать торфомъ (какъ это, очевидно, произошло съ Великимъ озеромъ [1]), и какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ и теперь съ самимъ Лужандозеромъ — на мысѣ „Толстой носъ“ или въ сѣверовосточномъ его углу, около деревни Урюпиной), и что дальнѣйшій процессъ торфованія прекратился образованіемъ замѣченнаго вала,—то нужно вмѣстѣ съ этимъ допустить, что самый валъ Лужандозера новѣе нѣкоторыхъ торфяниковъ.

Теперь обратимся къ третьему мѣстонахожденію остатковъ каменнаго вѣка, наиболѣе важному и выдающемуся изъ всѣхъ, замѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Онежскаго озера: я говорю о

---

[1]) На это заростаніе я указалъ во второмъ письмѣ, напечатанномъ въ Изв. Русск. Геогр. Общ., в. IV.

Тудозерѣ. Въ сѣверо-западномъ углу своемъ оно образуетъ небольшой заливъ (см. таб. I, ф. 1 и 2) прилегающій съ одной стороны непосредственно къ Кендѣ Онега. Съ запада и юга этотъ заливъ упирается въ трясинистое торфяное болото, которое тянется потомъ по направленію къ Лужандозеру на разстояніи, уходящемъ за 1½ или 2 версты. Этимъ болотомъ, спертымъ съ одной стороны береговыми песками, а съ другой—холмами, обозначается, вѣроятно, нѣкогда существовавшее дальнѣйшее распространеніе залива Тудозера въ указанномъ направленіи. Берегъ Тудозера въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается заливъ, и начинается болото, представляется въ видѣ очень правильнаго вала возвышающагося надъ уровнемъ воды приблизительно на 1 метръ, съ подобною же шириною; при всей ширинѣ болота, простирающейся отъ 100 до 150 саж., онъ начинается на разстояніи 40 или 50 саженей отъ юго-западнаго края и тянется по направленію къ Кендѣ саженъ на 50; не доходя до нея саженъ 10 или 15, онъ кончается, отдѣляясь отъ Кенды такимъ же вязкимъ и сырымъ болотомъ, какъ и со стороны холмовъ. Своимъ концомъ, обращеннымъ къ деревнѣ Бабовщинѣ, валъ примыкаетъ къ округленному возвышенію—острову, саженъ на 10—15 въ діаметрѣ, сухому, довольно плотному и заросшему высокимъ соснякомъ; оба они, валъ и островъ, составляютъ до нѣкоторой степени мостъ для перехода чрезъ болото.

Если допустить, что Тудозеро, какъ и многія другія подобныя озера, было нѣкогда тѣснѣе соединено съ Онежскимъ озеромъ, на что есть основанія; что съ происшедшимъ здѣсь пониженіемъ уровня водъ, оно отдѣлилось отъ Онега, оставивши доказательства своего высшаго стоянія въ пескахъ около деревень Щекиной и Бабовщины, и что со временемъ оно приняло приблизительно тотъ уровень стоянія воды, на которомъ мы теперь его замѣчаемъ,—то при этомъ обмеленіе легко могло постигнуть тотъ заливъ, на мѣстѣ котораго теперь болото, и особенно въ свойственномъ ему затишьѣ онъ могъ предаться заростанію травой, мохомъ и торфованію. Этотъ послѣдній процессъ, начавшись со стороны Лужандозера, могъ остановиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь валъ; мягкая масса молодаго, образовавшагося въ сырости торфа согнулась на окраинѣ, обращенной напору волнъ, на подобіе листа

бумаги, какъ это происходитъ и въ наше время во многихъ мѣстахъ, даже на Тудозерѣ, напримѣръ, около его устья. Въ эту эпоху стояніе воды могло быть нѣсколько выше современнаго, и какъ самъ валъ, такъ и сосѣдній съ нимъ островъ могли хотя временно заливаться водою; поэтому, какъ въ первомъ, подвергавшемся еще и прибою волнъ, такъ и на второмъ, могъ отлагаться сѣроватый озерный илъ, съ нѣкоторымъ содержаніемъ песку. Въ настоящее время ни валъ, ни островъ уже не заливаются никогда водою, хотя это и случается еще съ окружающимъ ихъ болотомъ, которое въ одни года высыхаетъ весьма значительно, и выростающая на немъ трава выкашивается крестьянами, а въ другіе сильно заполняется водой и бываетъ совершенно недоступнымъ къ выкашиванію, какъ это произошло и въ 1871 году. Эта самая мѣстность была обитаема людьми въ эпоху отложенія сѣраго ила, достигающаго до 1 $^1/_2$ вершковъ толщины, въ валу на торфѣ, и на возвышеніи или островѣ, гдѣ илъ лежитъ на красномъ пескѣ. На валѣ, во входящемъ въ составъ его илѣ, я нашелъ множество обломковъ горшковъ и кремней, а также кремневыхъ и сланцевыхъ орудій. Всѣ эти находки показываютъ, что здѣсь довольно долго процвѣтала цивилизація каменнаго вѣка, или же по крайней мѣрѣ видно, что здѣсь жило не одно только семейство. Валъ въ своемъ настоящемъ видѣ очень узокъ для того, чтобъ на немъ во всякое время дня и ночи можно было удобно располагаться, и нужно думать, что онъ съ тѣхъ поръ подмытъ со стороны залива, какъ это отчасти показываютъ вымытыя изъ него и валяющіяся въ береговомъ щебнѣ принадлежности каменнаго вѣка, а также сосны, выросшія на валу и потомъ въ силу подмыванія вала склонившія къ водѣ свои головы. Кромѣ того, видно, что жители пользовались и островомъ, какъ мѣстопребываніемъ: раскопка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показала, что въ красномъ пескѣ его, накрытомъ тонкимъ пластомъ ила до 1 $^1/_2$ вершка толщины, разбросаны перегорѣвшіе камни; но здѣсь не найдено пока посуды или кремневыхъ обломковъ, почему можно думать, что если они здѣсь и существуютъ, то рѣдко, что̀ и можно принять въ свою очередь за доказательство, что главная промышленная дѣятельность жителей сосредоточивалась около вала.

Причины, заставившія первобытныхъ обитателей поселиться или временно, но часто и продолжительно бывать на этомъ во всякомъ случаѣ тѣсномъ мѣстѣ, могли быть различны. Имъ нужно было защищенное отъ непогодъ мѣсто, а заливъ совершенно удовлетворяетъ этому условію. Кенда, господствующая надъ окрестностью и заросшая высокимъ соснякомъ, защищаетъ его отъ западныхъ, сѣверныхъ и сопредѣльныхъ имъ вѣтровъ; въ то время, когда воды Онега отъ запада и сверпка бѣшено плещутся и стонутъ, въ заливѣ полная тишина; съ юга и юго-запада онъ также недоступенъ волненію, но свободно открытъ южному припеку солнца; холмы съ этой стороны пологи и очень лѣсисты; восточные вѣтры для него нѣсколько опаснѣе. Всѣ эти географическія черты мѣста, избраннаго жителями для поселенія, замѣчательно согласуются съ тѣми, которыя нравились и обитателямъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ, и которыя П. И. Лерхомъ, на основаніи показаній Ф. Келлера, описаны въ слѣдующихъ словахъ: „Для поселеній сваестроители избирали мѣсто въ озерахъ, находившееся на солнечной сторонѣ и не въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ берега (иногда однако же въ 3,000 ф.). При этомъ они часто имѣли въ виду, чтобъ мѣстность была ограждена горами, окружающими озеро, или вдающеюся въ него косой отъ бури и сильнаго волненія. Преимущественно привлекали ихъ бухты, открытыя на югъ и лежавшія у подножія горы, заросшей лѣсомъ, въ чащѣ котораго скрывалась добыча охотника“ [1]).

Хотя остатковъ пищи, костей и т. д. мнѣ не удалось найдти у нашихъ обитателей, однако по нѣкоторымъ принадлежностямъ (грузила) можно судить объ ихъ наклонности къ рыболовству, откуда становится ясною другая причина поселенія на валу, помимо того, что здѣсь они могли чувствовать себя въ большей, чѣмъ гдѣ-либо, безопасности отъ враговъ. Эта причина была одною изъ тѣхъ, которыя поддерживали главнымъ образомъ существованіе озерныхъ жилищъ. По мнѣнію К. М. Бера, она заключалась въ томъ „что человѣку обезпечивалось большее количество

---

[1]) *П. И. Лерхъ*, Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Ст. вторая, стр. 19. (Отдѣльный оттискъ изъ Изв. Археол. Общ., томъ IV).

рыбы въ озерѣ, и преимущественно, въ ближайшихъ отъ жилья мѣстахъ его. Рыба размножается тамъ, гдѣ въ воду попадаетъ значительное количество остатковъ органическихъ тѣлъ, если только при томъ воды достаточно, чтобъ она не сдѣлалась совершенно вонючею; всѣ эти органическія вещества становятся пищею для рыбы или непосредственно, или по разложеніи въ водѣ на малѣйшія частицы" [1].

Описываемый нами заливъ извѣстенъ въ настоящее время у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Щучьей топи; это названіе указываетъ, что щука любитъ это мѣсто, и конечно, не даромъ: не будь въ немъ другой рыбы, она едва ли бы заглянула въ него: съ другой стороны, щука вообще любитъ во время лѣта мѣста, открытыя припеку солнца и поросшія травой, каковъ отчасти самый заливъ, а главнымъ образомъ, заливное болото. Кромѣ щуки, весьма многія другія рыбы ищутъ лѣтомъ тихихъ заливовъ, травы и камышу. Такимъ образомъ мы видимъ, что валъ замѣнялъ нашимъ жителямъ въ нѣкоторомъ родѣ свайную постройку, доставляя имъ возможность наиболѣе удобно пользоваться естественными богатствами. Въ то же время нужно сказать, что ни одинъ валъ и островъ въ заливѣ были обитаемы. Одинъ крестьянинъ изъ деревни Бабовщины въ то время, когда я уже совершилъ свою послѣднюю экскурсію къ заливу, разсказалъ мнѣ, что на окраинѣ залива, прилежащей къ Кендѣ, онъ во время неводьбы замѣчалъ большіе обломки горшковъ и нашелъ цѣлое круглое дно горшка; онъ говорилъ также, что въ сухіе и маловодные года замѣчается, что чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ больше встрѣчается кремней. Это обстоятельство остается для меня совершенно загадочнымъ по своему значенію; рѣшеніе его нужно отложить до будущаго удобнаго случая. Я же не могъ лично убѣдиться въ истинѣ этого показанія, хотя и ходилъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ, къ показанному мѣсту; вода была весьма высока, и точки, на которыя онъ указывалъ, были совершенно залиты. Этотъ же крестьянинъ говорилъ мнѣ, что горшки встрѣчались и на пашняхъ, по холмамъ, лежа-

---

[1]) *К. М. Беръ*, О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ. Прилож. къ Мѣсяцеслову 1864 г., стр. 59.

щимъ съ юго-запада залива. На сторонѣ Тудозера, противоположной заливу, около деревни Щекиной, въ пескахъ я также самъ лично находилъ обломки кремней. Не рѣшаясь судить о значеніи этихъ послѣднихъ фактовъ, обращаюсь къ остаткамъ, скрытымъ въ валѣ.

Если наше предположеніе о ходѣ физико-географическихъ измѣненій соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени дѣйствительности, то изъ него видно, что прежде чѣмъ человѣкъ появился на валу, совершилось довольно много процессовъ, а именно: пониженіе водъ, раздѣленіе Тудозера съ Онегомъ и торфованіе залива. Отъ того же времени, когда человѣкъ удалился отсюда, появившись, можетъ быть, при нѣсколько высшемъ стояніи водъ, чѣмъ теперь, не произошло въ мѣстности никакихъ замѣтныхъ измѣненій; только илъ, въ которомъ человѣкъ оставилъ свои орудія и остатки своего хозяйства, покрылся торфовидною массой изъ едва перегнившихъ растеній и достигающей 1 — 1½ вершка толщины, а илъ, покрывающій песокъ на островѣ, едва успѣлъ сверху принять черноватый оттѣнокъ. Изъ всего этого видно, что эпоха, въ которую процвѣталъ здѣсь каменный вѣкъ, весьма недалека отъ насъ; но точнѣйшее опредѣленіе ея отдаленности въ глубь временъ должно составлять послѣднее слово многихъ совокупныхъ изслѣдованій.

На восточной сторонѣ Онежскаго озера принадлежности каменнаго вѣка также не составляютъ рѣдкости; по слухамъ мнѣ извѣстно, что онѣ находятся во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ развиты новыя образованія; таковы, напримѣръ, окрестности Пудожа, съ богатою аллювіальными отложеніями долиной рѣки Водлы. По личному же опыту я узналъ богатство остатковъ каменнаго вѣка на сѣверо-востокъ отсюда, на водораздѣлѣ между Онежскимъ и Бѣломорскимъ бассейнами, въ окрестностяхъ Кенозера, — мѣстность, на изслѣдованіе которой я не могъ, къ сожалѣнію, удѣлить больше нѣсколькихъ дней. Самая роль этой мѣстности—служить водораздѣломъ, указываетъ нѣкоторымъ образомъ на ея относительную высоту. И если справедливо, что Сѣверъ былъ нѣкогда подъ водою, то указанное мѣсто, какъ наиболѣе высокое изъ другихъ, должно было раньше обнажить многіе изъ своихъ пунктовъ,

раньше начать новѣйшія отложенія, и вмѣстѣ съ этимъ, сдѣлаться скорѣе и наиболѣе доступнымъ для поселенія. И въ самомъ дѣлѣ, аллювій во многихъ мѣстахъ залегаетъ здѣсь большими толщами, напримѣръ, по берегамъ Кенозера, противъ деревни Филиповъ Ручей, а кремни въ береговомъ щебнѣ встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что трудно допустить, чтобъ они появились сюда помимо силъ самой природы; въ самомъ дѣлѣ нельзя сомнѣваться, что большая часть кремневыхъ кусковъ, величиною въ кулакъ, рѣдко болѣе, а чаще меньше, занесены водой изъ ихъ коренныхъ мѣсторожденій въ каменноугольныхъ образованіяхъ, развитыхъ въ окрестностяхъ Кенозера; но съ другой стороны, трудно не обратить вниманіе на то, что на большей части этихъ осколковъ существуютъ весьма ясные слѣды руки человѣческой, такъ что это изобиліе большихъ и малыхъ осколковъ должно объяснить преимущественно участіемъ обитателей каменнаго вѣка. Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ присутствіе настоящихъ орудій—стрѣлъ, иногда лежащихъ вмѣстѣ съ кремневыми кусками и осколками, иногда же отдѣльно разбросанныхъ въ мѣстности. Мною замѣчено было одно мѣсто на заливномъ лугу, на берегу Свинаго озера, составляющаго отдѣльный заливъ Кенозера, противъ потока Филиповъ-Ручей, гдѣ положеніе осколковъ въ растительномъ слоѣ совершенно сохранилось и свидѣтельствуетъ о кратковременномъ здѣсь пребываніи одного человѣка или семейства, занимавшагося, судя по самому характеру осколковъ, выдѣлкой кремневыхъ орудій.

Эта мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ любопытная, видимо заключающая въ себѣ слѣды большаго развитія культуры каменнаго вѣка и служившая, по всему вѣроятію, центромъ распространенія этой культуры, а также и другія, къ югу и востоку отъ нея лежащія, въ которыхъ, по доходившимъ до меня слухамъ, слѣды каменнаго вѣка представляются въ неменьшемъ изобиліи,—остались однако совершенно мнѣ неизвѣстными въ подробностяхъ, и вся находка моя въ окрестностяхъ Кенозера ограничилась нѣсколькими кремневыми наконечниками стрѣлъ, впрочемъ прекрасно выдѣланными, и кремневыми же осколками.

Но счастливый случай заставилъ меня познакомиться на возвратномъ пути къ Водлозеру, на западномъ склонѣ водораздѣла,

съ остатками каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кумбасъ-озера. Недальнее, двадцати-верстное разстояніе этого мѣста отъ Кенозера даетъ право разсчитывать и на общую тѣсную связь въ ихъ каменныхъ принадлежностяхъ, и какъ мѣстонахожденіе, такъ и составъ Кумбасъ-озерскихъ орудій могутъ служить указаніемъ на общій характеръ кенозерской культуры, хотя эта послѣдняя можетъ заключать въ себѣ слѣды большей древности и большаго развитія.

На Кумбасъ-озерѣ встрѣчается меньше кремней и мало такихъ глыбъ, какія есть на Кенозерѣ, и которыя не были подвержены обработкѣ; по большей же части встрѣчались такіе осколки, которые остались отъ обдѣлки. Съ первыми же шагами по береговому щебню озера я находилъ значительное количество такихъ осколковъ, и между ними нашелъ обломокъ горшка, что̀ и заставило меня произвести здѣсь болѣе дѣятельную развѣдку лично и чрезъ распросы.

Кумбасъ-озеро расположено въ широкой чашевидной долинѣ, среди довольно высокихъ холмовъ; само оно представляется также въ округленной формѣ, приближающейся къ эллипсису, и достигаетъ до 4 или 5 верстъ длины и до 2 верстъ ширины. Изъ сѣверо-западнаго своего края оно даетъ рѣку Кумбасу, достигающую при истокахъ саженъ 15 ширины; здѣсь же холмы особенно близко приступаютъ къ рѣкѣ и къ водамъ озера, и здѣсь расположено современное населеніе. При самомъ истокѣ рѣки, по ту и другую ея сторону, расположены двѣ полосы пашенъ, и въ нихъ-то я добылъ орудія. Пашня, лежащая на сторонѣ деревни, особенно ими изобиловала, но по своей близости она всегда была доступна деревенскимъ юношамъ, которые, разыскивая на ней горшечные черепки и плоскіе кремневые обломки, а также стрѣлы, бросали ихъ въ рѣку. Благодаря этому обстоятельству, научный интересъ пашни былъ истощенъ, и я, ограничившись нѣсколькими не очень важными находками, переправился на другую сторону рѣки, гдѣ пашня была лучше ограждена отъ посѣщеній непрошенныхъ гостей. Съ этой пашни только что снятъ былъ ленъ, и я, при помощи ея хозяина, долженъ былъ перепахать ее, чтобъ вывести на свѣтъ ея сокровища. Пахатный ея слой имѣлъ отъ 1½ до 3 вершковъ мощ-

ности; онъ лежитъ на желтомъ рѣчномъ пескѣ безъ валуновъ, который, въ свою очередь залегаетъ, какъ кажется, на желтой ледниковой глинѣ, съ валунами; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно судить потому, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и отъ пашни растительный слой и песокъ кончаются, и начинается сырое болотистое мѣсто, заросшее высокимъ лѣсомъ; въ одной части его обнажается глина. Но не смотря на близость ея къ песку и на то что она выходитъ здѣсь на поверхность, она не содержитъ въ себѣ никакихъ остатковъ человѣческой дѣятельности, хотя, еслибъ они заключались въ ней, существовала бы и возможность открыть ихъ: черезъ пашни, лежащія на глинѣ, проведены довольно глубокія канавы; въ обнаженномъ такимъ образомъ слоѣ, до 0,5 метра толщиною, содержатся многочисленные небольшие валуны, и между ними нѣтъ ни одного орудія, ни одного обломка горшка или кремня.

Другое дѣло — распаханная нами пашня; здѣсь въ пескахъ и въ растительномъ слоѣ скрыто почти все главное и необходимое въ хозяйствѣ жителя каменнаго вѣка: это топоры, стрѣлы, ножи, рубанокъ, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней и горшковъ, остатки жилища и пр. Трудно съ точностью сказать, въ какомъ положеніи находились первоначально всѣ эти принадлежности, такъ какъ пашня была очень много разъ распахиваема, и они въ большинствѣ случаевъ сдвинуты съ своего мѣста. Однако же, судя по остаткамъ жилья, я пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что орудія оставлены были на иловатомъ пескѣ. Это былъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фундаментомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой полъ, какіе были позднѣе, въ историческія времена, въ употребленіи у нашихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго времени дѣлаются у Эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки. Полъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы: были валуны закругленные водой, были остроугольные и острореберные; былъ одинъ валунъ до $^3/_4$ аршина въ длину и въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, находились и меньшіе, длиной до четверти; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были связаны ни какимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря аккуратной укладкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженi-

яхъ каменнаго вѣка. Имѣя довольно ровную поверхность, этотъ каменный полъ является округленнымъ, до 1 1/2 метра въ діаметрѣ; около одного изъ краевъ его былъ найденъ камень съ обточенною верхнею стороной; онъ былъ уже вставленъ сюда въ такомъ видѣ и служилъ точиломъ, на которомъ готовились топоры или другія сточенныя орудія; промежутки между камнями были заполнены частію пескомъ, частію горшечными обломкали, кремнями или углями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались остатки сосновой коры и береста; видно, что жители не только дѣлали здѣсь свои орудія, но разводили огонь и варили пищу; кора сосны и береста служила, вѣроятно, покровомъ для хижины, размѣры которой легко могли быть больше, чѣмъ величина каменнаго пола.

Это сооруженіе находилось среди пашни, представляясь въ формѣ небольшаго выпуклаго возвышенія. Сверху оно было накрыто растительнымъ слоемъ, подъ которымъ лежалъ песокъ, и затѣмъ только, въ глубинѣ, было самое сооруженіе. Отсюда видно, что полъ существовалъ тогда, когда еще не было перегноя; отъ хозяевъ онъ остался открытымъ, среди песку, которымъ потомъ и засыпался, благодаря, можетъ быть, вѣтрамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь начала водворяться растительность, трава и ивы, за которыми послѣдовали березки или сосна, и такимъ образомъ началось, вѣроятно, отложеніе пахатной почвы. Въ то время, когда первобытные обитатели были живы, рѣка подходила ближе къ ихъ хижинамъ; ихъ сооруженіе стояло непосредственно на берегу ея, такъ какъ и теперь современные пески лежатъ только около самаго берега. Прежде рѣка была выше пола, затѣмъ она отходила по направленію къ правому берегу и теперь находится отъ пола саженъ на 30 и на нѣсколько метровъ ниже. По этому можно судить, что измѣненія въ мѣстности, происшедшія со времени изчезновенія жителей каменнаго вѣка, весьма не велики; причина ихъ можетъ заключаться или въ простомъ измѣненіи рѣчнаго русла, или въ уменьшеніи количества водъ, но въ слѣдствіе ли поднятія мѣстности, или вырубки лѣсовъ, или инаго какого-либо случая, для этого доказательствъ не имѣется. Самое теченіе рѣки Кумбасы весьма медленно; во многихъ своихъ плесахъ она подобна озеру, исключая нижнихъ частей, гдѣ она порожиста. Съ другой

стороны, трудно также сказать, по какимъ причинамъ былъ оставленъ этотъ теплый домашній очагъ, вмѣстѣ со всѣми орудіями, стоившими жителямъ большаго труда, и которыми они дорожили, можетъ быть, несравненно больше, чѣмъ самый пылкій изъ современныхъ археологовъ.

Другихъ мѣстонахожденій каменныхъ орудій мнѣ не удалось найдти и осмотрѣть въ короткій срокъ пребыванія въ окрестностяхъ Кумбасъ-озера, хотя мнѣ сдѣлалось хорошо извѣстно, что женщины изводятъ много кремневыхъ издѣлій, собирая ихъ на полевыхъ работахъ, при добываніи огня, такъ какъ спички весьма туго входятъ здѣсь въ употребленіе. Далѣе отъ деревни, по теченію рѣки Кумбасы, орудія становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, и жители деревни Падуна на Водлѣ, недалеко отъ устья Кумбасы, весьма мало знакомы съ ними. Небольшая сумма денегъ, потребовавшаяся одной Падунской красавицѣ на фартукъ, заставила ее поднести мнѣ сланцевый топоръ, единственный, какъ кажется, изъ когда-либо найденныхъ при устьѣ р. Кумбасы и извѣстныхъ жителямъ. Онъ былъ послѣднею моею находкой въ этомъ краѣ.

Если въ окрестностяхъ Кено и Кумбасъ-озера нѣсколько дней пребыванія дали мнѣ возможность открыть значительные слѣды каменнаго вѣка, то теперь передо мною открылась страна, въ которой попытки найдти то же самое остались въ теченіе цѣлаго мѣсяца безъ всякихъ положительныхъ и желанныхъ послѣдствій. Эта страна лежитъ къ сѣверо-западу отъ Падуна и обнимаетъ Вирозеро, Ваму и большую часть окрестностей Водлозера. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ экскурсіяхъ, совершенныхъ мною въ этихъ мѣстахъ по всевозможнымъ направленіямъ, глаза мои часто обращались къ землѣ, но я не находилъ и не видѣлъ ни одного каменнаго орудія, ни даже обломка кремешка. Мой глазъ могъ однако обмануть меня, и я обращался съ вопросами къ жителямъ, которые, можетъ быть, не меньше меня интересуются каменнымъ вѣкомъ, въ виду недостатка спичекъ и существованія кремневыхъ ружей. Отвѣты были отрицательные; громовыхъ стрѣлъ, въ родѣ тѣхъ, какія я имъ показывалъ изъ окрестностей Тудозера, съ Кено и Кумбасъ-озера, они не знаютъ. А кремни для добыванія огня и для ружей

привозятся съ „Каргопольщины", то есть, изъ окрестностей Кенозера и съ р. Онеги, Каргопольскаго уѣзда. Въ этихъ кремняхъ я узнавалъ осколки отъ обдѣлки каменныхъ орудій.

Къ сказанному присоединяется еще одно весьма важное обстоятельство, которое отчасти находится въ связи съ отсутствіемъ здѣсь остатковъ каменнаго вѣка. Это бѣдность аллювія во всей странѣ и преобладаніе ледниковыхъ образованій, другими словами, здѣсь нѣтъ тѣхъ почвъ, какія развиты на Кенозерѣ, а частію и на Кумбасъ-озерѣ, и въ которыхъ заключены тамъ остатки каменнаго вѣка. По всюду здѣсь господствуетъ сѣрая, иногда съ дымчатымъ оттѣнкомъ глина; она выглядываетъ изъ-подъ моховаго покрова, изъ промоины, на скатѣ холма, заполненная мелкимъ щебнемъ и по всюду—на камняхъ и по берегамъ озеръ, сопровождается тѣми самыми валунами, которые такъ тяжело лежатъ на плечахъ Водлозёра [1]). Ничтожные проблески новѣйшихъ наносовъ, которые, можетъ быть. теперь только образуются, напоминаютъ о молодомъ возрастѣ страны. И можетъ быть, въ пользу этой же молодости страны говоритъ то господство, которымъ здѣсь пользуется ель между всѣми другими представителями древесной растительности [2]): сильное распространеніе ели тѣсно связано съ тѣмъ же однообразіемъ почвы. При всемъ этомъ есть нѣкоторая вѣроятность въ томъ, что само Водлозеро уменьшается въ своихъ размѣрахъ; по западному берегу его, около деревни Гумаръ-Наволокъ, находятся новѣйшіе пески, хотя и въ небольшомъ количествѣ, но въ значительномъ отдаленіи отъ современныхъ водъ; они уже заросли сосновымъ лѣсомъ. Въ своемъ дневникѣ я нашелъ замѣтку, писанную на островѣ Канза-Наволокъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, слѣдующаго содержанія: „Озеро видимо мелѣетъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, около береговъ, лежатъ валами камни, наворочённые время отъ времени льдами. Въ однихъ мѣстахъ они около самой воды, въ другихъ же, особенно на мысахъ, отстоятъ на столько отъ воды, что даже и въ половодье рѣдко заливаются. Вообще заливы здѣсь мелѣютъ, и отмели заростаютъ тра-

[1]) То есть, жителя прибрежьевъ Водлозера.

[2]) См. о томъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, въ Изв. И. Р. Г. Общ. 1871 г. №6.

вою". Жители замѣчаютъ также на Водлозерѣ выступаніе подводныхъ каменистыхъ мелей или лудъ выше поверхности воды и затѣмъ указываютъ на заростаніе ихъ травой и кустарниками. Я не могъ однако же прослѣдить старые береговые валы на большихъ разстояніяхъ отъ современныхъ водъ, что̀ должно было бы существовать въ случаѣ дѣйствительнаго уменьшенія озера; но эти валы могли быть замыты и занесены землей; притомъ такіе валы существуютъ по большей части на берегахъ, гдѣ вода наиболѣе глубока, и лежатъ они иногда хотя и близко отъ берега, но на такой высотѣ, что водою не заливаются (около Куго-Наволока, Охтомы и пр.). Допуская такимъ образомъ уменьшеніе размѣровъ Водлозера, можно предположить причину этому въ поднятіи мѣстности. Въ виду сказаннаго самый фактъ отсутствія, или можетъ быть, вѣрнѣе, рѣдкости принадлежностей каменнаго вѣка на Водлозерѣ я думалъ бы объяснить предположеніемъ, что въ то время, когда на Кенозерѣ отлагались существующіе тамъ пласты новѣйшихъ иловатыхъ и песчаныхъ отложеній, и когда тамъ обитали уже люди, оставившіе принадлежности своего быта, окрестности Водлозера̀, по крайней мѣрѣ ближайшія и теперь заселенныя, были еще скрыты подъ водою. Видя въ подобномъ предположеніи нѣкоторую вѣроятность, я принимаю однакоже въ соображеніе тѣ въ общей сложности незначительныя измѣненія, которыя найдены въ мѣстностяхъ залеганія орудій на Кено, Кумбасъ и Тудозерѣ; одновременно съ ними около Водлозера пришлось бы допустить гораздо большія измѣненія въ характерѣ мѣстности, съ чѣмъ трудно согласиться, а потому и окончательное рѣшеніе вопроса я долженъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ; можетъ быть, большій запасъ фактовъ дастъ возможность иначе объяснить вышеописанныя явленія, хотя, напримѣръ, съ той стороны, что кристаллическія породы, лежащія въ основаніи новѣйшихъ образованій на Водлозерѣ и къ сѣверу отъ него, труднѣе поддаются размыванію и труднѣе даютъ рыхлый аллювій, чѣмъ это можетъ быть около Кенозера, гдѣ лежитъ въ основаніи каменноугольная формація, гораздо легче доступная разрушенію; съ другой стороны, каменноугольная формація, какъ источникъ кремня, могла уже поэтому сосредоточивать около себя до-историческое населеніе.

III.

Общій характеръ жизни обитателей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи.—Остатки ихъ дѣятельности: валъ на берегу Лужандозера; орудія и способы ихъ приготовленія: обивапіе и обтачиваніе. Точила. Топоры. Рубанокъ. Конусъ и цилиндръ. Долбня. Молотки и сѣкиры. Копья и стрѣлы. Ножи. Праща. Грузила. Украшенія. Горшки. Горныя породы, служившія матеріаломъ для орудій. Догадки о племенныхъ свойствахъ обитателей.

Съ представленнымъ очеркомъ мѣстонахожденій орудій, а также съ принадлежностями каменнаго вѣка, находящимися на лицо, открывается передъ нами небольшой отрывокъ изъ длинной лѣтописи, написанной весьма неразборчивымъ почеркомъ, и на которомъ въ добавокъ лѣтописецъ забылъ выставить годъ; но при всемъ томъ, въ этихъ отрывочныхъ и часто неполныхъ показаніяхъ мы находимъ не безинтересныя свѣдѣнія о человѣческой дѣятельности. Составъ нашей коллекціи показываетъ, что первобытные обитатели Олонецкой губерніи, не отличаясь отъ насъ потребностью питаться, умѣли удовлетворять ей приличными въ ихъ положеніи средствами. Они ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣста, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или себѣ подобнымъ непріятелемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись, и за цѣлость которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшенія. Хотя мы и не имѣемъ остатковъ ихъ пищи, чтобъ наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съ варившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ, ее давшихъ. Олончане каменнаго вѣка имѣли для этого глиняную посуду. Главная отличительная ихъ черта проглядываетъ въ томъ, что они сумѣли пред-

ставить на выставку человѣческой любознательности слѣды своего искусства и трудолюбія, не употребляя металловъ и не зная ихъ. Какъ проявляли они свой трудъ? Вѣроятно, охотникъ самъ острилъ себѣ на охотѣ затупившуюся стрѣлу и затачивалъ сломавшійся топоръ; вѣроятно также, что трудъ по приготовленію большинства домашнихъ принадлежностей вертѣлся въ средѣ одиночныхъ семействъ, какъ это показываетъ положеніе болѣе или менѣе изолированныхъ семейныхъ пепелищъ (въ окрестностяхъ Кенозера), и нѣтъ вѣроятія, чтобы нѣсколько болѣе скученное населеніе обусловливалось раздѣленіемъ труда, выходившимъ изъ предѣловъ семьи, ибо иначе скопленіе значительнаго числа жителей на Тудозерскомъ валу пришлось бы объяснить не слѣдствіемъ рыболовческихъ выгодъ, а существованіемъ фабрики, подобной отчасти нашимъ,—чему противорѣчитъ даже современное положеніе промысловъ среди жителей окрестностей Вытегры и Водлозера; хотя, съ другой стороны, и нужно допустить, что всякаго рода скопленіе людей ведетъ уже къ нѣкоторымъ усложненіямъ въ раздѣленіи труда. Во многихъ случаяхъ можно видѣть, что Кенозерское населеніе по остаткамъ своихъ орудій оказывается сходнымъ съ населеніемъ, распредѣлявшимся на юго-востокѣ Онежскаго озера. Нѣсколько болѣе мощное развитіе слоевъ, заключающихъ въ себѣ остатки человѣческой дѣятельности изъ первой мѣстности, указываетъ на большую ея древность, и можетъ быть, на то, что она была центромъ заселенія, откуда люди уже потомъ двинулись къ Онежскому озеру, въ мѣстность болѣе молодую. Но въ этомъ отношеніи требуются дальнѣйшія изслѣдованія; что же касается до большинства высказанныхъ положеній относительно жизни здѣшняго до-историческаго населенія, которая во многихъ случаяхъ оказывается сходною съ жизнью и западно-европейскихъ народовъ до-исторической эпохи, то болѣе подробныя на нихъ доказательства можно будетъ найдти въ нижеслѣдующемъ ближайшемъ обзорѣ принадлежностей изъ каменнаго вѣка.

Валъ изъ небольшихъ валуновъ (небольшая часть его видна на табл. VIII, фиг. 1), найденный мною на берегу Лужандозера, въ пескѣ, на глубинѣ 0,250 м. привелъ меня въ полное удивленіе. Въ его устройствѣ поразило меня то, что до-исто-

рическій обитатель, при всей бѣдности въ инструментахъ, по единственно при ловкости своей руки, обращался съ камнями какъ столяръ, вооруженный пилою и топоромъ, съ кусками дерева. Имѣя въ виду получить сплошную каменную стѣну, устойчивую и крѣпкую, работникъ каменнаго вѣка пригонялъ камень къ камню, одну плитку къ другой, и притомъ такъ, чтобъ естественная выпуклость одного камня совпадала съ вогнутостью другого; если одинъ камень не устанавливался плотно и тѣсно съ другими, то строитель дѣлалъ на немъ выемку и отсѣкалъ отъ него торчащій бокъ въ степени, вполнѣ соотвѣтствующей обстоятельствамъ и надобности. По видимому, у строителя былъ запасъ камня, въ видѣ матеріала, и если въ какомъ-либо случаѣ иныя составныя каменныя части вала не прилаживались одна къ другой, то откалывался нужнаго вида кусокъ и ставился въ приличное ему положеніе. Осколки одного такого камня найдены мною въ различныхъ частяхъ вала, и я составилъ изъ нихъ цѣлый валунъ такого вида, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы. Видя въ устройствѣ этого вала проявленіе нѣкотораго искусства, я однако же не рѣшаюсь сказать что-нибудь положительное объ его назначеніи. При указанной глубинѣ его верхнихъ частей отъ поверхности (0,250 м.), онъ имѣлъ до 0,200 м. въ ширину и такую же высоту. Къ линіи, параллельной береговому валу озера, а также къ самой береговой линіи, онъ представлялъ выгнутую на сторону озера дугу. По окружности онъ имѣлъ 2,900 м. Между камнями были остатки углей, береста отъ тонкихъ вѣтвей березы, кой-гдѣ въ окрестностяхъ обломки кремней, но больше никакихъ принадлежностей не найдено. Очагомъ этотъ валъ служить не могъ: за чѣмъ въ такомъ случаѣ дѣлать его дугой? Видѣть въ немъ составную часть хижины также нельзя, ибо онъ не составляетъ никакой правильной и полной фигуры. А потому и остается отложить разгадку его значенія до благопріятнаго случая, который несомнѣнно и представится, если увеличатся факты. Въ ожиданіи этого посмотримъ, чѣмъ вооружилъ себя представившійся намъ работникъ.

Вооруженіе первобытнаго обитателя состояло въ топорахъ, копьяхъ или стрѣлахъ, въ ножахъ и пращахъ,—предметахъ, на приготовленіе которыхъ онъ употреблялъ различные способы; стрѣлы, ножи, а частію и топоры, рубанки и пр., онъ дѣлалъ способомъ

околачиванія; здѣсь этотъ способъ, очень замѣтный въ устройствѣ вышепредставленнаго вала и вполнѣ удовлетворявшій тамъ весьма крупнымъ нуждамъ, дошелъ до тонкости; чрезъ *сколачиваніе* обитатель получалъ красивую и острую стрѣлу, съ десятками зазубринъ; *откалывалъ* онъ тѣмъ же быстрымъ ударомъ гладкія и острыя, часто весьма длинныя пластинки кремня, служившія ножами. Въ приготовленіи топоровъ выступаетъ наконецъ способъ *обтачиванія*, и онъ также видоизмѣняется и въ тѣхъ или другихъ случаяхъ достигаетъ различнаго совершенства; вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о преобладаніи того или другого изъ способовъ не можетъ быть допущенъ, такъ какъ оба они, являясь иногда въ западной Европѣ отдѣльно, представляются на юго-востокѣ Олонецкой губерніи взаимно-слившимися и одинаково неизбѣжными въ той или другой отрасли одного и того же хозяйства. Способъ околачиванія орудій былъ проще и непосредственнѣе велъ къ цѣли, чѣмъ обтачиваніе; чтобъ приготовить орудіе, стрѣлу или ножъ, требовались самые простые приборы [1]); пользуясь ими, житель часто употреблялъ также при околачиваніи естественные валуны изъ твердаго камня [2]). Есть и въ нашей коллекціи обломки, служившіе, по видимому, для околачиванія. Стачиваніе было сложнѣе; часто орудіе послѣ околачиванія подвергалось уже полировкѣ, какъ это замѣчено въ Скандинавіи [3]). Въ Олонецкой же губерніи стачиванію рѣдко предшествовало обиваніе матеріала; для приготовленія, напримѣръ, топора житель пользовался острымъ, рѣжущимъ и твердымъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму простаго кремневаго ножа или *пилы*, на подобіе тѣхъ, какія были находимы въ швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ [4]). Слѣды такого инструмента замѣчаются на весьма многихъ изъ нашихъ орудій; таковы боковыя борозды, изображенныя на рисункахъ табл. VIII, фф. 3 и 4; это два *параллелепипеда*, надпиленные, вѣроятно, въ естественной

---

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. I и описаніе въ текстѣ, 28—34. Начиная отсюда, ссылки дѣлаются на французскій переводъ Нильсона.

[2]) Тамъ же, табл. I. ф. 11.

[3]) *Nilsson*, табл. VII, фиг. 154 и 157,—и стр. 25 текста.

[4]) *Staub*, Die Pfahlbauten, II, и *Le Hon*, L'homme fossile en Europe, стр. 151.

глыбѣ горной породы и затѣмъ выломленные; слѣды этого излома также замѣтны въ видѣ тонкаго шероховатаго слоя на нижней окраинѣ пластинокъ, представляющихъ въ такомъ видѣ первую стадію обработки топора. Затѣмъ паралеллепипедъ подвергался уже стачиванію на камнѣ, подобномъ изображенному на таблицѣ I, ф. 3. Этотъ камень несомнѣнно служилъ *точиломъ;* онъ имѣетъ видъ плиты, сточенной съ одной представленной на рисункѣ стороны; нижняя его поверхность шероховата, углы и ребра его остры и не ровны; словомъ, это никакъ не валунъ, подвергавшійся дѣйствію воды. Сточенная поверхность плиты особенно характерна, какъ весьма очевидное и убѣдительное доказательство ея искуственнаго происхожденія; по срединѣ плиты выдается равномѣрная выпуклость, переходящая на своихъ окраинахъ въ вогнутость или ею опоясанная; къ краямъ плиты вогнутость мало по малу исчезаетъ, и края стоятъ почти на той же высотѣ, какъ и высшая точка срединной выпуклости; на этой поверхности орудія стачивались круговымъ движеніемъ, и наиболѣе углубленная часть вогнутости соотвѣтствуетъ какъ разъ тому мѣсту, по которому чаще всего долженъ былъ проходить стачиваемый предметъ; на срединѣ плиты осталась выпуклость, потому что еслибъ точильщикъ сосредоточилъ на ней свое орудіе, то размахъ его былъ бы чрезвычайно малъ, а работа шла бы очень медленно; не держалъ онъ орудія и около самаго края плиты, оставшагося не сточеннымъ, потому что здѣсь оно весьма часто срывалось бы съ плиты и этимъ замедляло бы работу; поверхность плиты совершенно уподобляется тѣмъ кружкамъ, на которыхъ въ наше время вытачиваются тонкія пластинки минераловъ и горныхъ породъ для микроскопическихъ изслѣдованій. Къ этому я долженъ присоединить указаніе еще на то, что вокругъ выпуклости на плитѣ идутъ ряды концентрическихъ штриховъ или царапинъ, которыя и представлены на лѣвой не отѣненной сторонѣ рисунка; эти штрихи радикально отличаются отъ линій на плитѣ, соотвѣтствующихъ стертымъ слоямъ самой породы, изъ которой состоитъ плита. Наша плита состоитъ изъ тальковаго кварцита и имѣетъ до 360 мм. въ длину, 280 мм. въ ширину и отъ 18 до 30 мм. въ толщину; найдена она въ вышеописанномъ мѣстонахожденіи, около Кумбасъ-озера, подлѣ оча-

га или пола изъ валуновъ, изъ котораго было въ свою очередь извлечено другое точило, сдѣланное изъ породы болѣе твердой, грюнштейновой; этотъ камень имѣлъ полушаровидную или чашевидную форму; его выпуклая сторона шероховата, весьма неровна и видимо обита жителями для того, чтобъ ею можно было врывать камень въ землю; верхняя сторона по своей формѣ совершенно уподоблялась обточенной поверхности плиты, уже вышеописанной; здѣсь также средина выпукла и окаймлена круговою впадиной; самая поверхность чрезвычайно гладка, но шрамовъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ порода весьма однородна по литологическому составу и мелкозерниста. Это точило (одинъ изъ обломковъ отъ него изображенъ на табл. VIII, ф. 2) замѣчательнымъ образомъ напоминало по своему виду одно, описанное Нильсономъ—изъ Скандинавіи [1]). Вообще, какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Олонецкой губерніи, орудія для обтачиванія представляли одно изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей въ хозяйствѣ обитателей каменнаго вѣка; кромѣ двухъ вышеописанныхъ точилъ, я нашелъ обломокъ отъ плиты для стачиванія орудій и на Тудозерѣ, и это служитъ доказательствомъ того, что и здѣсь, по близости, жители имѣли постоянное мѣстожительство, такъ какъ Нильсонъ полагаетъ (въ чемъ я съ нимъ совершенно согласенъ), что точила въ Скандинавіи раздѣлялись на переносныя, легкія, и такія, которыя находились только около самыхъ жилищъ первобытныхъ жителей [2]). Всѣ наши орудія относятся къ послѣдней категоріи, и мнѣ не удалось найдти точилъ переносныхъ, въ родѣ скандинавскихъ [3]), что̀, впрочемъ, зависѣло, можетъ быть, совершенно отъ случая.

Главными орудіями, получаемыми чрезъ стачиваніе, были въ Олонецкой губерніи *топоры*. Два вышеуказанные параллелепипеда черезъ стачиваніе легко могли превратиться въ топоръ, изображенный на табл. II, фиг. 3; подобно ему произошли, вѣроятно, и другіе, представленные на фф. 2 и 3 и на табл. III, фф. 1 и 2.

---

[1]) *Nilsson*, стр. 36 и табл. II. ф. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

[3]) Тамъ же, стр. 37.

Изъ всѣхъ этихъ орудій большая часть сходна со скандинавскими; сходство простирается даже до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ и является въ особенности выдающимся у насъ на топорѣ, изображенномъ на табл. III, фиг. 2, и на другомъ, нарисованномъ у Нильсона, табл. VI, фиг. 143 [1]). Разница въ томъ, что большинство скандинавскихъ топоровъ состоитъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ, изъ кремня, тогда какъ олонецкіе топоры дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца: таковы наши топоры, таковы же и Бутеневскіе изъ Петрозаводскаго уѣзда [2]). Топоры, обточенные изъ болѣе твердыхъ породъ, были сравнительно рѣдки; одинъ такой изъ нѣсколько слюдистаго кварцита найденъ нами на Кумбасъ-озерѣ и изображенъ на табл. IV, фиг. 1; другой, также изъ кварцита, можетъ быть, по своей значительной твердости, не былъ подвергаемъ стачиванію и приготовленъ вполнѣ по способу околачиванія; это самый большой изъ всѣхъ нашихъ топоровъ; онъ представленъ на табл. IV фиг. 2. Всѣ найденные топоры являются въ формѣ клина, сточеннаго съ двухъ сторонъ; продольныя ребра ихъ иногда выдаются весьма рѣзко, иногда же и они стачивались. Остріе топоровъ доводилось до большой тонкости; сохранившись ясно у нѣкоторыхъ (см. табл. II, фф. 2, 3, 4, табл. III, ф. 1 и табл. IV, ф. 1), у другихъ оно значительно поломано (табл. III, ф. 2). Видимо, что остріе, будучи разъ поломано, возстановлялось снова; это замѣтно на оригиналѣ фиг. 2, табл. II [3]). Величина найденныхъ нами топоровъ весьма различна: отъ самаго меньшаго (табл. II, ф. 2), достигающаго 70 мм. въ длину и 32 мм. въ ширину, она видоизмѣняется въ самыхъ большихъ отъ 190 мм. въ длину, и 73 мм. въ ширину (табл. VI, фиг. 1) до 247 мм. въ длину и 83 мм. въ ширину (табл. IV, фиг. 2).

---

[1]) То же сходство въ общихъ чертахъ простирается и на Швейцарію, см. *Le Hon*, стр. 152 и др.

[2]) Нѣкоторыя соображенія о первоб. обитателяхъ Сѣв. Россіи, статья *Бутенева* въ Зап. Геогр. Общ. 1868 г., кн. I, стр. 13.

[3]) О случаяхъ многократнаго стачиванія топоровъ см. *Nilsson*, стр. 89.

Между указанными формами не найдено мною довольно характерное орудіе, значительно впрочемъ распространенное въ Олонецкой губерніи; это *долото*, остріе котораго образовано выпуклостью съ одной стороны и вырѣзкой или корытообразною впадиной, соотвѣтствующею нижней выпуклости,—съ другой; такого рода орудія въ Олонецкой губерніи были находимы Бутеневымъ и Рыбниковымъ[1]) и въ Прибалтійскомъ краѣ—Гревингкомъ[2]). Назначеніе ихъ Бутеневъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Такія орудія могли также частію служить для обдѣлки деревянныхъ издѣлій, а равнымъ образомъ, могли употребляться для сдиранія еловой коры, которая, вѣроятно, употреблялась древними жителями этого края въ пищу, какъ и теперь еще употребляется въ Лапландіи. На этотъ предметъ, по свидѣтельству ученаго Кастрена, посѣтившаго Лапландію въ 1849 году, каждая Лапландка носитъ на своемъ поясѣ костяное или роговое орудіе, къ этой работѣ приспособленное. Сосновая кора для пищи сдирается въ видѣ лентъ, по направленію длины дерева, и должна быть снята чисто, безъ древесины, потому что въ пищу можетъ идти только заболонь, и означенныя орудія могли быть на это совершенно пригодны, почему я и назвалъ ихъ скребками“[3]). Если согласиться съ существованіемъ потребности у прежнихъ обитателей, выставленной въ вышесказанной цитатѣ, то нужно признать также, что одно изъ орудій, изображенныхъ у насъ (табл. IV, фиг. 4), могло болѣе, чѣмъ всякое другое, удовлетворять этой цѣли; это четырехугольный сланцевый брусокъ, напоминающій *рубанокъ*; задній его конецъ обитъ такъ, что представляется выпуклымъ и закругленнымъ, и за него удобно держать орудіе въ томъ случаѣ, когда нужно, придавивъ его, водить по какой-либо поверхности; нижнее ребро на передней вогнутой плоскости весьма остро, такъ что если все орудіе приставить къ какому-либо тѣлу, держа его нѣсколько подъ угломъ, то неровности тѣла, при движеніи орудія, будутъ сглаживаться; что орудіе такимъ именно

---

[1]) Письма *Рыбникова* и *Лерха* въ V т. Извѣст. Археолог. Общ., табл. I, фф. 3 и 5.

[2]) Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 8 и табл. II, фиг. 20.

[3]) *Бутеневъ*, стр. 9.

образомъ употреблялось, доказываютъ штрихи и значительно стертое пространство на нижней поверхности, около острія; на задней части этого орудія сглаживанія не имѣется, такъ какъ она при работѣ не должна была соприкасаться съ тѣломъ; при работѣ больше всего стиравшееся остріе не исчезало, а постоянно вновь возстановлялось на счетъ верхней части, вогнутой къ нижней поверхности. Такое орудіе одинаково могло служить какъ для сглаживанія дерева, снимапія древесной коры, такъ для и скобленія кожъ и прочаго. Вѣроятно, къ такаго же рода орудіямъ должно принадлежать представленное на табл. III, фиг. 3; но спеціальное его назначеніе рѣшить пока не возможно; являясь нѣсколько сдавленнымъ съ боковъ *конусомъ*, на вершинѣ оно усѣчено и имѣетъ не глубокую выемку, идущую по одной изъ сторонъ къ основанію; на отѣненномъ его боку, около бороздки, искуственно сдѣлано углубленіе, какъ-бы мышиными зубами; въ него удобно помѣщается большой палецъ въ то время, когда указательнымъ и среднимъ охватывается неровное основаніе конуса; въ такомъ положеніи орудіе могло бы быть весьма пригодно для околачиванія другихъ, но для этого самая порода, сланецъ, весьма мягка, а для рѣзанія или скобленія нѣтъ, и по видимому, не было на вершинѣ никакого острія.

Не возможно угадать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 4; это неправильный сланцевый *цилиндръ*, вокругъ, съ боковъ и съ верхней на рисункѣ стороны обточенный, а снизу видимо обломленный. Трудно также указать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 1; оно похоже на обломокъ большаго копья; съ двухъ сторонъ оно ограничено двумя шероховатыми плоскостями, пересѣкающимися подъ значительнымъ угломъ, съ третьей стороны оно овально и отчасти сточено, съ остатками бороздъ отъ тренія объ точило; вершина его сравнительно тупа.

Орудія, подобныя изображенному на табл. IV, ф. 3. съ верхней стороны, были уже раньше находимы въ Олонецкой губерніи частію Н. Ѳ. Бутеневымъ [1]), частію П. Н. Рыбниковымъ [2]). Въ указанной

[1]) *Бутеневъ*, стр. 11.

[2]) Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. I, фф. 8, 9, 11

статьѣ первый изъ авторовъ сдѣлалъ объясненіе ихъ назначенію для разбитія льда во время зимы, по аналогіи съ такими же орудіями сѣверо-американскихъ дикарей, употребляемыми для дѣланія прорубей во время рыбной ловли. Дѣйствительно, это объясненіе весьма мирится съ картиной жизни на нашемъ сѣверѣ, съ его холодами и вьюгами; какъ современные жители Олонецкой губерніи въ продолженіе всей зимы должны употреблять всѣ средства достать рыбу изъ-подо льда, для чего съ помощію печни должны въ разныхъ частяхъ озеръ и рѣкъ надѣлать много отверстій и пропускать подъ ледяной покровъ неводъ, тянуть его тамъ на большихъ разстояніяхъ, такъ, вѣроятно, чувствовали въ томъ потребность и до-историческіе обитатели этого края и выработали въ помянутой *долбнѣ* орудіе, соотвѣтствующее печнѣ. Долбня, какъ это можно судить даже по Кумбасъ-озеру, гдѣ она была найдена, составляла необходимую принадлежность всякаго домашняго очага.

За всѣми этими орудіями слѣдуетъ еще одинъ рядъ орудій, встрѣчающихся въ Олонецкой губерніи,—разнаго вида *молотки* и *сѣкиры*, съ отверстіями по срединѣ; мнѣ лично не удалось такихъ добыть, но они показаны у гг. Бутенева [1]) и Рыбникова [2]). Распространеніе этихъ орудій проходитъ черезъ Прибалтійскій край [3]) и Скандинавію [4]), на западъ, въ Данію и пр.; они связываютъ такимъ образомъ каменный вѣкъ нашего Сѣвера съ западно-европейскимъ [5]).

Копья и *стрѣлы*, также входили въ число необходимыхъ принадлежностей до-историческихъ обитателей Олонецкаго края; и эти орудія значительно распространены въ Олонецкой губерніи; различіе между копьемъ и стрѣлой заключалось въ ихъ величинѣ; наконечники копій въ Скандинавіи, сдѣланные изъ кремня, достигали иногда до 362—371 мм. въ длину, при чрезвы-

---

[1]) *Бутеневъ*, стр. 7.

[2]) Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, рис. 2 и 4.

[3]) *Grewingk*, Das Steinalter, табл. I, фф. 1—11.

[4]) *Nilsson*, табл. VIII.

[5]) *Le Hon*, 157.

чайной тонкости выдѣлки [1]). У насъ пока найдено весьма мало подобныхъ, кромѣ одного, представленнаго Бутеневымъ [2]). Большинство наконечниковъ, найденныхъ мною, принадлежитъ стрѣламъ, что не служитъ впрочемъ доказательствомъ отсутствія въ здѣшнемъ краѣ и болѣе значительныхъ по размѣрамъ наконечниковъ копій, такъ какъ эти послѣдніе, благодаря своей величинѣ, скорѣе могли быть замѣчены жителями, истреблены на кремни и утрачены,—ибо о такихъ случаяхъ я слыхалъ нерѣдко. Впрочемъ, и въ величинѣ наконечниковъ стрѣлъ существуетъ значительная разница; наибольшій изъ представленныхъ на рисункахъ (табл. VI, фиг. 7) имѣетъ 85 мм. въ длину и 23 въ ширину; наименьшіе отъ 29 до 30 мм. въ длину и отъ 14 до 18 въ ширину (табл. V, фф. 1 и 4). Эта разница въ величинѣ объясняется различіемъ назначенія этихъ орудій; каждый изъ наконечниковъ предназначался, соотвѣтственно своимъ размѣрамъ, на большое или малое животное; какъ Алеутъ нападалъ въ былыя времена, очень впрочемъ недавнія, на людей и большихъ звѣрей съ большими стрѣлами, а мелкихъ звѣрей и птицъ убивалъ стрѣлами меньшихъ размѣровъ [3]), такъ, вѣроятно, было и съ первобытными обитателями Олонецкой губерніи; на лося или оленя они готовили бо̀льшія стрѣлы, чѣмъ на бѣлку, бобра и пр. [4]).

Въ отдѣлкѣ всѣхъ стрѣлъ, состоящихъ изъ кремня, на ряду съ изяществомъ и искусствомъ, замѣчается нѣкоторая грубость; особенною аккуратностью отличаются экземпляры на табл. V, фиг. 3 и на табл. VI, фиг. 8. Отъ этихъ формъ, имѣющихъ себѣ подобными много другихъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, существуетъ постоянный переходъ черезъ фф. 1, 2, 4, 5, 6 на табл. V, къ другимъ, въ родѣ фиг. 2, табл. VI; эта форма до такой степени

---

[1]) *Nilsson*, стр. 56.

[2]) *Бутеневъ*, стр. 7, фиг. 3.

[3]) См. Описаніе Камчатки *Крашенинникова*, изданіе 1818 г., прибавленіе т. II стр. 290.

[4]) Однако здѣсь не пришлось находить такихъ маленькихъ наконечниковъ, какіе мнѣ попадались около Тунки, въ Восточной Сибири: здѣсь наименьшій имѣлъ 12 мм. длины и 5 мм. ширины; см. *Поляковъ*, Поѣздка въ Вост. Саянъ, въ Отчетѣ Спб. Отд. Г. Общ. за 1868 г., стр. 141.

неудачна, что вполнѣ напоминаетъ по характеру работу древнѣйшихъ подобныхъ орудій изъ эпохи мамонта въ Западной Европѣ [1]); что же касается до оригинала на фиг. 9, имѣющаго форму стрѣлы, то онъ легко могъ употребляться въ видѣ криваго ножа, подобнаго тѣмъ, какіе находятся въ Скандинавіи и до нынѣ употребительны у Эскимосовъ [2]).

Гораздо ближе подходятъ къ типу первобытныхъ *ножей* орудія, изображенныя на табл. VI, фф. 4 и 5; послѣдняя изъ формъ болѣе случайная и имѣетъ отчасти себѣ подобныя въ Скандинавіи [3]); первая принадлежитъ къ типу ножа, на табл. I, фиг. 4, а этотъ въ свою очередь является почти тождественнымъ по формѣ съ ножомъ изъ Бельгіи, весьма древняго типа [4]); ядра, отъ которыхъ быстрымъ ударомъ откалывались такіе ножи, многочисленны въ Бельгіи и извѣстны также изъ Олонецкой губерніи [5]). Кромѣ этихъ, мною собрано еще нѣсколько подобныхъ ножей, оставшихся не нарисованными.

Пораженіе враговъ камнями было въ ходу у насъ на Сѣверѣ и въ историческія времена, и несомнѣнно, что и первобытные обитатели придерживались этого способа самозащиты и нападенія, можетъ быть, въ видѣ *пращи*, какъ это доказано Нильсономъ для Скандинавіи; округленныя формы камней, хотя произшедшіе по видимому естественнымъ путемъ, неслучайно попадались около бывшихъ жилищъ первобытныхъ людей, по Лужандозеру и на Кумбасъ-озерѣ.

Двѣ фигуры 7 и 8, представленныя на табл. V, указываютъ еще на одинъ родъ занятій и наводятъ на мысль о существованіи у нашихъ обитателей ряда орудій *рыболовческихъ*. Если мы представимъ себѣ, что многіе изъ нынѣ живущихъ дикарей имѣютъ рыболовческія орудія въ видѣ кремневыхъ и костяныхъ крючковъ, гарпуновъ и еще въ недавнее время употребляли каменныя *грузила*, съ помощію которыхъ леса погружалась на глубину, вмѣстѣ съ крюч-

---

[1]) *Le Hon*, стр. 63, 64.

[2]) *Nilsson*, стр. 61, V, фф. 85—89.

[3]) Тамъ же, V, фф. 84 и 85.

[4]) *Le Hon*, стр. 128.

[5]) Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. 1, ф. 12.

комъ, а также, что подобныя принадлежности находимы были въ ископаемомъ состоянiи [1]), то согласимся, что и первобытные обитатели Олонецкой губернiи не составляли въ этомъ отношенiи исключенiя.

Двѣ вышепредставленныя формы, найденныя на берегу Тудозера, вмѣстѣ съ другими принадлежностями, составляютъ грузила, изъ которыхъ фиг. 8 совершенно сходствуетъ съ употребляющимися тамъ въ настоящее время свинцовыми и почти такой же величины. Отличаются онѣ отъ эскимосскихъ, древне-скандинавскихъ [2]) и даже финляндскихъ [3]) вытянутою цилиндрическою или сжатою съ боковъ формой и вмѣсто бороздъ вокругъ всего грузила имѣютъ для прикрѣпленiя лесы отверстiя, но далеко не имѣютъ той величины, какъ иноземные снаряды; это зависитъ впрочемъ отъ того, что Финляндцы и Скандинавы ловили рыбу на глубинахъ и въ моряхъ съ сильными токами, тогда какъ нашимъ приходилось заниматься рыболовствомъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, на небольшомъ озерѣ, или можетъ быть, на Онегѣ.

При всей вышеописанной обстановкѣ жизни до-историческихъ обитателей Олонецкаго края, при такой массѣ труда, какой требовало приготовленiе всякой домашней принадлежности, трудно допустить, чтобъ у нихъ оставалось хоть сколько-нибудь свободнаго времени на отдыхъ и развлеченiе; почти не возможно думать о томъ, чтобъ они могли заботиться о чемъ-либо, не касающемся непосредственно желудка и его настойчивыхъ требованiй. Однако это оказывается не такъ: жители удѣляли немало времени на удовлетворенiе своего чувства изящнаго. Въ недавнее время часы досуга Алеутовъ, употреблявшихъ на свои издѣлiя кость и камень, описываются на основанiи показанiй разныхъ путешественниковъ, такимъ образомъ: „Въ досужное время они занимаются также обработыванiемъ разныхъ издѣлiй, служащихъ для игръ, домашняго употребленiя или для украшенiй, именно же: дѣланiемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носиковъ топориковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, дере-

---

[1]) *Nilsson*, стр. 39,—55.

[2]) *Nilsson*, табл. II, фф. 31—34, и XI, фф. 216—217.

[3]) *Aspelin*, Kokoilemia Muinaistutkinnon alalla, фф. 25—26.

вянныхъ шляпъ, *также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ-то: человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ звѣрей и птицъ, и въ сей рѣзьбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи*. Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи травяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинокъ и бумажниковъ, что̀ дѣлаютъ съ отмѣннымъ искусствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногтемъ, который у каждой мастерицы отрощенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ и проч.“ [1]) То же самое было, вѣроятно, въ самыя древнѣйшія времена, когда люди съ натуры рисовали на своихъ орудіяхъ мамонта, вымершихъ оленей, козловъ и пр. Обитатели Олонецкой губерніи придерживались тѣхъ же правилъ: найдено орудіе съ весьма правильно высѣченною головой лося [2]) и другое — съ рельефно вырѣзанною головой медвѣдя [3]). Вѣроятно, къ украшеніямъ же принадлежитъ *кружокъ* съ отверстіемъ по срединѣ, найденный нами на Кумбасъ-озерѣ (т. V, ф. 9); онъ состоитъ изъ мелкозернистаго кварцита и имѣетъ много себѣ подобныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ [4]), въ Финляндіи [5]) и въ Скандинавіи, гдѣ подобнаго рода издѣлія дѣлались изъ янтаря [6]).

Фактъ, что жители стремились соединить полезное съ пріятнымъ, удобство предмета съ нѣкоторымъ его изяществомъ и красотой, ясно выступаетъ передъ нами на весьма большомъ количествѣ найденныхъ обломковъ горшковъ. Глиняная посуда была здѣсь, въ осмотрѣнныхъ мною мѣстностяхъ, такою же необходимою принадлежностью жилья, какъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и въ Скандинавіи; какъ у жителей этихъ странъ вмѣстѣ съ другими народами, стоящими вообще на довольно низкой степени развитія, такъ и у Олончанъ каменнаго вѣка посуда была сдѣлана изъ глины, съ большимъ содержаніемъ пе-

---

[1]) Приложеніе къ Описанію Камчатки *Крашенинникова*, т. II, стр. 286.
[2]) *Бутеневъ*, стр. 8, фиг. 5.
[3]) Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, фиг. 2.
[4]) *Grewingk*, стр. 23, фиг. 26.
[5]) *Aspelin*, фиг. 22.
[6]) *Nilsson*, стр. 109, табл. IX, фиг. 199 и пр.

ску[1]); какъ и въ Швейцаріи [2]), горшки встрѣчались намъ только въ видѣ обломковъ, по которымъ, конечно, не возможно опредѣлить формы въ цѣломъ. Только одинъ изъ обломковъ представлялъ намъ форму широкаго и низкаго конуса, со впадиной внутри; снаружи онъ гладокъ, и на немъ трудно видѣть даже часть сосуда, которую онъ составлялъ. Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраиннымъ или боковымъ частямъ сосудовъ, изъ которыхъ первые представленны на табл. VII; отсюда видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ рядовъ бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ четырехугольными вдавленіями; бороздки располагались наклонными и параллельными другъ другу рядами (фиг. 1), или зигзагами между окраинною линіей и бороздкой, ей параллельною (фиг. 2); два ряда бороздокъ сходились подъ угломъ другъ къ другу (фиг. 5), лежали параллельно окраинамъ (фиг. 4), или наконецъ, раздѣлялись ямочками (фиг. 3), составляющими второй элементъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ узоровъ на посудѣ. Ямки въ рѣдкихъ случаяхъ не глубоки; по большой же части онѣ проходятъ черезъ всю весьма толстую стѣнку горшка, и на внутренней сторонѣ получаются соотвѣтственные ряды выпуклинъ; на мѣстахъ этихъ ямочекъ стѣнки горшка являются весьма тонкими и легко проламываются; ямки иногда имѣютъ форму пирамидальную, продавленную какъ-бы четырехугольною пирамидкой (фф. 1 и 27), и правильно цилиндрическую (фф. 3 и 5), что̀ бываетъ чаще [3]); такія ямки располагаются въ нѣсколько рядовъ, въ четыре или пять, и обломокъ представляетъ тогда форму сота. Ямки находились преимущественно на срединѣ, какъ, напримѣръ, на фиг. 4, и вѣроятно, въ нижнихъ частяхъ стѣнокъ

---

[1]) То же самое было мною найдено въ посудѣ каменнаго вѣка, изъ окрестностей Тунки въ Восточной Сибири; см. объ этомъ: *Поляковъ*, Поѣздка въ Восточн. Саянъ, въ Отч. Сиб. Отд. Р. Г. Общ. за 1868 г., стр. 140.

[2]) *Le Hon*, стр. 163.

[3]) На Тудозерѣ вмѣстѣ съ горшками, были найдены такого рода пирамидки или же цилиндрики изъ сланца, которыми жители дѣлали эти ямки. Эти вещицы на таблицахъ не представлены.

горшка. Можно полагать, что присутствіе ихъ на посудѣ обязано не только стремленію жителей къ изящному, но можетъ быть, и тому соображенію, что въ подобныхъ горшкахъ вода могла быстрѣе нагрѣваться и кипѣть. Можетъ быть также, къ числу украшеній на горшкахъ относится найденный нами слѣпокъ изъ глины; онъ представляетъ спираль, совершенно сходную по формѣ съ нынѣ живущею въ окрестностяхъ Тудозера раковиною Planorbis; ей же равняется онъ по величинѣ, такъ что легко можно допустить, что онъ составлялъ какое-нибудь ушко у горшка или же отдѣльное украшеніе въ дамскомъ туалетѣ.

Итакъ, мы имѣли случай кратко очертить всѣ формы принадлежностей каменнаго вѣка, найденныя нами на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; но при этомъ мы сохраняемъ убѣжденіе, что жители обладали и различными другими подобными же предметами, которые остаются пока въ неизвѣстности, по неимѣнію для изслѣдователей удобнаго случая столкнуться съ ними; такъ, издѣлія изъ кости встрѣчаются далеко на Востокѣ и на Западѣ, и нѣтъ вѣроятности, чтобъ они отсутствовали въ Олонецкой губерніи. Всѣ извѣстныя орудія Олонецкой губерніи состоятъ изъ камней, относящихся къ различнымъ горнымъ породамъ: это видоизмѣненія глинистаго сланца, сланецъ хлоритовый, кварцитъ, грюнштейнъ, афанитъ, видоизмѣненія кремня и глины [1]); преобладающими въ издѣліяхъ породами являются глинистый сланецъ, кремни и глина; глина по всему юго-востоку губерніи не представляетъ недостатка. Но по отношенію къ кремню и сланцамъ жители каменнаго вѣка стояли въ различныхъ условіяхъ; въ однихъ мѣстахъ трудно было доставать кремень, въ другихъ — глинистый сланецъ, если только объ этомъ судить по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыми мы располагаемъ; притомъ жители, какъ туземцы, могли въ деталяхъ лучше насъ знать ихъ распространеніе въ окрестностяхъ. Жители по юго-восточному берегу Онежскаго озера, особенно Тудозерскіе, были хуже другихъ обезпечены глинистымъ сланцемъ, такъ какъ онъ непосредственно, въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ, встрѣчается только на сѣверо-западномъ берегу Онега [2]); но они могли добывать его

[1]) Въ опредѣленіи породъ я обязанъ участію А. А. Иностранцева.

[2]) *G. von Helmersen*, Das Olonezer Bergrevier, см. карту.

отчасти и въ мѣстныхъ наносахъ; въ свою очередь жители сѣверо-западнаго берега, обезпеченные изобиліемъ сланца, вѣроятно, нуждались въ кремнѣ и должны были за нимъ отправляться на юго-восточный берегъ, въ область каменноугольной формаціи; даже самые Тудозерцы должны были переходить значительныя разстоянія, въ десятки верстъ, если не больше, чтобы добыть тотъ же кремень. Въ аналогичныхъ съ Тудозерцами условіяхъ стояли жители Водлы, на восточномъ берегу Онега, до Кумбасъ-озера и Кенозера, гдѣ разстояніе отъ кореннаго мѣстозалеганія глинистаго сланца—наибольшее, и гдѣ кремень встрѣчается уже въ самыхъ мѣстныхъ наносахъ, а залеганіе его находится въ ближайшихъ окрестностяхъ. Такимъ образомъ, и здѣшніе жители должны были уходить на поиски за глинистымъ сланцемъ или вымѣнивать его на кремень. Что же касается до послѣдняго, то несомнѣнно, что онъ относится къ развитой здѣсь каменноугольной формаціи; это доказывается отпечатками животныхъ на нѣкоторыхъ кремневыхъ обломкахъ, привезенныхъ мною отсюда. По опредѣленію А. А. Иностранцева, спеціально занимавшагося здѣсь изученіемъ этой формаціи, въ отпечаткахъ сохранились: Productus semireticulatus Mart., Productus longispinus Flem., Productus scabriculus Mart., Amplexus connicus Fisch. и стебли криноидей. Другія породы были въ гораздо меньшемъ употребленіи; нѣкоторыя изъ нихъ могли встрѣчаться въ видѣ валуновъ, какъ кварцитъ, и такимъ образомъ доставляли матеріалъ для подѣлокъ [1]); для прочихъ допустить это весьма трудно, напримѣръ, для хлоритоваго сланца: залегаетъ онъ довольно далеко, на сѣверъ отъ Онежскаго озера [2]), а между тѣмъ орудія изъ него встрѣчались на Кумбасъ-озерѣ, въ окрестностяхъ котораго неизвѣстно также распространеніе афанита, входящаго также въ число матеріаловъ для производства орудій.

За всѣмъ сказаннымъ остается еще одинъ, самый интересный вопросъ, къ рѣшенію котораго нѣтъ однако никакихъ, даже приблизительно вѣрныхъ данныхъ; это вопросъ о племенныхъ свой-

[1]) См. *G. von Helmersen*, Studien etc., стр. 2—3.

[2]) *А. Иностранцевъ*, Геологич. обзоръ и пр., см. карту.

ствахъ людей, оставившихъ намъ вышеописанныя принадлежности. Опредѣлить время процвѣтанія культуры каменнаго вѣка въ осмотрѣнной нами мѣстности не возможно. Языкъ тамошнихъ древнихъ обитателей въ данномъ случаѣ не можетъ быть какимъ бы то ни было образомъ возстановленъ. Сторона бытовая, принадлежности домашняго хозяйства, занятія также къ рѣшенію вопроса не могутъ быть приложены: на основаніи этихъ данныхъ пришлось бы привести нашихъ обитателей въ тѣсное родство съ давно вымершими народами, или же съ до сихъ поръ живущими въ разныхъ концахъ земнаго шара. Есть еще одинъ путь, не рѣдко считающійся достаточно вѣрнымъ для рѣшенія племеннаго вопроса, — путь краніологическій; но и череповъ вмѣстѣ съ орудіями нами не найдено. Итакъ, приходится остановиться на догадкахъ. Самъ по себѣ черепъ есть величина измѣнчивая, но все же, оставшись отъ вымершаго народа, онъ есть уже вѣрный, положительный фактъ, форма, сравнимая съ другими подобными величинами; а потому, при всѣхъ недостаткахъ метода, и нужно пользоваться черепомъ, хотя крайне осмотрительно. На предѣлы измѣнчивости черепа указываетъ и Дарвинъ: „Хотя въ однихъ частяхъ свѣта преобладаетъ удлиненная форма черепа, а въ другихъ короткая, но даже и въ предѣлахъ той же расы, какъ напримѣръ, у туземцевъ Америки или южной Австраліи, существуетъ *значительное разнообразіе въ формѣ черепа*, что замѣчается уже на такомъ ограниченномъ пространствѣ, какъ Сандвичевы острова“ [1]). Съ такимъ же разнообразіемъ череповъ, только въ гораздо большихъ предѣлахъ, встрѣчаются въ настоящее время антропологи у насъ на Сѣверѣ, въ средѣ различныхъ племенъ такъ называемаго Финскаго семейства; здѣсь существуютъ чистые брахикефалы на ряду съ долихокефалами совершенно опредѣленнаго типа [2]); притомъ извѣстно, что въ Московской губерніи существовало курганное племя, совершенно обособленное по своему черепу [3]), рядомъ съ Тверскимъ, не

---

[1]) Происхожденіе человѣка и полов. подборъ, перев. въ журн. „Знаніе“ 1871 г., стр. 57.

[2]) См. *А. Богдановъ*, Матеріалы для антропол. курганн. періода въ Моск. губ., стр. 174 и 175. Вогулы—долихокефалы по *Беру*, Melanges biolog., 1863, IV, стр. 97.

[3]) *Богдановъ*, стр. 173.

имѣвшимъ ничего общаго ни съ Славянскимъ, ни съ Турецкимъ, ни съ Финскимъ племенемъ [1]), и которое вымерло. Если признать все это разнообразіе типовъ происшедшимъ отъ одного корня, то потребовался бы громадный періодъ времени; скорѣе можно искать причину его въ отдѣльности и самостоятельности происхожденія нѣкоторыхъ типовъ черепа, принадлежащихъ различнымъ племенамъ въ антропологическомъ смыслѣ [2]). Если же это такъ, то есть вѣроятность, что и жители каменнаго вѣка Олонецкой губерніи могли составлять самостоятельный народъ, съ своими племенными свойствами, съ своею особенною культурой, весьма сильно распространенною и развитою, сравнительно чистою, лишенною металловъ.

Если курганное племя Московской губерніи считается болѣе древнимъ [3]), чѣмъ Финское, то нужно полагать, что Олонецкое каменнаго вѣка было древнѣе курганнаго: курганы распространены въ Олонецкой губерніи и ея окрестностяхъ, и кажется, не безъ металловъ. Первобытное племя могло быть стерто или поглощено курганнымъ или Финскими народцами, которые въ свою очередь также не отличались высокимъ развитіемъ на Сѣверѣ.

Не рѣшаясь однако же неизвѣстное отыскивать по неизвѣстному же, я представляю другимъ опредѣлить отношеніе нынѣ живущихъ на Сѣверѣ народовъ къ тѣмъ, которые уже вымерли. Тѣмъ не менѣе, предполагая, что слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи едва ли относятся къ Финнамъ, я дальше, въ слѣдующей статьѣ, представляю нѣкоторыя данныя въ пользу того, что и Финны въ свою очередь не обходились тамъ въ былыя времена безъ каменныхъ принадлежностей.

---

[1]) *Беръ*, Melanges biol., III, 1858, стр. 44 и 49; цитировано у *Рупрехта*, Черноземъ, стр. 97.

[2]) *Богдановъ*, стр. 176.

[3]) Тамъ же, стр. 173.

Взглядъ на экономическое состояніе и современный бытъ жителей, въ связи съ природой и развитіемъ культуры на Сѣверѣ.

I

Финскія племена: звѣроловы и рыболовы.—Отношенія къ нимъ первыхъ Славянскихъ поселенцевъ аналогичны тому, что позднѣе было въ Сибири.—Причины вымиранія туземцевъ: вліяніе Новгородской власти; измѣненіе природы и культура Сѣвера; указаніе на истребленныхъ животныхъ: кабанъ, бобръ, соболь.—Вымираніе туземцевъ шло путемъ экономическимъ; инородцы плохо принимаются за земледѣліе, причины того. – Условія и значеніе метисаціи Славянъ съ туземцами.

Въ настоящее время трудно рѣшить съ достаточною достовѣрностью вопросъ о томъ, кто были первобытные обитатели нашего Сѣвера, и состояли ли они изъ разныхъ племенъ, или изъ одного, о которомъ исторія такъ охотно молчитъ или сообщаетъ крайне отрывочныя и малоточныя данныя, изъ того именно племени, остатки котораго до сихъ поръ подъ разными названіями тамъ существуютъ. Разборъ принадлежностей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи показываетъ намъ только то, что здѣсь довольно продолжительно и широко распространялась грубая человѣческая культура, принадлежавшая, по видимому, другимъ народамъ, чѣмъ Финскіе, и притомъ, нѣтъ научныхъ основаній предполагать, что здѣсь не процвѣтала цивилизація болѣе первобытная. Однакожь, оставляя въ сторонѣ область догадокъ, остановимся на Финскихъ поколѣніяхъ, какъ на послѣднемъ звенѣ до-исторической жизни, съ которымъ столкнулись здѣсь представители славянскаго элемента.

Финны во многихъ мѣстахъ нашего Сѣвера и до сихъ поръ остаются на весьма низкой степени развитія; тѣмъ болѣе было такъ въ періодъ вторженія сюда Новгородцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, участіе сѣверо-западной вѣтви Финновъ — Лапландцевъ, въ явленіяхъ каменнаго вѣка въ Скандинавіи доказано [1]), и притомъ, они еще сто лѣтъ тому назадъ дѣлали орудія изъ кости. Что же касается до племенъ, жившихъ восточнѣе, то имѣются указанія—

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, стр. 238 и слѣд.

правда, въ источникахъ весьма позднихъ—на существованіе и у нихъ каменнаго вѣка и даже на господство въ средѣ нихъ грубаго фетишизма; они будто бы не только *убивали звѣря каменемъ* или палицей, но и *боготворили* эти орудія [1]. По тѣмъ же извѣстіямъ видно также, что предшественники русскихъ поселенцевъ на Сѣверѣ не имѣли постоянныхъ жилищъ и жили какъ звѣри въ разсѣлинахъ горъ; извѣстный разсказъ начальной лѣтописи о маленькомъ оконцѣ, просѣченномъ изъ средины горы, въ странѣ племени Югра, довольно ясно указываетъ на пещерныя или землянoчныя жилища, о коихъ въ позднѣйшее время говорятъ путешественники: „Вся Самоѣдская земля въ нынѣшней Мезенской округѣ наполнена запустѣвшими жилищами нѣкоего древняго народа. Находятъ оныя на многихъ мѣстахъ, при озерахъ на тундрѣ и въ лѣсахъ при рѣчкахъ, сдѣланныя въ горахъ и холмахъ на подобіе пещеръ съ отверстіями, подобными дверямъ“ [2]. Число такихъ жилищъ увеличивается по направленію къ Уралу [3]. Изъ описанія самыхъ пещеръ видно, что онѣ были весьма значительныхъ размѣровъ: нѣкоторыя изъ нихъ длиною въ пять, шириною въ три и высотою въ одну сажень [4]. Очевидно, что онѣ служили убѣжищемъ для нѣсколькихъ семействъ, какъ это было найдено Крашенинниковымъ въ хижинахъ Камчадаловъ [5].

Въ тѣсной связи съ первобытнымъ каменнымъ вооруженіемъ и жилищами должны были стоять и промыслы жителей; звѣроловство и рыболовство, безъ сомнѣнія, находились у нихъ на первомъ планѣ. Слѣдующая картина нашего Сѣвера, нарисованная въ одной изъ грамотъ около 1542 года, типично характеризуетъ состояніе

---

[1]) См. цитату изъ старинной рукописи Соловецкой библіотеки подъ заглавіемъ „Годъ спасенія“ въ письмѣ П. Н. Рыбникова, въ т. V Изв. Археолог. Общ., стр. 478—479; ср. также *Барсова*, Препод. Обонежск. пустынножители въ Пам. Кн. Олон. губ. за 1868—1869 гг., отд. III, стр. 28; также *Ефименко*, Заволочская Чудь, 1869 г., стр. 16. — По наиболѣе древнимъ Новгородскимъ извѣстіямъ о сѣверо-востокѣ Россіи, занесеннымъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1096 годомъ, видно, что тамъ жилъ народъ, не имѣвшій желѣза и чувствовавшій въ немъ нужду; см. Полн. собр. р. лѣтописей, I, стр. 107.

[2]) *Лепехинъ*, Путешествіе, IV, стр. 203.

[3]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 131.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

[5]) Описаніе земли Камчатки, IV, стр. 38 и 41.

его даже въ эпоху, значительно позднюю: „На Усть-цыльмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухинской горы отъ островковъ вверхъ по Печорѣ рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки, да по обѣ стороны Цильмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижмѣ рѣкѣ, да по Ижмѣ рѣкѣ по обѣ стороны до Великой Пожни, да по Печорѣ рѣкѣ пески, рыбныя ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, сокольи и кречатьи садбища, а пашенъ, да ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ изстари нѣтъ ничьихъ—никакихъ и отъ пашенныхъ людей, отъ двинскихъ и пинежскихъ тѣ рѣчки и сокольи садбища отошли далече, верстъ за пятьсотъ и больше" [1]). Безъ сомнѣнія, подобныя дикія лѣсистыя мѣстности много столѣтій назадъ распространялись еще шире, и этихъ трущобъ или „пустыней непроходимыхъ" было больше; для хлѣбопашества онѣ потребовали бы большой затраты силъ, а звѣроловство и рыболовство могли быть самымъ выгоднымъ въ нихъ промысломъ. Одинъ изъ современныхъ изслѣдователей исторіи Олонецкаго края, г. Барсовъ, указывая на пріобрѣтеніе древними Новгородцами земель въ Обонежьи и на заведеніе тамъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, говоритъ: „Лѣсную глушь представляли починки Обонежской колонизаціи и культуры. Огромныя пространства покрыты были непроходимыми лѣсами, мхами и болотами, съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Изъ житія Кирила Челмогорскаго видно, что городъ Каргополь въ его время окруженъ былъ дикимъ лѣсомъ. По причинѣ частыхъ болотъ, сплошныхъ лѣсовъ и повсюдныхъ водъ, говоритъ одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ,—эти мѣста были необитаемы и не застроены никакими селеніями. Угодья и урочища были въ лѣсахъ и назывались въ юридическихъ актахъ „лѣшія рѣки, лѣшія озеры и лѣшіе лѣса" [2]). Но оставляя въ сторонѣ частные факты, можно указать на то, что мѣха и шкуры звѣрей Сѣвера служили одною изъ важнѣйшихъ статей торговли Новгорода и поддерживали его значеніе, какъ сѣвернаго торговаго центра, удовлетворяющаго нужды Запада. „Это-то болѣе всего послужило

---

[1]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 75.

[2]) *Барсовъ*, Пам. Кн. Олон. губ. 1868—1869 гг., стр. 3.

Новгородской промышленной предпріимчивости и направляло Новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это-то было поводомъ къ движенію Новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ" [1]).

Если такимъ образомъ мѣха сѣвера и сѣверо-востока Россіи въ болѣе позднюю эпоху вывозились въ большихъ количествахъ, то вѣроятно, во времена болѣе раннія, до пришествія или въ эпоху вторженія Новгородцевъ въ эти страны, источники добычи мѣховъ были болѣе изобильны, и сѣверъ Россіи уподоблялся тогда Сибири; покрытый сплошными лѣсами, не тронутыми еще сохой и топоромъ, онъ несомнѣнно былъ населенъ такими же звѣроловческими и рыболовческими племенами, подобныя которымъ, спустя много столѣтій, были встрѣчены сибирскими героями по рѣкамъ Оби, Енисею, Ленѣ и въ Камчаткѣ; каменный вѣкъ, собольи и бобровыя шубы на дикаряхъ сохранились до весьма сравнительно недавнихъ временъ очевидно потому, что сибирскіе лѣса долгое время не были доступны славянской цивилизаціи. Иное дѣло встрѣчаемъ мы по сю сторону Урала.

Сѣверъ Россіи былъ заселенъ Новгородцами весьма рано, такъ что въ XII столѣтіи по всѣмъ главнымъ сѣвернымъ рѣкамъ, до Бѣлаго моря, было уже русское народонаселеніе [2]). Обонежье заселялось съ XI вѣка, и многія земли здѣсь принадлежали уже Новгородской знати [3]).

Результатомъ вторженія Новгородцевъ въ область обитанія Финскихъ племенъ было то, что эти послѣднія во многихъ мѣстахъ или совершенно изчезли, или выродились, или влачатъ убого свою жизнь, какъ-бы стоя на дорогѣ къ вымиранію. Въ нынѣшней Новгородской губерніи, одномъ изъ прежнихъ центровъ пребыванія Финскихъ племенъ, теперь насчитывается самый

---

[1]) *Костомаровъ*, II, стр. 219.

[2]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ Русской исторіи, II, стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 36—37.

ничтожный процентъ Финновъ [1]). Вологодская губернія, нѣкогда занятая обитателями изъ Финновъ, остается въ настоящее время свободною отъ нихъ почти на всемъ протяженіи; несомнѣнно, что собственно финскіе обитатели здѣсь вымерли или выродились, кромѣ Зырянъ, продолжающихъ до сихъ поръ сохранять свою народность [2]). Многочисленное, по выраженію г. Костомарова, Финское (Корельское) племя, населявшее окрестности Ладожскаго и Онежскаго озеръ, также сузилось въ настоящее время въ своемъ распространеніи, и если не оно, то близкіе его сородичи обитали въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Каргопольскомъ, по восточному берегу Онежскаго озера, гдѣ на существованіе Финновъ указываютъ частію преданія, а частію и показанія очевидцевъ [3]) или физіономія современныхъ жителей, какъ на Водлозерѣ [4]), но гдѣ въ настоящее время Финновъ нѣтъ. Наконецъ, существуетъ весьма много доказательствъ, что многочисленныя финскія племена Архангельской губерніи также на ряду съ другими вымерли или исчезли безслѣдно, оставивъ лишь воспоминаніе о своемъ существованіи [5]).

Этихъ фактовъ, я полагаю, будетъ достаточно, чтобы видѣть въ отношеніяхъ Новгородцевъ къ побѣжденнымъ ими сѣверно-русскимъ туземцамъ аналогію съ тѣмъ, что было потомъ и въ Сибири здѣсь, какъ и въ Россіи, вскорѣ послѣ завоеванія начинается вымираніе туземцевъ; многія мѣста, гдѣ прежде жили сильныя и воинственныя племена, теперь остаются пустынными и молчаливыми, или же послѣдніе остатки прежнихъ народовъ доканчиваютъ здѣсь свое существованіе. Укажу для этого на Лену, съ ея притоками, Витимомъ и Олекмою, на окрестности Баунта и Прибайкалья [6]); не дурно также принять во вниманіе подобные факты, касающіеся Алеутовъ, Остяковъ и туземцевъ Енисейскихъ, по изслѣдованіямъ А. П. Щапова.

---

[1]) *Пушкаревъ*, Опис. Росс. Имп. I. Новг. губ., стр. 69.

[2]) *Поповъ*, Движеніе народонаселенія въ Волог. губ., въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. стат., II, стр. 64.

[3]) *Костомаровъ*, I, 405; *Ефименко*, 30; *Барсовъ*, стр. 4—5.

[4]) *Поляковъ*. Изв. Геогр. Общ. 1871 г. № 6, стр. 318.

[5]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 2, 36—37.

[6]) Отчетъ Сиб. Отд. Геогр. Общ. за 1868 г., стр. 187 и слѣд.

Причины вымиранія племенъ въ двухъ странахъ, кажется, совершенно одинаковы, и разница только въ томъ, что Новгородцы раньше начали вносить ихъ на сѣверо-востокъ Россіи, и можетъ быть, они не вездѣ были первыми цивилизаторами звѣродовческихъ туземцевъ [1]); указаніе морехода Отера на хлѣбопашество при устьяхъ Сѣверной Двины, относящееся къ IX вѣку, едва ли можетъ относиться къ Финскому племени, какъ то думаетъ г. Ефименко [2]), а вещи, найденныя въ кладахъ Пермской и Вологодской губерній, съ монетами сассанидскими отъ V и VI вв., нѣмецкими и англо-саксонскими X и XI вв. [3]), вмѣстѣ съ подобными же находками въ Тверской губерніи, могли составлять нѣкогда достояніе племени, не имѣвшаго ничего общаго ни съ Славянскимъ, ни съ Татарскимъ, ни съ Финскимъ племенами, какъ то показываютъ найденные въ Тверскихъ курганахъ черепа [4]). Въ другихъ же случаяхъ, какъ напримѣръ, относительно хлѣбопашества у Еми (говорится, что Новгородцы въ 1291 году „изсѣкли у ней скотъ и сожгли хлѣбъ") [5]), можно предполагать, что оно возникло здѣсь подъ вліяніемъ уже Русскихъ или Шведовъ.

Причины вымиранія должны были быть весьма разнообразны; онѣ должны были находиться, съ одной стороны, въ тѣсной связи съ вліяніемъ Новгородской власти надъ туземцами, съ другой—съ тѣми физическими перемѣнами, которыя Новгородцы вносили въ самую природу вновь заселяемой ими мѣстности. Отсюда вытекаетъ то заключеніе, что гдѣ сильнѣе была власть Новгородцевъ, гдѣ она меньше знала себѣ предѣловъ, а также, гдѣ больше сосредоточивалось чисто Новгородско-Славянское населеніе, тамъ и вымираніе туземцевъ шло наиболѣе сильно и быстро.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, именно Н. И. Костомаровъ,

---

[1]) Въ Сибири, по видимому, большинство бродячаго населенія было мало тронуто, до покоренія Русскими, какой бы то ни было цивилизаціей; по крайней мѣрѣ Камчадалы хотя и знали о металлахъ, но не употребляли ихъ, см. *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатки, 1818 г., II, стр. 49.

[2]) Заволоч. Чудь, стр. 4 и 65.

[3]) Тамъ же, стр. 5 — 6.

[4]) *Рупрехтъ*, Гео-ботан. изслѣд. о черноземѣ, стр 97.

[5]) *Костомаровъ*, I, стр. 401.

изображаетъ Новгородскую власть надъ Финскими племенами, можетъ быть, уже слишкомъ суровою, полагая, что Финны постоянно находились въ полной зависимости отъ Новгородцевъ и были лишены всякой равноправности съ ними, что борьба Финновъ противъ Славянъ была безуспѣшною, и что для поддержанія власти надъ ними Новгородцамъ требовалась особенная сила [1]). Въ противоположность тому, Ив. Д. Бѣляевъ приводитъ рядъ фактовъ въ пользу того мнѣнія, что Финны не были лишены самостоятельности, и въ самоуправленіи имѣли одинаковое право голоса со Славянами: „Не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло до того, что общественные интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно... Финны и Славяне“, продолжаетъ еще г. Бѣляевъ,—„считались совершенно одноправными“, такъ „что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинакое значеніе съ голосомъ Славянина, но даже въ выборѣ на высшія должности не было разницы между Финномъ и Славяниномъ“ [2]).

Фактовъ за и противъ этихъ двухъ мнѣній достаточно; но допуская даже, что въ нихъ обоихъ есть своя доля истины, нужно полагать, что каждое изъ нихъ, вѣрное въ частностяхъ, не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительности въ смыслѣ болѣе обширномъ, общемъ, и что тезисъ, поставленный нами выше, гораздо удачнѣе мирится съ имѣющимися фактами. Новгородцы не были безотносительны или равнодушны къ независимости въ своемъ собственномъ сосѣдствѣ; все, что было около нихъ, они старались подчинить своей волѣ или власти и избирали въ этомъ случаѣ средства, сообразныя съ силою противника; въ томъ случаѣ, гдѣ противникъ могъ оказать значительное сопротивленіе, они прибѣгали къ мѣрамъ дипломатическимъ; чѣмъ дальше былъ

---

[1]) *Костомаровъ*, I, стр. 18.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 45—46. Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ о слитіи и обезличиваніи племенъ, такъ какъ извѣстно, что Финны не были истребляемы на Новгородской землѣ.

противникъ, еслибъ онъ былъ даже и слабый, тѣмъ труднѣе было держать его во власти, и здѣсь по неволѣ допускалось мирное его подчиненіе при покореніи. Всѣ Новгородскія владѣнія раздѣлялись по степени подчиненности Новгороду на три разряда, и чѣмъ болѣе данная мѣстность была удалена отъ центра Новгородской власти, тѣмъ большею независимостью она пользовалась [1]).

И конечно, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Новгороду Финскія племена были только слабыми его противниками или даже данниками, и въ то время, какъ отдаленная Югра и Печера сохраняли свою независимость и самоуправленіе, около Чудскаго озера въ средѣ Чуди, жила уже Новгородская дружина, собиравшая дань и державшая туземцевъ въ повиновеніи [2]). Если при такихъ условіяхъ одни Финскіе народцы частію по своей близости къ Новгороду, частію, можетъ быть, по своей слабости не могли съ успѣхомъ сопротивляться Новгородской власти, и покорно неся ее на себѣ, пришли къ угасанію и вырожденію, то другіе, болѣе сильные, долго не могли съ нею примириться, отстаивая свою независимость оружіемъ и набѣгами на владѣнія Новгородцевъ: такова въ особенности была Емь, склонившаяся затѣмъ къ Шведамъ и возбудившая такимъ образомъ продолжительную борьбу между самими Шведами и Русскими; сама же Емь отступила вслѣдъ за этимъ на второй планъ, и благодаря тому, получила больше возможности развиваться. Что же касается сѣверо-восточныхъ Финскихъ племенъ, то они, также неохотно подчиняясь Новгородской власти, въ концѣ концовъ пришли таки въ полную зависимость отъ Русскихъ. Здѣсь, собственно въ такъ называемомъ Заволочьи, туземцы, по выраженію г. Костомарова, „отчасти переродились въ Русскихъ, отчасти были истреблены или вытѣснены".

Покореніе здѣшнихъ туземцевъ состояло не только въ наложеніи на нихъ высокой дани, но даже въ отнятіи у нихъ земель и превращеніи ихъ въ половниковъ [3]), такъ что въ эпоху самостоятельности Новгорода Сѣверъ представлялъ по большей части

---

1) *Бѣляевъ*, стр. 36—43.
2) *Костомаровъ*, I, стр. 403.
3) *Ефименко*, стр. 63.

частную собственность богатыхъ Новгородскихъ фамилій [1]). Такое положеніе края, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ своеволіемъ побѣдителей, не обходилось безъ частыхъ возстаній туземцевъ, безъ сопротивленія и борьбы, въ которой, можетъ быть, погибло не мало покоренныхъ [2]).

Но власть Новгородцевъ надъ туземцами не была единственнымъ явленіемъ, неблагопріятно отзывавшимся надъ послѣдними. Гораздо большія послѣдствія оказывали на нихъ, можетъ быть, тѣ измѣненія, которыя были вносимы Новгородцами въ самую природу мѣстности, служившей для нихъ мѣстомъ колонизаціи. Туземцы въ большинствѣ случаевъ были, какъ это уже указано выше, народами бродячими, живщими частью рыболовствомъ, частью же звѣроловствомъ, а Новгородцы были склонны, по большей части, къ земледѣлію. Земледѣліе, по самому существу своему, должно было стремиться уничтожить или подорвать успѣхъ въ звѣроловствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизить къ вымиранію людей, жизнь которыхъ всецѣло была основана на изобиліи звѣря въ дремучихъ лѣсахъ Сѣвера. Новгородскія поселенія, съ ихъ земледѣліемъ, несли за собою въ нетронутые лѣса все, что̀ могло наиболѣе сильно грозить ихъ цѣлости и что̀ должно было въ корень измѣнить тотъ характеръ животной жизни, которымъ они первоначально отличались. Въ новыя мѣста поселенія среди первобытныхъ народовъ Новгородцы пролагали себѣ дорогу огнемъ. Они выжигали лѣса, вырубали ихъ топоромъ, очищали сохой. Предполагаютъ даже, что эти первобытные піонеры древней Руси на Сѣверѣ отъ главнаго своего средства обработывать новыя мѣста для хлѣбопашества и поселенія силою огня названы были огнищанами, получившими потомъ надъ другими право старшинства по своей опытности и состоянію и образовавшими наконецъ цѣлое сословіе *бояръ* [3]). Какъ вліяло подобное явленіе на тогдашнихъ коренныхъ обитателей лѣсовъ, это понимали и видѣли, вѣроятно, только они сами, подобно тому, какъ въ послѣднее время испытали то же сибирскіе туземцы

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 36.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 37; *Ефименко*, 33.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 53.

при встрѣчѣ съ новымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ изъ Русскихъ. Касательно этого предмета приведу нѣсколько выписокъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ Тунгусами Олекминско-Витимской горной страны: „Вліяніе Тунгуса на лѣсъ выражается почти въ такомъ же видѣ, какъ вліяніе медвѣдя или волка; о присутствіи этихъ звѣрей въ лѣсу можно догадаться по слѣду, который они оставляютъ, по остаткамъ ихъ пищи, по костямъ и по пролитой крови ихъ жертвы, наконецъ, по жилью или лёжбу, по берлогѣ или норѣ. То же самое и съ Тунгусомъ: можно иногда видѣть слѣдъ, гдѣ онъ ходилъ, кости оленя или другихъ животныхъ, которыми онъ питался, признаки его незатѣйливаго ночлега, и только. Среда же, въ которой все это происходитъ, остается почти неизмѣнною: деревья стоятъ нетронутыми, по землѣ разстилаются тѣ же мшистые, толстые покровы, какіе были прежде; развѣ только олень отъ шалости взроетъ тутъ или тамъ почву, или защищаясь отъ овода, сдѣлаетъ царапину или оставитъ клокъ шерсти на ближайшемъ къ ночлегу деревѣ, да впрочемъ, то же дѣлаетъ часто и дикій олень. Проложилъ Тунгусъ среди лѣса дороги или тропы, но въ такомъ видѣ, что дорожки, прокладываемыя бѣлками среди тѣхъ же густыхъ частей лѣса, выходятъ отчетливѣе; человѣкъ, не родившійся въ тайгѣ, рѣдко заподозритъ какой бы то нибыло слѣдъ тамъ, гдѣ Тунгусъ видитъ тропу, имѣющую для него то же значеніе, что̀ у насъ порядочная дорога. Вообще, Тунгусъ привыкъ видѣть весьма многое, совершенно недоступное неопытному глазу, и малѣйшее измѣненіе въ положеніи камня въ розсыпи или ягеля на скатѣ даетъ ему невѣроятную способность угадывать присутствіе животныхъ въ тѣхъ или другихъ сторонахъ его мѣстности: онъ скажетъ гдѣ и какіе прошли звѣри или люди, въ какое время—будь это за пять, за семь дней, въ какомъ числѣ и куда. Эту же способность узнавать характеръ своихъ сосѣдей Тунгусы подозрѣваютъ и въ звѣряхъ, и совершенно справедливо увѣрены, что многіе изъ нихъ, напримѣръ, сѣверный олень или же близкій его сородичъ, олень благородный или изюбрь, замѣчая слѣды человѣка, удаляется отъ нихъ далѣе, въ мѣста болѣе для человѣка недоступныя. Отсюда же въ концѣ концовъ вытекаетъ у Тунгусовъ противодѣйствіе, въ виду сохраненія своего собствен-

наго существованія и въ виду обезпеченія достатка звѣрей въ занимаемой ими мѣстности, тѣмъ вторженіямъ въ ихъ область, которыя дѣлаются сходными съ ними по образу жизни племенами; отсюда вытекаетъ борьба за области. Но есть явленія, на которыя Тунгусъ смотритъ съ грустью и съ отчаяніемъ, которымъ онъ противодѣйствуетъ съ замѣчательною энергіей, — обманомъ, а гдѣ можно, тамъ и силой, но напрасно: онъ смотритъ, какъ золотопромышленникъ все далѣе и далѣе проникаетъ въ глубину тайги, видитъ, какъ срываются горы, запруживаются рѣчки, снимаются ихъ берега, и какъ возникаютъ новыя горы изъ гальки и валуновъ; онъ видитъ изчезаніе потоковъ тамъ, гдѣ прежде они протекали, и появленіе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первоначально ихъ не было. Наконецъ, вырубка лѣсовъ, часто производимые въ нихъ пожары, движеніе съ шумомъ и звономъ, въ противоположность молчаливому переѣзду тунгузскаго бродячаго семейства, все это далеко оттѣсняетъ звѣря и убиваетъ Тунгуса".

Движеніе Новгородцевъ на сѣверъ Россіи повлекло за собою, вѣроятно, тѣ же послѣдствія, какъ и движеніе Русскихъ по Сибири; оно повліяло на измѣненіе характера дремучихъ сѣверо-русскихъ лѣсовъ, частію истребило ихъ, а частію дало возможность появиться мелколѣсью; чтобы согласиться, что въ настоящее время Сѣверъ несравненно болѣе культивированъ, чѣмъ въ первобытныя времена, достаточно представить, что тамъ мы имѣемъ сотни тысячъ земледѣльческаго населенія, занявшаго весьма значительное пространство подъ пашни, села, города и пр.

Рука объ руку съ культурой Сѣвера должно было и идти измѣненіе характера его первобытной фауны. Несомнѣнно, что со времени заселенія Сѣвера Русскими тамъ не только уменьшилась численность особей разныхъ важныхъ для человѣка видовъ животныхъ, но многіе виды изчезли совершенно безслѣдно, вмѣстѣ съ тѣми племенами, которыя, вѣроятно, нѣкогда за ними охотились. Изъ числа такихъ вымершихъ въ предѣлахъ земли Новгородской животныхъ укажемъ на три вида. Первый изъ нихъ —это кабанъ. Въ жизни Новгородцевъ онъ игралъ, по видимому, значительную роль; уже въ совершенно историческую эпоху на него обращалось вниманіе, такъ что право охоты за кабаномъ

въ окрестностяхъ самого Новгорода, именно на разстояніи 60 верстъ въ окружности отъ города давалось великимъ князьямъ, и только за предѣлами этого пространства могъ охотиться всякій, безъ разрѣшенія князя [1]). Если такимъ образомъ по всѣмъ направленіямъ отъ Новгорода позволялось всякому охотиться, то вѣроятно, кабанъ распространялся какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ города; такъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи и въ Литвѣ онъ встрѣчался еще въ позднѣйшія времена [2]); въ настоящее время онъ повсюду въ этихъ мѣстахъ изчезъ. Но было другое животное, болѣе цѣнное, имѣвшее большое значеніе въ древне-русской промышленности, и которое распространялось по всему Сѣверу, это бобръ, не оставившій во многихъ мѣстахъ въ настоящее время никакихъ слѣдовъ своего существованія. Не говоря о южной и средней Россіи, бобръ водился еще съ XIV по XVII в. въ губерніяхъ Московской и Тверской, въ болѣе позднее время въ Прибалтійскомъ краѣ, и до настоящаго времени водится въ недоступныхъ литовскихъ болотахъ [3]). Несомнѣннымъ также остается фактъ, что бобръ, распространялся въ Финляндіи и въ Лапландіи, около Ладожскаго озера и далѣе на сѣверо-востокъ до самаго Урала, гдѣ онъ изрѣдка встрѣчается въ небольшихъ рѣчкахъ и до настоящаго времени [4]). Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ я долженъ указать на одинъ фактъ, почти непосредственно относящійся до Олонецкой губерніи. Въ 1585 году на имя Ковжезерскаго монастыря дана была царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ грамота, въ которой между всѣми прочими принадлежностями мѣстности, съ угодьями, съ озерами и перелѣсками и съ пашнями, отдавались во владѣніе монастыря и бобровые гоны и ловища; въ грамотѣ сказано: „и со всякими угодья, и съ озера, и съ перелѣсы и съ *бобровыми гоны* и съ *ловищи*, и съ рыбными ловлями, на всѣ четыре стороны пашенныя земли по четыре версты, оприче мховъ и болотъ, и дѣла впредь до ихъ земли никому

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 208; цитировано у *Миддендорфа*, Путешествіе на Сѣверовостокъ Сибири, II, отд. V, стр. 91.

[2]) *Миддендорфъ*, стр. 285.

[3]) *Миддендорфъ*, стр. 73, примѣч. 3-е.

[4]) Тамъ же, стр. 74—75. Академикъ Θ. Б. Шмидтъ сообщилъ мнѣ, что бобры встрѣчаются отчасти за Обью, по притокамъ р. Таза.

нѣтъ" [1]). Отсюда видно, что бобръ не больше или даже меньше, чѣмъ 300 лѣтъ назадъ, составлялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего Сѣвера почти такую же принадлежность хозяйства, какъ пашня или угодья, и что онъ, какъ статья дохода, имѣлся въ виду въ грамотахъ; изъ этого же можемъ вывести заключеніе, что если онъ встрѣчался около Ковжезерскаго монастыря, лежащаго на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи, и съ другой стороны — около Ладожскаго озера, то вѣроятно, водился онъ когда-нибудь и во всей Олонецкой губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда же мы можемъ убѣдиться, что нѣсколькихъ сотъ лѣтъ было достаточно для того, чтобы бобръ изчезъ безслѣдно, какъ въ предѣлахъ Олонецкой губерніи, такъ и далѣе; и замѣчательно, что и здѣсь, по сю сторону Урала, изчезновеніе бобра по видимому совпадало съ вымираніемъ первобытныхъ племенъ, какъ это было по ту сторону рубежа между Европой и Азіей: вмѣстѣ съ многочисленными племенами около озера Бàунта въ Восточной Сибири Георги указываетъ и на существованіе тамъ и бобра [2]) въ концѣ прошлаго столѣтія; мы же въ послѣднее время не нашли тамъ ни многочисленныхъ племенъ Тунгузскихъ, ни бобровъ.

Есть еще третье животное, изчезнувшее на сѣверѣ, именно — соболь; можетъ быть, онъ не такъ широко распространялся, какъ бобръ, но вѣроятно однако, составлялъ предметъ непосредственной охоты для многихъ жителей Сѣвера; извѣстно, что Заволочане платили дань или штрафы соболемъ; такъ, напримѣръ, Устюжане въ одномъ случаѣ наказаны были за возмущеніе платою Новгородцамъ 50,000 бѣлокъ и шести сороковъ соболей [3]); въ другомъ, въ 1417 году, они были принуждены уплатить откупа за вторженіе въ Двинскую землю 8,000 бѣлокъ и 80 соболей [4]). Хотя и есть указанія, что набиравшіеся въ Устюгѣ мѣха были вывозимы изъ Пермскаго и Печерскаго края [5]), но это не можетъ служить доказательствомъ

---

[1]) Олонецк. Губ. Вѣд. 1864 г., № 2, стр. 7.

[2]) См., между прочимъ, *Миддендорфъ*, стр. 76, прим. 1.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 508.

[4]) Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. стат., т. II, ст. *Попова*, Движ. народонаселенія въ Волог. губ., стр. 92.

[5]) *Миддендорфъ*, стр. 78, прим. 6.

того, какъ это думаетъ Миддендорфъ [1]), что около самаго Устюга и далѣе по Двинѣ не встрѣчались уже свои соболи; Герберштейнъ въ XVI столѣтіи говорилъ, что около Устюга соболей мало, что мѣха ихъ не хороши [2]), или что соболи рѣдко встрѣчаются по сю сторону Устюжскаго и Двинскаго края и часто бываютъ въ Печерской области; отсюда ясно, что соболи около Устюга и по Двинѣ встрѣчались, и если рѣдко, то это было уже въ XVI столѣтіи; здѣсь русская колонизація вліяла на уменьшеніе количества соболей нѣсколько столѣтій, тогда какъ въ Сибири было достаточно отъ одного до трехъ столѣтій, чтобы во многихъ мѣстахъ окончательно истребить его; указаніе Герберштейна на плохія качества соболя доказываетъ, что это дѣйствительно были соболи мѣстные, сѣверно-русскіе, далеко не имѣвшіе въ себѣ качествъ соболя сибирскаго и отличавшіеся отъ него, можетъ быть, также, какъ сѣверно-русская бѣлка отличается по своему мѣху и даже величинѣ отъ бѣлки сибирской. Но при этомъ нѣтъ никакихъ основаній отвергать, что соболь въ древности жилъ на Сѣверѣ, если даже соболей, которыми платили дань Лапландцы сѣверной Скандинавіи, будемъ считать завезенными, какъ то думаетъ Миддендорфъ, хотя и трудно допустить, у кого и на что̀ могли вымѣнивать бѣдные жители Сѣвера дорогое руно для податей; точно также, если приписать ошибкѣ или недоразумѣнію извѣстія о соболѣ въ Литвѣ, то и тогда нѣтъ основанія думать, чтобы соболь не распространялся въ предѣлахъ сѣверо-востока Россіи до Двины, Онежскаго, Ладожскаго озеръ и пр., вслѣдъ за сибирскою древесною растительностью. Сибирская лиственица оазисами или отдѣльными деревьями доходитъ до восточныхъ береговъ Онежскаго озера; ель сибирская идетъ, по моимъ изслѣдованіямъ, еще далѣе къ западу; пихта была встрѣчена А. Н. Бекетовымъ даже около Волхова. За этою растительностью проникаютъ сюда многіе виды сибирскихъ птицъ; довольно далеко, до Устюга, а можетъ быть, и далѣе, идетъ къ западу бурундукъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя допустить, чтобы соболь составлялъ исключеніе. Теперь же, напро-

---

[1]) *Миддендорфъ*, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 74, прим. 2.

тивъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались родиною соболя, каковы Уралъ съ его Югрой и Печорой, онъ истребленъ или встрѣчается лишь въ видѣ исключенія.

Къ тремъ указаннымъ видамъ животныхъ, изчезнувшихъ на сѣверо-востокѣ Россіи, можно присоединить еще нѣсколько—оленя и частію лося, область распространенія которыхъ сузилась, и которые здѣсь порѣдѣли. Уменьшеніе количественное произошло и въ бѣличьей породѣ, а также въ большинствѣ другихъ животныхъ, служившихъ нѣкогда предметомъ промысла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ внесеніемъ культуры въ мѣстность, съ ея воздѣлываніемъ, и вслѣдствіе того, съ измѣненіемъ въ ней растительности, вліяло на уменьшеніе количества цѣнныхъ животныхъ и непосредственное истребленіе ихъ съ помощію болѣе сильныхъ средствъ, чѣмъ выработала первобытная цивилизація: земледѣльческое племя вносило въ новыя страны желѣзо и обладало болѣе сложными снастями для ловли животныхъ [1]); примѣромъ быстраго истребленія соболя можетъ служить Амурскій край, гдѣ до недавняго прибытія Русскихъ было въ 10 или 15 разъ больше соболей, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Сибири, доступномъ Русскому племени, гдѣ еще недавно Гиляки носили собольи шубы [2]), а по прибытіи Русскихъ за папушу табаку или за пуговку давали по соболю; здѣсь въ настоящее время, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ прибытія Русскихъ, соболь становится рѣдкимъ, изчезаетъ или грозитъ изчезнуть. За истребленіе нѣкоторыхъ породъ животныхъ, вмѣстѣ съ приливомъ земледѣльцевъ, болѣе усиленно, вслѣдствіе запроса, принимаются и сами туземцы, по баснословно дешовой цѣнѣ отдавая пріобрѣтаемую добычу: Камчадалы въ соболѣ цѣнили только мясо, а шкуру считали ниже собачьей и „при покореніи своемъ",— говоритъ Крашенинниковъ [3]),

---

[1]) См. *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, см. помѣщенные тамъ рисунки снастей или ловушекъ. Первобытные народы по видимому не знали ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ въ Камчатку ловушки были занесены казаками; см. *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., т. I. стр. 340.

[2]) См. *Миддендорфъ*, стр. 77.

[3]) Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., стр. 342. Интересно на слѣдующей страницѣ показаніе, что при всемъ изобиліи соболя „многіе (Камчадалы) и ясаку достать не

за ясакъ соболиной не только не спорили, но напротивъ того, весьма казакамъ смѣялись, что они промѣнивали ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей". За этою эпохою простодушнаго отношенія самихъ туземцевъ къ собственнымъ богатствамъ послѣдовала ихъ эксплуатація со стороны промышленниковъ, и происходили, вѣроятно, случаи вымогательства пушныхъ товаровъ за даромъ, черезъ опьяненіе туземцевъ различнаго рода отравляющими напитками, какъ это было еще недавно въ Туруханскомъ краѣ [1]).

Рядъ всѣхъ указанныхъ явленій имѣлъ, безъ сомнѣнія, мѣсто и среди туземцевъ, населявшихъ первоначально сѣверъ Россіи; онъ породилъ между ними нищету [2]), которая и сдѣлалась наконецъ главною причиной ихъ вымиранія путемъ чисто экономическимъ; какъ-бы продолженіе подобнаго процесса мы встрѣчаемъ на Сѣверѣ еще и до сихъ поръ: такъ, продолжаютъ исчезать мало по малу съ лица земли Самоѣды, лишаясь постепенно своихъ стадъ оленей. Быстрое уменьшеніе звѣрей не дало возможности освоиться туземцамъ съ другими родами промышленности, и притомъ требовался переходъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ рѣзкій для бродячихъ народовъ: они должны были помимо скотоводства перейдти къ земледѣлію, чему, вмѣстѣ съ безплодіемъ Сѣвера, съ собственною нищетой ихъ и съ рядомъ сильныхъ привычекъ къ бродячей жизни служило препятствіемъ и слабое развитіе физическихъ силъ. Наиболѣе типичные представители Финскаго племени—Лапландцы являются въ скандинавскихъ сагахъ народомъ небольшаго роста и отвратительной наружности, съ широкимъ ртомъ и короткими ногами; они трусливы и бѣгутъ отъ малѣйшей опасности [3]). Подобными же чертами характеризуются въ преданіяхъ и жители нашего Сѣвера; и здѣсь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ называемая Чудь выставляется народомъ слабосильнымъ, нерасторопнымъ и

могутъ, но во время ясачнаго сбору принуждены бываютъ занимать оной у своихъ тоіоновъ или у казаковъ, и работать за то цѣлое лѣто".

[1]) *Кривошапкинъ*, стр. 136 и далѣе.

[2]) Въ Туруханскомъ краѣ Остяки страдаютъ сильно отъ простуды и грудныхъ болѣзней по недостатку сколько-нибудь порядочной одежды. См. ст. *А. Щапова* въ Изв. Геогр. Общ., т. IV, стр. 68.

[3]) *Nilsson*, стр. 269 и слѣд.

неподвижнымъ; какъ и Лапландцы въ Скандинавіи, они обитали отчасти въ пещерахъ [1]). И вообще, физическая сила бродячихъ народовъ оказывается чрезвычайно низкою; Остяки и Тунгусы Туруханскаго края, по сравненію съ тамошними же, почти уже выродившимися Русскими, представляются въ полтора или даже въ два раза слабѣйшими [2]). При такомъ порядкѣ вещей нужны были крайне благопріятныя условія, чтобы туземцы могли приняться за земледѣліе, что и имѣло, по видимому, мѣсто на востокѣ Россіи по Камѣ и въ Поволжьѣ: съ одной стороны, отдаленность этихъ мѣстъ отъ центра Новгородскаго разселенія спасла на болѣе продолжительное время ихъ лѣса въ цѣлости, а съ другой—почва оказалась здѣсь плодороднѣе: Зыряне, Пермяки и Вотяки и до сихъ поръ сохраняютъ свою народность, а Черемисы и Мордва уже около XVI столѣтія, населяя плодородные берега Волги, усердно занимались хлѣбопашествомъ [3]), хотя они по своему положенію на окраинѣ были подвержены всѣмъ невыгодамъ со стороны набѣговъ съ азіатскаго Востока, съ которымъ Россія должна была тогда бороться [4]); Самоѣды и Лапландцы только благодаря положенію на сѣверныхъ окраинахъ и оленеводству сохранились до нѣкоторой степени. Но чрезвычайно интересный примѣръ представляютъ Корелы Олонецкой губерніи: земледѣліе здѣсь имъ было не подъ силу, и они остались въ тѣхъ только уѣздахъ, Повѣнецкомъ и Олонецкомъ, которые наименѣе всего населены, и гдѣ они, благодаря незначительному соперничеству съ Русскими, поддерживаютъ свое существованіе не столько хлѣбопашествомъ, сколько звѣроловствомъ и рыболовствомъ; что

---

[1]) Срав. *Ефименко*, стр. 33—34 и *Nilsson*, стр. 267.

[2]) Извѣст. Геогр. Общ. за 1868 г. т. IV, стр. 65. Изслѣд. *А. Щапова*.

[3]) *Ключевскій*, Сказанія иностр. о Моск. госуд., стр. 156. О нынѣшнихъ инородцахъ-земледѣльцахъ Тобольской губерніи извѣстно, что пахатная ихъ земля приноситъ въ 4 раза меньше дохода, чѣмъ въ тѣхъ же мѣстахъ крестьянская, что мѣстные жители приписываютъ непониманію инородцами выгодъ отъ земледѣлія, а также худшимъ качествамъ ихъ почвы; см. Описаніе Туринскаго округа Тобольск. губ. въ хозяйств. отношеніи въ Журн. засѣд. Моск. Общ. сельск. хоз. 1863—1864 г. № 6, стр. 51.

[4]) *Ключевскій*, стр. 175.

же касается другихъ уѣздовъ, отчасти Вытегорскаго, а главнымъ образомъ Каргопольскаго, гдѣ, благодаря лучшимъ урожаямъ, мѣстность больше населена и культивирована, то здѣсь Корелы видимо вымерли. Ту же участь, вслѣдствіе значительной культуры мѣстности, быстраго уменьшенія звѣрей и отсутствія другихъ сподручныхъ занятій, потерпѣли всѣ народцы, нѣкогда населявшіе губерніи Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и часть Двинской области.

Итакъ, за всѣми причинами, дѣйствовавшими неблагопріятно на первобытныя племена, за порабощеніемъ ихъ и обращеніемъ въ крѣпостныхъ или половниковъ, за измѣненіемъ самой природы, кроется еще рядъ явленій, можетъ быть, оправдывающій вышеприведенное мнѣніе г. Бѣляева о нравственномъ завоеваніи Финновъ, о претвореніи ихъ въ Славянъ; но этотъ кругъ явленій ограниченъ, и распространять его на значительное количество туземцевъ не возможно; онъ относится къ простому рабочему классу труженниковъ, входившихъ въ тѣсное родство съ туземцами подъ вліяніемъ крайней нужды: способность этого класса людей выносить всевозможныя трудности и лишенія и жить среди самой первобытной и невзыскательной обстановки была замѣчена Голландцами въ XVI столѣтіи на Новой Землѣ; она же, вмѣстѣ съ умѣньемъ дружить и жить въ полномъ мирѣ и согласіи, была найдена мореплавателями у Русскихъ, на берегахъ Восточнаго океана, на Аляскѣ и Ситхѣ; здѣсь русскіе рабочіе не только смотрѣли на туземныхъ обитателей Калошей, какъ на людей съ ними равноправныхъ, но ѣли съ ними одну пищу, работали и жили въ одних хижинахъ. Тѣ же самыя черты мягкаго характера и дружелюбныхъ отношеній остались и до сихъ поръ: въ томъ же неизмѣнномъ видѣ наблюдалъ я ихъ въ Олонецкой губерніи среди звѣролововъ и рыбаковъ; особенно памятною осталась для меня рыбацкая хижина на берегу Великаго озера, нѣ далеко отъ устья Вытегры: она была сложена изъ бревенъ и возвышалась надъ землей не выше роста человѣка, вмѣстѣ со своею плоскою земляною крышей; она была безъ оконъ, съ одною низенькою дверью; внутри ея, въ углу, прилегающемъ къ двери, была печка-каменка, сложенная изъ валуновъ и вполнѣ могущая характеризовать каменный вѣкъ; съ появленіемъ огня

въ печкѣ, хижина наполняется дымомъ, такъ что сидѣть въ ней не возможно, а нужно лежать; передъ печкой готовится на обѣдъ или ужинъ рыба, безъ потроховъ, но съ чешуей (впрочемъ, чешуя не снимается Олончаниномъ съ рыбы и при болѣе богатой обстановкѣ). Рыбаки, расположивъ вверху хижины свои снасти для обсушки и копченія, внизу сидятъ сами, окуриваясь дымомъ и бесѣдуя. Если на мѣстѣ этихъ современныхъ гражданъ Сѣвера представить себѣ ихъ предковъ, холостыхъ, заброшенныхъ судьбой изъ болѣе населенныхъ мѣстъ или бѣжавшихъ оттуда въ сосѣдство звѣролововъ-туземцевъ, то легко допустить, что они не только мирно жили съ дикарями, но обзаводились и подругами жизни изъ ихъ племени; при первомъ появленіи русскихъ воиновъ въ Сибири это случалось часто; на такой фактъ указываетъ и Крашенинниковъ въ Камчаткѣ; здѣсь, по туземному обычаю, вдовы, послѣ смерти мужа, не могли вступить съ кѣмъ-либо въ бракъ, не совершивъ предварительно полового акта съ инымъ человѣкомъ, считавшимся въ такомъ случаѣ поруганнымъ и презрѣннымъ, принявшимъ на себя грѣхъ; „бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ казаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала“ [1]). То же, вѣроятно, было и на нашемъ Сѣверѣ: первоначально онъ въ значительной степени заселялся холостяками, производившими разбои [2]), рабами, безземельными и бездомными, вытѣсненными изъ разныхъ мѣстъ [3]), также людьми бѣжавшими отъ крещенія [4]). При такихъ условіяхъ метисація съ мѣстными племенами была неизбѣжна; на это указываютъ преданія, въ которыхъ крестьяне брачатся съ финскими дѣвицами [5]), съ другой стороны есть крестьяне на Сѣверѣ, производящіе свои фамиліи оттуда [6]); кромѣ этого, слѣды прошлой метисаціи можно найд-

[1]) Опис. Камчатки, т. II, стр. 169.
[2]) *Ефименко*, стр. 14.
[3]) *Ключевскій*, стр. 173.
[4]) *Лепехинъ*, Путеш., IV, стр. 409—410.
[5]) *Ефименко*, стр. 41.
[6]) Тамъ же, стр. 22.

ти въ физіономіяхъ сѣверяковъ. Но видимо, что она существовала во времена не нормальной колонизаціи, и когда Русскіе люди двинулись на Сѣверъ съ семействами, тогда она должна была прекратиться. Представители Германской расы въ Скандинавіи, жившіе между Лапландцами, презирали ихъ и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ женились на Лапландкахъ, какъ-бы видя нѣчто отталкивающее въ ихъ физической природѣ [1]). То же самое было и въ Сибири; казаки, едва обзаведшись своимъ хозяйствомъ и домомъ, оставили въ сторонѣ туземокъ, и мнѣ между тысячами случаевъ столкновенія Русскихъ съ Бурятами, только разъ, въ видѣ рѣдкости, пришлось замѣтить женидьбу одного казака на чистокровной Буряткѣ [2]), и то только въ самой бѣдной изъ мѣстностей и потому, что Бурятка обладала нѣкоторымъ капиталомъ; продолжается это смѣшеніе племенъ еще, можетъ быть, въ самыхъ бѣдныхъ краяхъ Сибири, какъ Туруханскій [3]) или Якутскій по Анданлу, гдѣ Русскіе сдѣлались едва отличными отъ Якутовъ. У насъ на Сѣверѣ кажется нѣтъ ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ, въ Олонецкой губерніи, на Водлозерѣ, въ одной изъ глухихъ мѣстностей и наиболѣе бѣдной, долго служившей убѣжищемъ для бродягъ и бѣглыхъ, мы находимъ слѣды значительной метисаціи съ туземцами; но уже въ Каргопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, около Кенозера, намъ ясно бросается въ глаза нѣкоторая красота и чистота древне-русской, новгородской крови; то же, говорятъ, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто по Онегѣ и Двинѣ. Эти факты показываютъ, что метисація была явленіемъ ограниченнымъ, чисто мѣстнымъ, и что племена были предоставлены сами себѣ; находясь въ нищетѣ, они вымирали; пользуясь болѣе благопріятными условіями, они сохраняли свою жизнь, языкъ, національность и типъ, какъ это мы и видимъ до сихъ поръ на восточ-

[1]) *Nilsson*, стр. 271.

[2]) *Поляковъ*, Поѣздка въ Вост. Саянъ, въ Отч. Сиб. отд. Г. Общ. за 1868 г. стр. 170.

[3]) *Щаповъ*, Изв. Г. Общ., т. IV, стр 67 Здѣсь у жителей за тундрой, говорятъ, по выраженію Щапова, „за образами хранятся иногда инородческіе бозвки-болванчики“.

ныхъ и западныхъ Финнахъ, хотя и измѣнившихся подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. Между вымирающими племенами встрѣчаются отдѣльные случаи богатыхъ семействъ, которые и пользуются среди Русскихъ равноправностью; такъ, на Витимѣ, между нѣсколькими оставшимися отъ многолюднаго племени семействами, также, можетъ быть, оканчивающими свои дни, есть такія, у главъ которыхъ висятъ за плечами сторублевыя винтовки, полученныя за услуги въ подарокъ отъ золотопромышленниковъ; это можетъ объяснить, почему существовали и въ Новгородѣ знатные Чудины, какъ на то указываетъ г. Бѣляевъ. Герберштейнъ засталъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Устюжской области туземцевъ, говорящихъ большею частію по-русски [1]), что принимается также за признакъ слiянія Финновъ съ Русскими; но и это, кажется, не вполнѣ вѣскій фактъ въ пользу мирнаго претворенія Финновъ въ Славянъ; онъ можетъ быть вѣренъ только отчасти, такъ какъ знаніе русскаго языка и до сихъ поръ не мѣшаетъ многимъ сибирскимъ туземцамъ изчезать съ лица земли.

II.

Общее понятіе объ условіяхъ и ходѣ развитія человѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи. Звѣроловство и звѣроловы на юго-восточномъ прибрежьѣ Онежскаго озера.—Лѣсная жизнь звѣролововъ въ окрестностяхъ Водлозера; ея нравственное и матеріальное значеніе.—Животныя, составляющія предметъ промысла.—Умственная работа звѣролововъ, взглядъ на ихъ домашній бытъ.—Понятіе о численности полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера.—Доходъ отъ полѣсни, выпадающій на долю скупщиковъ звѣря и птицы.—Періодическія колебанія въ численности лѣсныхъ животныхъ и абсолютное уменьшеніе ихъ количества въ значительные промежутки времени: это вліяетъ на оскудѣніе заработковъ отъ звѣроловства.

Выше мы видѣли, что представители Славянскаго племени на сѣверѣ Россіи взяли перевѣсъ въ борьбѣ съ Финскими народцами и истребили ихъ прямо или косвенно, или же вытѣснили въ другія мѣстности. Но какой затѣмъ сами они подверглись участи, обладая

---

[1]) *Ключевскій*, стр. 171.

несомнѣнно бо̀льшимъ физическимъ и нравственнымъ развитіемъ, чѣмъ ихъ предшественники? Въ отвѣтъ на это я представляю очеркъ современнаго быта жителей, преимущественно на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; отсюда будетъ видно, что условія развитія были весьма неблагопріятны для обитателей Сѣвера; были случаи, когда и Русское населеніе вымирало или же, едва принаровившись къ новой обстановкѣ, какъ-бы коченѣло или леденѣло въ однихъ и тѣхъ же формахъ существованія. Въ бытѣ Олончанина мы найдемъ, на ряду съ древне-русскими и Новгородскими элементами, и „чудскіе" (финскіе) элементы, которые по своему началу всецѣло относятся къ временамъ до-историческимъ; вмѣстѣ съ этимъ, встрѣтимъ чрезвычайно мало всего того, что̀ преимущественно служитъ двигателемъ культуры и цивилизаціи; однимъ словомъ, въ бытѣ жителей юго-востока Олонецкой губерніи, на ряду съ другими сосѣдними мѣстностями, насъ поразитъ медленный ходъ развитія, ничтожный прогрессъ въ усовершенствованіи жизненныхъ формъ.

Олонецкая губернія, занимая площадь до 2,783 квадр. миль, превосходитъ по своимъ размѣрамъ многія изъ европейскихъ государствъ, въ родѣ Бельгіи, Нидерландовъ, Швейцаріи, Греціи и пр. Чтобы обработать подобное пространство, потребовалось бы чрезвычайно много силъ и времени; между тѣмъ Олонецкая губернія по самому своему физико-географическому характеру давала своимъ обитателямъ мало возможности самостоятельно и быстро развиваться; то, что̀ при болѣе густомъ населеніи служило бы источникомъ богатства, составляетъ теперь препятствіе для развитія; обширныя разстоянія, обиліе водъ и болотъ, густые лѣса, холмы и горы, скрывающіе въ себѣ издавна извѣстныя минеральныя богатства, все это теперь больше разъединяетъ жителей и изолируетъ ихъ, отстраняя возможность легкихъ сообщеній между ними. Притомъ наиболѣе доступные для жителей роды промышленности требовали часто этого разъединенія, дѣлая самую жизнь жителей и ихъ развитіе одностороннимъ. Къ главнымъ родамъ промышленности, для которыхъ Олонецкая губернія представляла наибольшія удобства, относятся звѣроловство, птицеловство, рыбная ловля и только частію скотоводство и хлѣбопашество; разсматривая каждую изъ этихъ отраслей занятій отдѣльно, можно прійдти къ заключенію,

что скотоводство и хлѣбопашество представляли здѣсь наиболѣе трудностей, такъ что по крайней мѣрѣ послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи и до сихъ поръ считается почти невозможнымъ.

Изъ первой категоріи промысловъ звѣроловство издавна характеризовало Олонецкую губернію, и во многихъ мѣстностяхъ ея, даже въ наше время, оно стоитъ на первомъ планѣ въ числѣ занятій населенія. Къ ряду такихъ мѣстностей принадлежитъ весь Повѣнецкій уѣздъ и большая часть Пудожск го; наименѣе общераспространено оно въ уѣздѣ Вытегорскомъ. Если въ первыхъ уѣздахъ иногда цѣлыя деревни имѣютъ охотничій характеръ, и во время осени почти всѣ взрослые мужчины выходятъ въ лѣса, то въ послѣднемъ обратно, во многихъ деревняхъ, нѣтъ ни одного ружья и ни одного охотника; здѣсь звѣриный и птичій промысла видимо стоятъ на послѣднемъ планѣ, особливо въ селеніяхъ по Маріинскому и Онежскому каналамъ.

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ выходятъ на охоту большею частію старики и ставятъ петли въ лѣсахъ на зайцевъ и рябчиковъ. Мнѣ былъ извѣстенъ одинъ такой старикъ—съ Тудозера, изъ деревни Бабовщины; этому старому охотнику удается ловить зайцевъ до 100 и болѣе штукъ въ зиму, вмѣстѣ съ рябчиками, такъ что онъ вноситъ значительное подспорье въ семейный бюджетъ и пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ. Нерѣдко случается, что старики держутъ только для памяти свои старыя ружья, изъ которыхъ можетъ стрѣлять только тотъ, кто не жалѣетъ своей жизни; въ подобныхъ случаяхъ, около большихъ озеръ, какъ Лужандозеро, Великое, Онего, Тудозеро и пр., звѣроловство уступаетъ мѣсто рыболовству. Но иногда выходятъ въ лѣсъ охотники и съ пистонными ружьями и промышляютъ рябчиковъ, глухарей, тетеревей и бѣлокъ. Выставляются по осенямъ чучела на тетеревовъ; весной посѣщаются токи, но все это не выходитъ здѣсь за предѣлы простаго развлеченія, рѣдко приносящаго существенный доходъ. На 9—10 деревень, лежащихъ частью около Лужандозера и частію по Тудозеру, приходится такихъ два, три охотника; ихъ пребываніе въ лѣсу продолжается день или два, повторяясь въ мѣсяцъ нѣсколько разъ; иногда они проводятъ въ лѣсахъ недѣлю, двѣ и три; въ та-

кихъ случаяхъ добыча простирается въ осень на 10 — 15 руб. Типъ чистыхъ звѣровщиковъ въ окрестностяхъ города Вытегры уже весьма рѣдокъ, такъ что для ознакомленія съ мѣстнымъ звѣринымъ промысломъ мнѣ пришлось ѣздить болѣе, чѣмъ за 20 верстъ, въ селеніе Бѣлый-Ручей. Здѣсь уцѣлѣлъ одинъ изъ старыхъ охотниковъ; это былъ пожилой мужчина, лѣтъ около 60; онъ обладалъ кроткимъ выраженіемъ лица, съ прямымъ тонкимъ носомъ; въ его рыжихъ волосахъ не было ни одной сѣдинки, онъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; много десятковъ медвѣдей пало подъ его пулей, и рогатина его славилась далеко по окрестностямъ. Зиму и лѣто онъ живетъ въ лѣсу, рѣдко и не надолго возвращаясь въ свой домъ; весь свой лѣсной заработокъ онъ употребляетъ на свое прокормленіе и на увеселеніе себя горячими напитками, передавъ свою старую подругу на попеченіе младшаго сына, вмѣстѣ съ должностью лѣсника въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ. Въ его сынѣ недостаетъ отцовской честности, прямоты и полной правдивости; сынъ его хотя и владѣетъ весьма многими пріемами отца въ преслѣдованіи лѣсныхъ животныхъ—медвѣдей, сѣверныхъ оленей, лисицъ, бѣлокъ и пр., но не можетъ существовать лѣснымъ промысломъ; кромѣ жалованья за должность лѣсника, онъ заработываетъ кое-что на судахъ по каналу. Средства, доставляемыя ему охотой, не простираются въ годъ свыше 75—100 руб. Хозяйство, пашня и пр. ведется его женой и старою матерью. Знакомъ я былъ также съ промышленникомъ въ селеніи Оштинскомъ; большая часть его времени проходитъ также въ лѣсахъ; охоту онъ соединяетъ съ должностью лѣсника, которая отдѣльно оплачивается жалованьемъ около 10 руб. въ мѣсяцъ. Этотъ типъ звѣровщика принадлежитъ уже къ болѣе новому закалу; онъ промышляетъ мелкую дичь съ лягавою собакой; въ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ трехъ- или пяти-часовой охоты, возвращается онъ, не убивъ одной или двухъ паръ тетерекъ, куропатокъ, рябчиковъ. Во времена тетеревиныхъ и другихъ выводковъ добыча его простирается иногда до шести десятковъ и болѣе молодыхъ и старыхъ особей въ одинъ день. Въ противоположность другимъ Олонецкимъ охотникамъ или полѣсникамъ, онъ стрѣляетъ пернатую дичь по большей части на лету, и рѣдкая изъ птицъ избѣгаетъ

его выстрѣла, такъ что онъ прекрасно охотится и на такія породы, какъ бекасъ, дупель, вальдшнепъ. Вмѣстѣ съ бѣлкой, онъ во время осени и зимы промышляетъ лисицъ, норокъ и ходитъ на медвѣдей. Онъ средняго роста, съ мясистымъ толстымъ носомъ, съ энергичнымъ выраженіемъ лица, по виду силенъ, ловокъ и проворенъ; въ дорогахъ—деликатенъ и услужливъ; цѣлый день ходьбы по лѣсамъ и болотамъ не утомляетъ его; человѣкъ бывалый; живя въ Кронштадтѣ, собирался въ молодости ѣхать въ Америку и былъ задержанъ. При всѣхъ этихъ качествахъ охота едва-ли доставляетъ ему дохода больше, чѣмъ его годичное жалованье за лѣсничество; имѣя домъ, онъ засѣваетъ хлѣбъ и содержитъ небольшое количество скота; въ его домашней обстановкѣ проглядываетъ значительная бѣдность. Въ большомъ Оштинскомъ селеніи, гдѣ живетъ этотъ полѣсникъ, не было другихъ, ему подобныхъ, такъ что, кромѣ него, едва-ли и есть такіе крестьяне, которые интересовались бы лѣсною дичью. Можетъ быть, въ селахъ, лежащихъ дальше на югъ отъ Онежскаго озера, охота распространена нѣсколько шире, но при всемъ томъ Вытегорская земская управа установила весьма вѣрный взглядъ на этого рода промыселъ въ названномъ уѣздѣ: „Звѣриный промыселъ существуетъ по волостямъ въ незначительныхъ размѣрахъ. Его даже нельзя назвать промысломъ, ибо имъ занимается незначительное число крестьянъ-охотниковъ, сбывающихъ шкурки на ярмарки, отчасти въ г. Вытегру, а больше въ Каргополь. Звѣрь, по большей части, убивается огнестрѣльнымъ оружіемъ, и шкура съ него покупается крестьянами-скупщиками изъ Каргополя, гдѣ онѣ и выдѣлываются въ мѣха. Охотники-крестьяне стрѣляютъ бѣлку, лисицъ, волковъ, медвѣдей и рѣдко куницъ, язвеца и выдру. Самая большая охота идетъ на бѣлку и начинается съ Покрова; затѣмъ незначительная охота идетъ на лисицъ, волковъ и медвѣдей. Каждая бѣличья шкурка въ невыдѣланномъ видѣ покупается съ первыхъ рукъ за 5 коп., лисья отъ 3 и до 6 руб., волчья отъ 2 до 3 руб. и медвѣжья отъ 7 до 15 руб.“ [1]). При подобныхъ условіяхъ, когда полѣсничество видимо падаетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно осенью, появляются сѣверные олени, — какъ

[1]) Журналы Вытегорскаго уѣзднаго земскаго собранія 1869 г., стр. 76.

это было еще при мнѣ около устья рѣки Вытегры: здѣсь, даже среди глубокаго лѣта, олени выходили на водопой къ озерамъ и оставались въ безопасности; по временамъ около деревень показывается лось, и Тудозёрамъ удавалось убивать и его. Бѣлка, представляя въ продолженіе годовъ колебанія, иногда увеличивается до того, что и плохой стрѣлокъ-полѣсникъ добываетъ ее въ количествѣ 150—200 штукъ въ осень. Но все это—благодаря ограниченности промышленниковъ.

Иначе дѣло складывается къ сѣверо-востоку отъ Вытегры, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Уже нѣкоторые изъ жителей города Пудожа уходятъ осенью въ лѣсъ, въ окрестности Сумозера и Водлозера, па птичьи и звѣриные промысла; то же самое дѣлаютъ многіе изъ крестьянъ съ устьевъ Водлы. Въ верхнихъ частяхъ Водлы жители деревни Падуна всѣ промышляютъ исключительно въ лѣсахъ; то же дѣлаютъ сосѣди ихъ съ Кумбасъ-озера; въ многочисленныхъ деревняхъ по Водлозеру найдется въ каждой по одному и по два человѣка, владѣющихъ ружьями; другіе же добываютъ лѣсную дичь безъ ружей, петлями, слопцами и пр. Къ такимъ же звѣровщикамъ-полѣсникамъ и птицеловамъ нужно причислить и жителей Сумозера, вмѣстѣ со многими другими, обитающими къ сѣверу отъ Водлозера—на Пильмасъ - озерѣ, Кёлкъ - озерѣ и пр. Начиная съ первыхъ чиселъ сентября, полѣсники бродятъ невдалекѣ отъ жилыхъ мѣстъ, заросшихъ березнякомъ, иногда чистымъ, иногда смѣшаннымъ съ сосной, елью и осиной; это—мѣста сележныя, малёги, на которыхъ нѣкогда бывали пашни, и гдѣ первобытные лѣса вырублены. Здѣсь въ продолженіе осени держится преимущественно рябчикъ, питаясь частію ягодами, а главнымъ образомъ почками березы; до самаго Покрова составляетъ онъ предметъ промысла. Охота за нимъ не требуетъ большихъ затратъ капитала; если у полѣсника есть ружье, тогда нужно только на одинъ рубль или на полтора пороху. Иначе необходимы только петли, волосяныя или конопляныя. Хорошій охотникъ распоряжается тѣмъ и другимъ изъ средствъ одинаково и останется въ большей выгодѣ, чѣмъ ограничивающійся только однимъ. Идя по лѣсу, ловецъ разставляетъ петли, руководствуясь знаніемъ привычекъ рябчика и избирая тѣ мѣста, гдѣ онъ кормится, гдѣ охотнѣе са-

дится на землю и чаще оставляетъ свои слѣды. Цѣлыя сотни петель разставляетъ охотникъ на разстояніи десятковъ верстъ, проходя болота и глухія, неприступныя лѣсныя чащи. Рядъ разставленныхъ петель бываетъ соединенъ обыкновенно едва примѣтною тропой и называется путикомъ; смотря по количеству петель и по разстоянію между ними, всѣ петли или путикъ можно обойдти въ три, четыре, пять или шесть дней; въ такомъ случаѣ полѣсникъ послѣдовательно, начиная съ одного края, идетъ нѣсколько дней до другаго, осматривая ловушки и обирая съ нихъ дичь; доходя до конца, онъ снова начинаетъ осмотръ сначала. Случается нерѣдко, что рябчикъ, попавшись въ петлю вскорѣ послѣ ея осмотра, остается на долгое время не убраннымъ, въ слѣдствіе чего и портится. Выпадаютъ и такіе случаи, что до прихода полѣсника петли осматриваются другими охотниками до рябчиковъ: особенно этими наклонностями отличаются лисицы; не прочь полакомиться рябьимъ мясомъ и медвѣдь; охочи до того куницы, горностаи и совы; но внимательнѣе всѣхъ слѣдитъ за петлями воронъ, такъ что отъ его извѣстной прожорливости полѣсники терпятъ наиболѣе огорченій и убытковъ. Послѣ рябчика имѣетъ значеніе охота на различныхъ другихъ животныхъ, для чего впрочемъ жители удаляются болѣе и болѣе отъ жилыхъ мѣстъ, въ глубину суземковъ; этимъ промышляютъ уже среди глухихъ лѣсовъ, въ мрачныхъ еловыхъ чащахъ или въ корбахъ (впадинахъ), а также частію и въ сосновыхъ борахъ: бѣлки, куницы, горностаи, лоси, выдры и норки, отчасти случайно россомахи и рысь, составляютъ здѣсь предметъ промысла. Такъ, около Маткалахты, на южномъ концѣ Водлозера, темныя осеннія ночи Сѣвера постоянно застаютъ до 10 и болѣе человѣкъ полѣсниковъ среди лѣса; въ окрестностяхъ Сумозера ищутъ убѣжища отъ ночныхъ холодовъ въ охотничьихъ лачугахъ, кромѣ туземцевъ, до 15 человѣкъ ловцовъ-Пудожанъ, промышляющихъ здѣсь артелями. Счастливъ охотникъ, если онъ найдетъ товарищей въ обычной хижинѣ. Одиночество, тѣсная связь съ лѣсами, таинственными и мрачными, можетъ быть, сами по себѣ выработали въ ловцахъ множество суевѣрій; они смиряются передъ лѣсомъ и рѣдко, кромѣ страшнаго, запугивающаго, что-либо иное видятъ въ немъ; особенный поводъ къ этому даетъ ельникъ, запружаваю-

щей низменности и корбы: здѣсь еловый лѣсъ тѣсно сплачивается; деревья, посылая высоко въ воздухъ тысячи отдѣльныхъ вершинъ, внизу плотно обнимаются вѣтвями, такъ что и днемъ въ такомъ ельникѣ мрачно, и даже лѣтомъ прохладно и сыро; одинокій полѣсникъ невольно видитъ здѣсь присутствіе подавляющей „нечистой силы“: онъ забываетъ полудницъ, водяниковъ; здѣсь воображеніе его терзается мыслью о лѣсшемъ; это хозяинъ лѣса, обладающій сворою собакъ; онъ постоянно ходитъ по своимъ владѣніямъ; вдали и вблизи отъ него шныряютъ псы, розыскивая, между прочимъ, полѣсниковъ, и даже днемъ являясь передъ ними. Если „крестная сила“ поразитъ собаку, то она мгновенно изчезаетъ, и затѣмъ вдали раздается сильный и потрясающій свистъ ея хозяина. Въ томъ случаѣ, если собака, появляясь между полѣсниками, дровосѣками или рыбаками, пріиметъ отъ нихъ и съѣстъ кусокъ хлѣба или рыбы, то съ нею начинаются судороги, ее бросаетъ изъ стороны въ сторону или на аршинъ кверху, въ наказаніе за измѣну хозяину. Угрюмая жизнь полѣсника еще болѣе омрачается сознаніемъ, что всякая пѣсня, веселье, смѣхъ послужатъ причиной, по которой онъ долженъ сдѣлаться жертвой хозяина лѣса; поэтому пребываніе въ лѣсу становится для него еще болѣе томительнымъ, и онъ жаждетъ наконецъ встрѣчи съ товарищами, что̀ невсегда удается. Ненастная погода и вьюги часто разлучаютъ охотниковъ; иногда плохое знакомство съ мѣстностью надолго задерживаетъ ихъ въ лѣсу одиночными, вдали даже отъ тѣхъ хижинъ, которыя по своему виду и устройству, по своей печкѣ-каменкѣ, напоминаютъ каменный вѣкъ. Въ томъ случаѣ, когда полѣсникъ сбивается съ дороги, онъ оріентируется въ мѣстности положеніемъ солнца, характеромъ коры на деревьяхъ: сѣверная сторона послѣднихъ всегда шероховата, съ лишаями; или онъ принимаетъ въ соображеніе муравейники, которые лежатъ всегда около деревъ, на южномъ припекѣ. Часто полѣсники, находясь въ одиночествѣ, варятъ себѣ пищу въ берестѣ, точно также, какъ это бывало у жителей каменнаго періода. Бываетъ и такъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ собирается на ночь до 20—30 человѣкъ полѣсниковъ, особенно въ ненастную погоду; такимъ пріютомъ служитъ домъ одного Вирозёра, расположенный на берегу озера Ви-

розера; гостепріимный хозяинъ всѣхъ угоститъ и пріютитъ, такъ какъ онъ самъ—знаменитый полѣсникъ. Сборища повторяются у него далеко за сентябрь; почти каждый вечеръ собираются у него сотоварищи и ведутъ длинные разсказы о своихъ приключеніяхъ, о своей добычѣ, которая у однихъ въ день простирается до 10 бѣлокъ, и отъ пяти до шести штукъ рябчиковъ; у другихъ, менѣе счастливыхъ, денной трудъ вознаграждается едва одною парочкой бѣлокъ, одною или двумя штуками рябчиковъ, или же и того менѣе. Вообще, періодъ осенней охоты продолжается до первыхъ снѣговъ и рѣдко длится болѣе 3 или 4 недѣль; тутъ хорошій охотникъ добываетъ дичи на 30 руб. сер. или даже и на 50; менѣе удачный ловецъ наживаетъ до 20 руб. При этомъ хорошій охотникъ убиваетъ въ осень отъ 150 до 200 бѣлокъ, и въ томъ случаѣ, если онъ раньше не запродалъ ихъ, отдаетъ по 10 коп. каждую; если же впередъ забраны деньги, то изъ 200 штукъ 50 бракуются, и тогда онъ всѣ 200 отдаетъ за 150 штукъ, и только по 9 коп. за каждую, получая за все вмѣсто 20 руб. только 13 руб. 50 коп. Въ такомъ случаѣ остальная сумма, превышающая иногда 30 руб., наживается на рябчикахъ, число которыхъ на охотника, промышляющаго ружьемъ и петлями, простирается за 60 паръ въ осень. У многихъ же добыча рѣдко достигаетъ 50 паръ, которыя, принимая по 24 коп. за каждую, дадутъ охотнику 12 руб. валоваго дохода.

Здѣсь мы видѣли только осенній періодъ промысла, и многіе изъ полѣсниковъ имъ только и ограничиваются; кромѣ рябчика и бѣлки, большинство другихъ животныхъ добывается по большей части зимой. Мѣстность, гдѣ развиты всякаго рода звѣриные промыслы, въ томъ числѣ и зимніе, лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Водлозера, на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи: это такъ называемый Кривой Поясъ; здѣсь течетъ рѣка Кожа, съ деревней дворовъ въ 20; недалеко приходъ Янь-Гора. Безплодная мѣстность, покрытая еще болѣе густыми лѣсами, чѣмъ около Водлозера, упорно поддерживаетъ въ жителяхъ привычку къ звѣриному промыслу, и они, не ограничиваясь своею мѣстностью, даже осенью разсыпаются по окрестностямъ. Они идутъ въ Архангельскую губернію, за Кенозеро къ Каргополю, къ Онежскому озеру. Заходятъ и на Водлозеро, гдѣ около

деревни Пильмасъ-озера одинъ такой полѣсникъ становалъ много времени. И между тѣмъ какъ мѣстные охотники убиваютъ бѣлокъ до 200, эти странники доводятъ свою добычу до 300 штукъ.

Во время зимы преслѣдуется полѣсниками куница, дающая мѣхъ цѣною отъ 1 рубля до 5; охота за нею довольно трудна; чтобы найдти ее, полѣсникъ иногда идетъ день и два и болѣе по слѣду ея на снѣгу; онъ видитъ, какъ куница охотится за зайцами, ступая имъ изъ слѣда въ слѣдъ; ловя рябчиковъ, она скачетъ отъ одного дерева на другое, хватая ихъ часто на лету. Ближе всего связана она съ бѣлкой, питается ею и отнимаетъ у нея гнѣзда, такъ что даже численность ея связана съ численностью бѣлки. Выслѣживая куницу, полѣсникъ старается загнать ее на дерево, пуская по ней пулю. Иногда, во время выслѣживанія, застигаетъ полѣсника ночь со снѣгомъ и вьюгою, заносящею слѣды, и тогда разъ выслѣженная куница считается почти потерянною, но невсегда; опытный охотникъ находитъ ее тогда по тѣмъ хлопьямъ снѣга, которые она стряхиваетъ на землю, скача по деревьямъ. Въ такихъ случаяхъ охотникъ ночуетъ въ лѣсу, разгребая снѣгъ, разводя большой огонь и едва удовлетворяя свой аппетитъ. Наилучшая зима даетъ въ добычу штукъ 5 куницъ и рѣдко болѣе на ружье. Сюда же нужно отнести горностая, который попадается въ такомъ же количествѣ. Лисица во время зимы ловится больше всего въ кляпцы; преслѣдуя зайцевъ и лѣсную птицу, она ходитъ также за ранеными животными, даже за куницей; встрѣчая слѣды лыжъ, она рѣдко черезъ нихъ переходитъ; часто идетъ около нихъ, то приближаясь, то отдаляясь. Если жь она переходитъ черезъ нихъ, то сильными скачками; не смотря на это, въ кляпцы она попадается въ количествѣ 10 штукъ на охотника въ хорошій годъ. Обыкновенно жь она въ численности колеблется, вмѣстѣ съ зайцемъ, которымъ она питается. А заяцъ-бѣлякъ въ послѣдніе года становится особенно малочисленнымъ; въ то время, какъ прежде въ 300 петель попадались зайцы десятками, теперь въ тотъ же періодъ времени едва остаются въ петляхъ 2 или 3 штуки. Рысь и россомаха также бродятъ въ здѣшнихъ лѣсахъ; первая ухаживаетъ чаще всего за зайцами, куропатками, тетерками, глухарями и рябчиками и рѣдко за оленемъ, котораго охотнѣе, по разсказамъ полѣсниковъ, преслѣ-

дуетъ россомаха, нападая на него даже съ деревъ. Съ цѣлью чѣмъ-нибудь поживиться, ходитъ она за рысью и лисицей, и охотникъ, благодаря ей, рискуетъ лишиться добычи, если оставляетъ ее плохо въ лѣсу. Она убивается чаще рыси и даетъ шкурку, стоющую до 2 руб. Около значительныхъ рѣкъ ставятъ кляпцы на выдру, въ небольшихъ—на норку; охота за этими животными возможна во всякое время года, такъ какъ шкурка ихъ не измѣняетъ своихъ качествъ. Двѣ-три выдры и нѣсколько норокъ становятся въ годъ предметомъ добычи.

Но и звѣри при столкновеніи съ человѣкомъ видимо цивилизуются; это замѣтно на медвѣдѣ; обращая здѣсь на себя вниманіе по своей значительной численности и принося большой вредъ въ хозяйствѣ, онъ подвергается гоненію; рѣдкій изъ хорошихъ полѣсниковъ не испробовалъ на его бокахъ своей пули или рогатины, поднимая его изъ берлоги, которой полѣсникъ ищетъ съ большою осторожностью около Покрова. Онъ идетъ черезъ самыя глухія корбы и густыя чащи туда, гдѣ трудно пробирается и человѣкъ. Нашедши мѣсто для берлоги, онъ старается скрыть въ ней всякіе слѣды свои; для этого онъ ложится прежде, чѣмъ выпадаетъ снѣгъ; подходя къ ней, онъ обыкновенно скачетъ черезъ пни и колоды; иногда всякіе слѣды его пропадаютъ; въ такомъ случаѣ опытные полѣсники замѣчаютъ, что онъ, поворачивая назадъ, идетъ по старымъ слѣдамъ, пятится и затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону. Не смотря на эти уловки, убѣжище медвѣдя обнаруживается, и промыселъ на него повторяется неоднократно въ одну и ту же зиму, въ одномъ и томъ же охотничьемъ семействѣ.

Изъ травоядныхъ имѣетъ нѣкоторое значеніе лось, появляющійся періодически на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; многіе изъ плохихъ полѣсниковъ боялись лося, полагая, что онъ лягается, и бѣжали отъ него, съ вторженіемъ его, лѣтъ 10 или 25 назадъ, въ Олонецкую губернію, быть можетъ, по пословицѣ: „на медвѣдя идешь—готовь постель; на лося—теши доски". Въ послѣднее время лось показывается чаще, и одному старому полѣснику удавалось въ одинъ день класть на мѣстѣ стадо въ шесть штукъ. Гораздо и до сихъ поръ распространеннѣе промыселъ на оленя; онъ имѣетъ мѣсто преимущественно по насту. Десятка два лѣтъ назадъ олень

былъ многочисленнѣе; два - три полѣсника клали въ одинъ день цѣлыя стада, въ десятки штукъ; таковы жители Криваго Пояса, которые и до сихъ поръ загоняютъ иногда къ Водлозеру стада дикихъ оленей, иногда и „мѣченыхъ“ — одичавшихъ. Въ наше время весной олень держится больше около Онежскаго озера, куда стекаются жители съ разныхъ краевъ, съ Водлы, съ Вамы и проч. Здѣсь онъ, опасаясь нападенія, большую часть времени проводитъ на льду, въ открытыхъ мѣстахъ, и выходитъ на материкъ или острова только покормиться, при чемъ его и поджидаютъ ловцы. Замѣтивъ ихъ присутствіе, олень съ быстротою вѣтра, „съ вѣтромъ вдругъ“, какъ выражаются полѣсники, пускается въ бѣгство, долго не являясь потомъ за пищей. Преслѣдованіе оленей длится иногда по пяти и болѣе дней, до тѣхъ поръ, пока всѣ особи не будутъ перебиты. Бываютъ и теперь случаи, что пять человѣкъ въ три недѣли добываютъ около 30 штукъ; но это исключеніе, такъ какъ охотникъ считается счастливымъ, если добудетъ въ годъ нѣсколько оленей. Лѣтомъ олень еще болѣе завлекателенъ: въ это время онъ бываетъ сильно жиренъ: самцы вѣсятъ до 12 пудовъ и даютъ 2 пуда жиру; но тогда онъ становится менѣе доступнымъ: онъ держится въ самыхъ глухихъ корбахъ и далеко слышитъ приближеніе врага. Единственное средство найдти его — собака; собака, содержимая на цѣпи, идетъ по слѣдамъ оленя, которые для охотника почти не замѣтны; она пересѣкаетъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ и подводитъ наконецъ хозяина къ скрытому въ чащахъ рогатому обитателю лѣса. Вообще собака дорога и въ другихъ отношеніяхъ: она розыскиваетъ бѣлку, выслѣживаетъ куницу, указываетъ подо льдомъ присутствіе выдры, находитъ норку и часто спасаетъ жизнь хозяина отъ медвѣдя. Столько добрыхъ качествъ въ простой, но умной лайкѣ! Нужно отдать справедливость и хозяевамъ этихъ лаекъ. Какъ всякая дѣятельность вызываетъ въ человѣкѣ развитіе соотвѣтственныхъ органовъ, такъ и звѣроловство ведетъ къ усиленію зоркости глаза, къ развитію въ немъ способности различать чрезвычайныя мелочи и тонкости во внѣшнемъ видѣ предметовъ, особенно тѣхъ, которые составляютъ цѣль преслѣдованій и поисковъ; въ подобныхъ случаяхъ рѣдко самая даль разстоянія, вѣтви высокаго и мрачнаго дерева скроютъ

отъ опытнаго глаза желанное существо. Тамъ, гдѣ не беретъ глазъ, полѣсникъ пользуется своимъ слухомъ: онъ понимаетъ всякій звукъ въ природѣ и пользуется имъ для своихъ цѣлей; если въ лѣсу мертвая тишина, онъ самъ вызываетъ эти звуки и голоса; такъ, на его свистокъ, сдѣланный изъ очина гусинаго или лебединаго пера, откликаются рябчики и слетаются съ разныхъ сторонъ, почти ударяясь иногда о самую голову полѣсника. Во многихъ случаяхъ является наконецъ неизбѣжная работа ума — необходимость изучить привычки животныхъ, образъ ихъ жизни и воспользоваться ими наиболѣе выгоднымъ образомъ; но и сообразительность, не смотря на всю свою силу въ Олонецкомъ полѣсникѣ, поражается въ свою очередь выстрѣломъ, удачно пущеннымъ по птицѣ въ лётъ, и становится въ тупикъ передъ десяткомъ другихъ, сдѣланныхъ въ нѣсколько мгновеній изъ ружья, заряжающагося съ казенной части; все это приписывается уже волшебной силѣ. „Онъ съ нечистой силой знается“, нерѣдко говорится, впрочемъ, и про коренныхъ, природныхъ мѣстныхъ полѣсниковъ, ушедшихъ нѣсколько далѣе массы въ своемъ промыслѣ.

Въ ряду другихъ занятій населенія полѣсня занимаетъ у многихъ семействъ видное мѣсто, особенно тамъ, гдѣ ловится мало рыбы; но въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ жители исключительно ею ограничиваются. Для характеристики приведу нѣсколько примѣровъ. Охотничій духъ наиболѣе проявляется на Вирозерѣ; на берегу его живетъ одно семейство — Вирозёровыхъ Нижеслѣдующій разсказъ старшаго изъ двухъ братьевъ (передаваемый мною своими словами) покажетъ, какъ образовалось ихъ поселеніе; изъ него же можно видѣть, какъ отражаются историческія событія въ средѣ простого народа: „Предокъ нашъ поселился здѣсь при Петрѣ Великомъ; онъ служилъ деньщикомъ у Долгорукаго, который тогда былъ при царевнѣ Софьѣ. Петръ, будучи малолѣтнимъ, хотѣлъ сжить съ престола сестру свою; но войско не захотѣло ему повиноваться, говоря, что онъ еще молодъ. Отъ этого царь уѣхалъ въ Англію и тамъ у Лефорта учился строить корабли. Возвратился онъ сильнымъ и возмужалымъ, овладѣлъ войскомъ — въ то время были только стрѣльцы—и сжилъ сестру. Тогда приказалъ казнить всѣхъ стрѣльцовъ и самъ окепировалъ перваго солдата, по образ-

цу котораго приказалъ снаряжать и другихъ. Предокъ нашъ послѣ этого, во избѣжаніе участи другихъ стрѣльцовъ, былъ уволенъ Долгорукимъ въ чистую отставку, съ условіемъ жить болѣе или менѣе скромно и скрытно, въ случаѣ если будутъ розыски. Предокъ и удалился сначала на свою родину, въ селеніе Мошу, Каргопольскаго уѣзда, а оттуда по причинѣ видности этого мѣста—въ немъ было правленіе и начальство,—въ деревню Усть-Колоду. Въ Усть-Колодѣ онъ женился и тогда ужь поселился на Вирозерѣ, гдѣ было въ это время до шести дворовъ, состоявшихъ изъ господскихъ бѣглыхъ. Въ виду новой опасности и розысковъ бѣглые удалились, а отпущеннымъ и свободнымъ вышелъ потомъ указъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились; почему предокъ и остался только одинъ на Вирозерѣ". Здѣсь потомки этого стрѣльца живутъ и до нашего времени, отличаясь чисто русскимъ характеромъ, гостепріимствомъ и добродушіемъ. Не проходитъ мимо нихъ ни одинъ путникъ безъ отдыха и угощенія. Всѣ Вирозёровы — полѣсники. Болѣе, чѣмъ до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія полѣсня играла у нихъ почти исключительное значеніе въ жизни, и на хлѣбопашество и другіе промыслы вовсе не обращалось вниманія. Но послѣднее живое поколѣніе должно было измѣнить такое положеніе дѣлъ; земледѣліе сдѣлалось необходимостью, потребовалось больше скота и т. д. Нынѣ Вирозёровы засѣваютъ значительное количество озими, ячменя, овса, гороху и картофелю; имѣютъ около десятка овецъ, не меньше коровъ всякаго возраста и нѣсколько рабочихъ лошадей. Уборка и посѣвъ хлѣба и заготовка сѣна требуютъ немало времени. Затѣмъ въ ихъ жизни играетъ немалую роль рубка лѣса; почти ежегодно одинъ изъ Вирозёровыхъ совершаетъ зимою поѣздку къ Бѣлому морю за солью. Въ хозяйствѣ ихъ вообще, сравнительно съ сосѣдними деревнями, замѣчается исправность и достатокъ; старая прадѣдовская изба приходитъ уже въ полное разрушеніе; поэтому выстроенъ новый большой домъ, съ горницей и жилою избой. Къ озеру сдѣлана большая насыпь, въ видѣ моста; въ хлѣвахъ выкладены печки для того, чтобы зимой отоплять ихъ, а лѣтомъ, разводя огонь и дымъ, спасать домашнихъ животныхъ отъ овода. Одни изъ членовъ семейства, не говоря о такихъ періодахъ времени, какъ охота за рябчиками и бѣлкой, и весна съ оленями, постоянно навѣщаютъ

въ свободную пору свои пустынныя окрестности, высматривая и выслѣживая то медвѣдей, то другихъ лѣсныхъ животныхъ. Съ другой стороны, во время сильныхъ зимнихъ вьюгъ заносятся всѣ дороги къ сосѣднимъ деревнямъ; поэтому одинъ изъ Вирозёровыхъ, закладывая пару лошадей въ сани, ѣздитъ къ разнымъ деревнямъ, чтобы хотя сколько-нибудь возстановить къ нимъ пути сообщенія, иначе сношенія съ сосѣдями были бы совершенно порваны; но во всякомъ случаѣ зимнія дорога здѣсь лучше, чѣмъ лѣтнія; лѣтомъ къ Вирозеру возможно пробраться съ разныхъ сторонъ, но только пѣшкомъ или шагомъ на верховой лошади. Не смотря на нѣкоторое довольство и благосостояніе, Вирозёровы однакоже мало размножились. Изъ двухъ братьевъ, нынѣ живущихъ, одинъ остался не женатымъ; онъ набоженъ и любитъ читать рукописи духовнаго содержанія; не смотря на то, что ему болѣе 60 лѣтъ, онъ съ виду крѣпокъ, дюжъ въ тяжелыхъ работахъ, высокъ ростомъ, съ лицомъ женственнаго характера, съ румянцемъ, почти безъ морщинъ: черты замѣчательныя, и можетъ быть, соединенныя съ безбрачіемъ. Второй изъ братьевъ ниже ростомъ, но плотнаго сложенія; у него чистое лицо, волоса съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, носъ высокій, тонкій, удлиненный; къ этому присоединяется громадная борода, которая однакоже не отнимаетъ у него нѣкоторой моложавости. Онъ оказался теперь на лицо единственнымъ плодовитымъ потомкомъ стрѣльца временъ Софьи; у него четыре сына и дочь. Старшій изъ сыновей едва по виду отличается отъ отца; даже люди близкіе часто по ошибкѣ смѣшиваютъ отца съ сыномъ; онъ давно женатъ, но бездѣтенъ, и нѣтъ у него и надежды на потомство. Это послѣднее явленіе зависитъ, можетъ быть, отъ того, что у него жена—„неровня", она старше мужа, флегматичнаго характера, и кажется, поизносившаяся до замужества; ни одна изъ дѣвицъ въ окрестностяхъ, болѣе подходящая и по лѣтамъ и по характеру къ молодому Вирозёрову, не согласилась быть его супругой, такъ какъ всѣ боялись Вирозёрскаго захолустья и безлюдья; такимъ образомъ, изолированность поселенія отъ другихъ служитъ здѣсь, можетъ быть, препятствіемъ къ значительно быстрому размноженію; она же, вѣроятно, повліяла на нѣсколько мистическое настроеніе одного изъ старшихъ въ семействѣ. Отсюда можно видѣть, до какой степени

медленно, въ періодъ болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ, растутъ рабочія силы въ пустынныхъ лѣсахъ Олонецкой губерніи: явленіе, съ которымъ еще прійдется намъ встрѣтиться.

Другіе представители полѣсниковъ также живутъ далеко не одною полѣснею; къ наиболѣе усердно преданнымъ охотѣ относится крестьянинъ Кирило, съ Куго-Наволока на Водлозерѣ; бывая въ лѣсу главнымъ образомъ осенью, зиму онъ проводитъ около Пудожа, Каргополя и пр.; переходя изъ деревни въ деревню, онъ дѣлаетъ по заказу „валенцы" изъ шерсти; станует обыкновенно у того, кому исполняетъ заказъ; иначе ищетъ пристанища въ первомъ изъ домовъ въ деревнѣ, гдѣ по своей находчивости скоро заслуживаетъ очень хорошій пріемъ и угощеніе: такъ было, напримѣръ, съ нимъ въ то время, когда онъ далъ совѣтъ одной старушкѣ выводить клоповъ. „Нужно, бабушка, взять одного клопа, вырыть ему яму безъ лопаты, глубиною въ аршинъ, и положить его на дно: тогда не будетъ больше клоповъ". Старушка, чѣмъ только могла, отплатила ему за совѣтъ, но ямы вырыть не сумѣла, такъ какъ пальцы были стары, а земля, гдѣ, по указанію Кирилы, нужно было вырыть яму, была необыкновенно тверда. Заработывая въ зиму рублей 40 или 50, онъ при переѣздахъ нанимаетъ иногда подводу; однажды, не доходя до Пудожа 8 верстъ, онъ, чтобы въѣхать въ городъ съ надлежащею важностью, нанялъ везти себя на саняхъ 8 дѣвицъ, съ платою по 1 руб. каждой. Лѣтомъ онъ занятъ около дома, на полевыхъ работахъ; изрѣдка ходитъ на утокъ и продаетъ ихъ сельскому писарю по 1½ коп. каждую. Крестьянинъ Степанъ съ дер. Чуялы, также посвящая полѣснѣ только осень, зимою и весною занятъ рубкой лѣса на лѣсопильномъ заводѣ. Опредѣлить общее число полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера не возможно, но приблизительно оно сходствуетъ, вѣроятно, съ числомъ таковыхъ же въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, гдѣ полѣсня играетъ не менѣе важную роль. Отъ мѣстныхъ наблюдателей извѣстно объ этомъ слѣдующее: „Общій для всего уѣзда промыселъ, за исключеніемъ Шунгской волости, такъ сказать, первобытный и далеко не представляющій средствъ къ обезпеченію продовольствія населенія: это промыселъ за рыбою, птицею и звѣремъ. Число лицъ, занимающихся въ уѣздѣ охотою, можно опредѣлить приблизительно по количеству ружей—въ 2,000

человѣкъ. Все мужское населеніе уѣзда, кромѣ Шунги, по ревизіи составляетъ 7,500 душъ. Исключивъ изъ этого числа всѣхъ не способныхъ заниматься охотою, какъ напримѣръ, стариковъ и дѣтей, можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать, что въ Повѣнецкомъ уѣздѣ на трехъ человѣкъ мужскаго пола одинъ промышленникъ за звѣремъ и птицею" [1]). Около самаго Водлозера, гдѣ развито рыболовство, полѣсниковъ, вѣроятно, меньше [2]), но въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ большихъ озеръ, отношеніе между числомъ промышляющихъ звѣря и птицу и непромышляющихъ не меньше, если только не больше, чѣмъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Не смотря на это, въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось мнѣ находить лѣтомъ старыя кремневыя ружья полѣсниковъ въ исправности, какъ это было въ дер. Охтомѣ, у старосты; въ большинствѣ случаевъ ружья лежатъ заржавленными, и когда полѣснику прійдется случайно взять оружіе, то много разъ вспыхиваетъ порохъ, прежде чѣмъ раздается выстрѣлъ.

Какъ уже видно изъ предыдущаго, охота удовлетворяетъ только части потребностей крестьянина, и то не въ такой степени, какъ это было бы возможно; я указалъ на примѣръ зависимости полѣсниковъ, особенно бѣдныхъ, отъ скупщиковъ ихъ товара: заборъ впередъ деньгами, хлѣбомъ или другими продуктами подъ будущую дичь широко распространенъ въ Пудожскомъ уѣздѣ; характеризуя собою всѣхъ звѣровщиковъ сѣвера Россіи [3]) и Сибири, эта сильная зависимость охотниковъ отъ скупщиковъ пушнаго товара и дичи представляется обыкновеннымъ явленіемъ и въ другихъ уѣздахъ Олонецкой губерніи. Относительно Повѣнецкаго уѣзда укажу на слѣдующій фактъ: „Когда гуртовщики-хлѣботорговцы безъ посредства мелкихъ скупщиковъ вступаютъ въ сношенія съ

---

[1]) Памятн. кн. Олонецк. губ. за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

[2]) При этомъ нужно замѣтить, что и около самаго Водлозера встрѣчаются деревни, гдѣ почти все мужское населеніе — полѣсники; такова деревня Варишпельда.

[3]) На этотъ фактъ сильной зависимости звѣропромышленниковъ отъ кулаковъ указываетъ—относительно Вологодской губерніи— г. Фл. Арсеньевъ въ своей книжкѣ: „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы", стр. 62—64. Между Зырянами, какъ и ниже будетъ указано, скупщики наживаютъ при оборотахъ до 100%.

звѣропромышленниками, задавая имъ хлѣбъ впередъ подъ звѣря, то получаютъ чистаго барыша при оборотахъ до 100%" [1]). О подобномъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Вытегорская уѣздная земская управа: „Сколькимъ, напримѣръ, лицамъ даютъ возможность нажиться безъ особаго труда Олонецкіе рябчики; сколько ненужныхъ посредниковъ стоитъ между крестьяниномъ, ловящимъ рябчиковъ и отдающимъ на мѣстѣ скупщику-кулаку пару за 15 коп., и Петербургскимъ покупателемъ, платящимъ за ту же пару, подъ часъ полуисгнившую уже, 60 коп. и дороже: куда дѣлись эти на каждую пару 45 коп., оплаченныя потребителемъ?" [2])

За всѣмъ этимъ нужно принять во вниманіе періодическія колебанія въ количествѣ лѣсной дичи: въ одни года мало бѣлки, въ другіе—рябчика, или рѣдѣютъ въ количествѣ зайцы, лисицы; подобныя явленія часто вовлекаютъ крестьянъ въ немеьшее бѣдствіе. Но затѣмъ существуетъ еще одно обстоятельство болѣе важное; это—общее уменьшеніе количества животныхъ, населяющихъ сѣверные лѣса. Выше я указалъ, что многіе виды, какъ напримѣръ, кабанъ, бобръ, и можетъ быть, соболь истреблены на Сѣверѣ [3]); что съ измѣненіемъ фауны въ этомъ направленіи было связано и вымираніе первобытныхъ племенъ; въ доказательство, что

---

[1]) Памятн. книж. Олон. губ. за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

[2]) Журналы Вытегорскаго уѣздн. очередн. земск. собр. 1869 г. Петрозаводскъ, стр. 79. При этомъ я долженъ замѣтить, что указанная цѣна 15 к. за пару рябчиковъ понижается на мѣстѣ въ томъ случаѣ, если впередъ заданы деньги полѣсникамъ. Что же касается до цѣны за пару тѣхъ же рябчиковъ въ Петербургѣ въ 60 и болѣе коп., то по отношенію къ Олонецкой губерніи и это вѣрно: отсюда птица идетъ въ С.-Петербургъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ, когда цѣны на дичь высоки, зимой же цѣна рябчиковъ нѣсколько понижается потому, что они въ большомъ количествѣ пребываютъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній.

[3]) Относительно уменьшенія количества звѣрей есть данныя въ упомянутой нами книжкѣ г. *Арсеньева*: „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы". Уменьшеніе количества звѣрей служитъ отчасти причиной повышенія цѣнъ на пушной товаръ; бобровъ совершенно нѣтъ, соболь ловится Печорцами за Уральскимъ хребтомъ (стр. 65), хотя прежде соболи, а лѣтъ пять назадъ (?), и бобры служили для Зырянъ предметомъ промысла (стр. 15). Общій характеръ охоты въ Зырянскомъ краѣ тотъ же, что въ Олонецкомъ, начиная съ пріемовъ охотниковъ до ловушекъ и пр.

уменьшеніе количества пушнаго звѣря и птицы происходитъ на Сѣверѣ и до сихъ поръ, приведу еще одинъ фактъ, заимствуя его цѣликомъ изъ „Памятной книжки Олонецкой губерніи за 1868—1869 гг.“ (онъ касается Шунгской ярмарки, Повѣнецкаго уѣзда): Пушнаго товара было привезено нынѣ (1869 г.) менѣе противъ прошлаго года на 9,000 руб. Какъ колеблется количество этого товара въ разные годы на ярмаркѣ, показываетъ слѣдующая таблица:

Въ 1860	году	привезено на . .	124,000 руб.
„ 1862	„	„ „ . .	138,000 „
„ 1864	„	„ „ . .	72,000 „
„ 1865	„	„ „ . .	23,000 „
„ 1868	„	„ „ . .	40,000 „
„ 1869	„	„ „ . .	31,000 „

„Такимъ образомъ теперь привозится въ четверо меньше, чѣмъ 9 лѣтъ назадъ. Пушной товаръ, какъ и птица, на ярмарку свозится изъ большей части сѣверныхъ губерній. Количество привозимой на ярмарку дичи также съ каждымъ годомъ уменьшается; въ нынѣшнемъ году привезено менѣе прошлогодней ярмарки на 20,000 паръ, а въ 1860 году однихъ рябчиковъ было въ 13 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ всей птицы“ [1]). Итакъ, звѣроловство и птицеловство представляются постоянно и все болѣе и болѣе скудѣющею статьей заработка для крестьянина, тогда какъ другія отрасли промышленности совсѣмъ не оказываютъ въ Олонецкой губерніи такого быстраго развитія или прогресса, который далъ бы населенію хотя какую-нибудь возможность пополнить недостатокъ средствъ существованія отъ полѣсни.

---

[1]) Пам. кн. Олон. губ. 1868—1869 г., стр. 89.

III.

Распространенность рыболовства въ Олонецкой губерніи обусловливается изобиліемъ водъ. Рыбы; промыслы зависятъ отъ временъ года. Уженье подо льдомъ при у. Вытегры. Ловля корюшки. Ловля рыбы мережками по рѣкамъ и озерамъ, а также и другіе способы. Рыболовство на Онежскомъ озерѣ: масельга или крючки. Невода, дѣйствующіе наемными рабочими; условія найма и бытъ неводчиковъ. Ходъ лова неводомъ. Промыселъ сиговъ при у. Водлы, на восточномъ берегу Онежскаго озера. Равномѣрное распредѣленіе шансовъ на уловъ между 400 человѣкъ; общій суточный уловъ и выгода, получаемая отъ него прасолами. Трудность сбыта продуктовъ рыбнаго промысла, зависимость крестьянъ отъ скупщиковъ; временной, но удачный исходъ изъ этого положенія. Лѣтняя крестьянская неводьба у Вытегорскаго устья. Рыболовство по р. Водлѣ. Рыбы въ озерѣ Водлозерѣ: способы ихъ ловли. Общее количество улова невыгода его сбыта; скудость рыбы лѣтомъ; первобытные способы заготовки рыбы въ прокъ. Трудность путей сообщенія и вліяніе ихъ на убыточность рыболовства.

Рыболовство не менѣе характерно для Олонецкой губерніи, чѣмъ полѣсья; являясь здѣсь не менѣе первобытнымъ, оно представляется еще болѣе распространеннымъ среди Олончанъ, чѣмъ погоня за звѣрями и птицами; причина этому лежитъ въ самой природѣ мѣстности, въ томъ, что площадь главныхъ водъ Олонецкой губерніи равняется почти одной седьмой части площади всей губерніи; сюда входятъ такіе водоемы или ихъ части, какъ Онего, Ладога, Выгъ, Сегъ, Лачъ, Водлозеро и пр., за исключеніемъ многихъ другихъ, весьма многочисленныхъ, и также съ немалою общею площадью, какъ Кенозеро, Сумозеро и др. Число рыбъ, водящихся въ озерахъ, доходитъ до 43 видовъ [1]), и между ними есть и мелкіе, не составляющіе предмета ловли, какъ-то: вьюны, колюшка и пр. Въ числѣ же важныхъ для практики рыбъ стоятъ различные виды, начиная съ корюшки, пудъ которой доходитъ весной до 10 и 20 коп., и проходя ершей, окуня, плотву, карася, язей, щукъ до лещей, налимовъ, или наконецъ, сиговъ и различныхъ лососей. Особеннымъ разнообразіемъ отличаются рыбы послѣдней категоріи: сиги распространены въ водахъ въ количествѣ семи видовъ, включая сюда

---

[1]) *К. Кесслеръ*, Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежск. края. Прилож. къ Труд. перваго съѣзда Р. Естествоисп., стр. 32. Здѣсь подробно разсмотрѣно распространеніе всѣхъ видовъ рыбъ, образъ ихъ жизни, съ очеркомъ рыболовства.

сига-ряпушку и кильца: здѣсь встрѣчается сигъ чолмужскій, сигъ зобатый, лудожный, песочный и проходной, съ разными видоизмѣненіями и переходными формами; изъ собственно лососевыхъ въ водахъ водятся: лосось благородный, палія, форель (торпа) и таймень. Къ этимъ природнымъ мѣстнымъ формамъ присоединяются еще другія, расселившіяся здѣсь въ недавнее время и случайно: стерлядь и сомъ. Стерлядь еще въ 1845 году временно ловилась около Петрозаводска; тогда полагали, что лѣтъ за 20 предъ тѣмъ [1]) былъ разбитъ на Онежскомъ озерѣ живорыбный садокъ со стерлядями, которыя и расселились по озеру; съ другой стороны, есть показанія, что крушеніе садка со стерлядями произошло еще при намѣстникѣ Тутолминѣ, слѣдовательно, между 1784—1789 гг. [2]). По такому же случаю появился и сомъ въ Онежскомъ озерѣ, а можетъ быть, и сигъ чолмужскій, сходный съ бѣлорыбицей.

Рыболовство по временамъ года и въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ различные оттѣнки; это зависитъ отъ рыбъ, водящихся въ разныхъ озерахъ, отъ ихъ привычекъ переселяться для метанія икры и отъ склонности ихъ держаться въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ: на камняхъ, по отмелямъ, въ камышахъ или въ глубокихъ частяхъ озеръ, на большихъ разстояніяхъ отъ береговъ; притомъ въ мелкихъ озерахъ преобладаютъ одни рыбы—карповыя, которыхъ для всего края, по Кесслеру, насчитывается до 10 или 11 видовъ; другія, напримѣръ, лососевыя, которыхъ извѣстно здѣсь до 13 или 14 видовъ [3]), предпочитаютъ большіе водоемы.

---

[1]) Олонецк. губ. вѣд. 1845 г. № 35.

[2]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1868—1869 г., отд. II, стр. 214. Стерляди ловятся въ Онежскомъ озерѣ и до сихъ поръ, почему нужно думать, что онѣ здѣсь и размножаются. Мнѣ дѣйствительно пришлось убѣдиться изъ разсказовъ, что стерлядь размножается въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Онего съ юга. Въ послѣдніе года ловили небольшихъ стерлядей въ р. Оштѣ. Еще чаще стерляди были доставляемы лѣсничему Оштинскаго погоста Н. П. Кляузову изъ небольшаго потока, впадающаго въ р. Ошту, Озерѣкши. Это были экземпляры вѣсомъ отъ 1½ фунтовъ; въ 1870 году такихъ стерлядей было привезено крестьянами на продажу въ Оштинскій погостъ болѣе 10 штукъ. Нужно сожалѣть такимъ образомъ, что такая цѣнная рыба истребляется въ молодомъ возрастѣ.

[3]) *Кесслеръ*, 33.

При устьѣ р. Вытегры рыболовство производится во всѣ времена года; въ половинѣ апрѣля я замѣчалъ здѣсь, на льду Онежскаго озера, десятки крестьянъ. Въ это время во льду дѣлаются круглыя сквозныя отверстія до полу-аршина въ діаметрѣ. Черезъ нихъ, на глубину отъ 2 до 5 саженъ, опускаются въ воду на тонкихъ канатахъ крючки, наживленные корюшкой; крючки поглощаются вмѣстѣ съ наживою налимами, которыхъ потомъ и вытаскиваютъ, такъ что здѣсь выходитъ уженье рыбы подо льдомъ. За крючки хватается иногда палія, но рѣже налима. Ловящіеся такимъ образомъ налимы бываютъ отъ 1½ фунтовъ до 5 и 10, рѣдко болѣе. Счастливый изъ крестьянъ возвращается съ ловли съ 2—3 штуками налимовъ, до 5 и 10 фунтовъ вѣсомъ; чаще можно видѣть передъ отверстіемъ рыбака одну, двѣ рыбки, весьма скромныхъ размѣровъ; очень нерѣдко случается уходить 2 или 3 человѣкамъ изъ десятка безъ всякой добычи; промыселъ происходитъ въ то время, когда солнце начинаетъ садиться, до тѣхъ поръ, пока погаснетъ вечерняя заря; съ утреннею зарей онъ снова начинается и длится до бѣлаго дня, когда солнце уже значительно поднимается надъ горизонтомъ. Въ числѣ рыбаковъ я видалъ дѣтей лѣтъ 10 и женщинъ, лица которыхъ украшены рядами морщинъ; здѣсь собиралось и все окрестное юношество, и всѣ почтенные мужи. На рѣдкихъ изъ рыбаковъ были цѣлыя шубы; обыкновенно здѣсь пестрѣли дырявые полушубки или армяки своедѣльнаго домашняго сукна; не тепло было рыбакамъ проводить длинные часы на льду, среди открытой ровной площади Онега, и часто завидовали они лисичкѣ, о которой сами же такъ любятъ разсказывать; она всегда хвалитъ сиверичокъ: „Сиверичокъ, говоритъ, вѣтерокъ тепленькій, а сама прячется отъ него за кустъ“. Сами они, сидя неподвижно около проруби, не могли этого сдѣлать и среди глухой холодной ночи со скрежетомъ зубовъ возвращались въ рыбацкую хижину, которая въ это время и для меня служила пристанищемъ. Хижина обыкновенно бываетъ сильно натоплена, какъ баня; въ ней курная печка, на которой и готовится ужинъ; вздремнувъ и удовлетворивъ аппетиту, рыбаки идутъ снова на утренній ловъ, когда пробираетъ ихъ еще большій холодъ. Но хорошо еще, если они пріобрѣтутъ что-нибудь себѣ на пищу. Случается такъ, что

на 10 человѣкъ попадается одинъ или два налимчика; говорятъ, рыба „не клюетъ“, что длится иногда по нѣскольку дней, или же рыба берется за крючокъ только вечеромъ или утромъ. Днемъ рыбаки возвращаются домой, на полевыя и домашнія работы; они готовятся къ пашнѣ, поправляютъ рыбацкія снасти предаются сну и дремотѣ, такъ что послѣ ночи на устьѣ Вытегры мало силъ въ рыбакѣ для другой работы; вечеромъ повторяется снова путешествіе на Онежскій ледъ, и длится это до тѣхъ поръ, пока ледъ потеряетъ крѣпость и начнетъ, мало по малу, разбиваться, что случается обыкновенно въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Крестьяне собираются на устье съ различныхъ сторонъ; изъ деревни Гуртниковъ плывутъ они по р. Вытегрѣ, которая расходится раньше Онега, верстъ 5, въ числѣ 10, 15 и болѣе человѣкъ, иногда по двое отъ двора. Чунручане приплываютъ по той же рѣкѣ въ подобныхъ же легкихъ лодкахъ, какъ и первые, изъ-за 8 верстъ, въ количествѣ 5 и болѣе человѣкъ; въ такомъ же количествѣ, или даже болѣе, идутъ жители съ Урѣпиной, изъ-за 4 верстъ, изъ деревень по Тудозеру, изъ-за 10 и болѣе верстъ, изъ Палтаги, отъ Петра и Павла и т. д. Для того, чтобы показать, сколько уже одинъ переѣздъ отнимаетъ времени, я привелъ, вмѣстѣ съ приблизительнымъ числомъ рыбаковъ, и разстоянія, которыя имъ нужно сдѣлать; дѣлаются же переѣзды, выносится морозъ и безсонныя ночи для того, чтобы въ самомъ лучшемъ случаѣ заработать 50 коп., если класть только по 5 коп. за фунтъ, что сравнительно высоко, и для чего нужно еще сдѣлать переѣздъ въ 40 и болѣе верстъ въ городъ, впередъ и обратно, чтобъ продать рыбу; чаще, добычи едва хватаетъ на дневное пропитаніе, или же человѣкъ по нѣскольку разъ ѣздитъ совершенно напрасно: среднимъ числомъ, уженье подо льдомъ вполнѣ убыточно, и только бѣдность жителей и отсутствіе другихъ заработковъ его поддерживаютъ. Въ то же время, когда на Вытегорскомъ устьѣ идетъ ловля налимовъ, или какъ здѣсь называютъ, меньковъ, крестьяне, наиболѣе состоятельные и имѣющіе невода, ловятъ рыбу подо льдомъ инымъ способомъ, который гораздо труднѣе и хлопотливѣе перваго, но за то и нѣсколько выгоднѣе. Рыбаки дѣлаютъ во льду, преимущественно небольшихъ озеръ, большія проруби, по прямой линіи, рядами; спуская неводъ въ первую

яму, рыбаки проводятъ подо льдомъ веревки, которыми тянется неводъ, съ помощію нѣсколькихъ длинныхъ жердей, связанныхъ концами и достигающихъ 10 или 15 саженъ въ длину, — разстояніе, на которомъ встрѣчаютъ снова прорубь; подхватывая здѣсь концы жердей съ веревками, ихъ гонятъ до слѣдующей проруби и т. д., до тѣхъ поръ, пока веревки отойдутъ на значительное разстояніе отъ невода. Тогда начинается неводьба; неводъ ведется подо льдомъ на всемъ разстояніи, пройденномъ жердями и канатами, и вытаскивается въ конечной большой проруби на ледъ, вмѣстѣ съ рыбой. Такого рода промыселъ устраивается на такихъ именно мѣстахъ, гдѣ по соображеніямъ рыбаковъ, стануетъ рыба. Производится ловля неводомъ и подо льдомъ преимущественно жителями деревни Палтаги на Великомъ озерѣ. Особенно распространенъ этотъ способъ на сѣверо-востокъ отсюда, въ окрестностяхъ Водлозера, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, начиная съ 27-го, иногда немного раньше, а иногда и позднѣе, въ продолженіе четырехъ-пяти дней или даже недѣли, на Вытегорское устье приноситъ праздникъ корюшка, отправляющая время любви или періодъ метанія икры. Для этого она выходитъ изъ глубины Онежскаго озера къ устьямъ рѣкъ громадными стадами, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ; входитъ она изъ-подо льда въ рѣку уже поздно вечеромъ, около солнечнаго заката, и идетъ до восхода солнца цѣлую ночь; ее сопровождаютъ любители ея икры—колюшки, или охотники до ея мяса—щука, налимъ, палія; за нею ныряютъ въ глубину десятки гагаръ и крохалей. При самомъ устьѣ рѣки, гдѣ отъ текущей рѣчной воды образуется въ озерномъ льду большая полынья—порѣга, стада корюшки встрѣчаются однимъ или двумя неводами, а въ самой рѣкѣ—такъ называемыми заколами или огородами. Колья ставятся, начиная отъ берега по теченію воды, къ срединѣ рѣки, но такъ, что они съ берегомъ образуютъ острый уголъ; колья обтягиваются густою сѣткой, а въ глубину угла ставится большая мережка; передъ мережкою помѣщается скамейка, на которой стоитъ рыбакъ, съ сакомъ. Корюшка, избѣгая средины рѣки, идетъ около берега, гдѣ въ заколѣ или огородѣ находитъ препятствіе, почему жмется еще ближе къ бе-

регу, встрѣчаясь здѣсь съ горломъ мережки и переходя черезъ него въ вѣчный плѣнъ. Въ то же время около горла, въ узкомъ мѣстѣ угла, она набирается густо, не можетъ вся вдругъ пройдти въ мережку, и тогда со скамьи ее черпаютъ сакомъ, получая съ каждымъ его взмахомъ, черезъ каждыя одну или двѣ минуты, по 10 или 20 ф. корюшки. Во время самаго лучшаго хода корюшки мережка наполняется нѣсколько разъ; въ такихъ случаяхъ она едва выкатывается изъ воды на берегъ и даетъ до 10 и болѣе пудовъ. Такимъ образомъ, рыбацкое семейство, имѣя при устьѣ одинъ или два закола, добываетъ въ хорошій ходъ отъ 30 до 60 пудовъ корюшки въ теченіе ночи. Первоначально, когда ходъ только что начинается, рыбакъ вылавливаетъ отъ 10 до 15 пудовъ; въ такіе дни корюшка въ г. Вытегрѣ продается по 40 или 50 коп. за пудъ, но когда уловъ доходитъ до своего maximum'а, цѣна ея падаетъ даже до 10 коп. за пудъ. Одинъ или два такіе дня приносятъ праздникъ бѣдствующимъ и нищимъ; благословляютъ эти дни городскія вдовы-мѣщанки, голодающія цѣлые дни, пригородные крестьяне и т. д. На устьѣ самой р. Вытегры торжествуютъ вороны, вмѣстѣ съ другими изъ своихъ пернатыхъ собратьевъ—съ водною птицею, которая въ это время держитъ перелетъ несмѣтными стадами, привлекая къ себѣ большихъ орловъ. Но и здѣсь меньше всѣхъ торжества самимъ рыбакамъ: они проводятъ безсонныя ночи, а днемъ отправляются въ городъ съ рыбой, возвращаясь часто къ ночи на устье, дѣлая до 40 верстъ пути и таща добычу въ лодкѣ, на лямкѣ противъ теченія. Притомъ, чѣмъ больше рыбакъ тащитъ, тѣмъ ему тяжелѣе и тѣмъ меньше плата; то, что̀ рыбаки везутъ въ городъ, скупается потомъ по большей части людьми состоятельными: корюшка сушится въ печкѣ, и сушеная продается уже за 70 коп. и болѣе за маленку [1]). Большинство крестьянъ не оставляетъ у себя рыбы и не сушитъ ея только въ надеждѣ получить скорѣе хотя малую долю денегъ; даже люди посостоятельнѣе только часть рыбы оставляютъ себѣ на сушку, для пропитанія и для продажи зимой. При устьѣ Вытегры бываетъ до 12 заколовъ, съ той и другой стороны рѣки, и если на каждый

[1] Мѣрка, въ которую идетъ до 8 ф. сухой корюшки.

27

положить во весь періодъ до 80 пудовъ улова, то получимъ 960 пудовъ, а если прибавить сюда еще пудовъ 40 на невода, то насчитаемъ и до 1000 пудовъ корюшки, при чемъ гибнетъ масса рыбы, такъ какъ корюшка вылавливается съ икрой. Если затѣмъ положимъ среднимъ числомъ стоимость пуда въ 30 копѣекъ, то получимъ цѣну всего улова въ 300 рублей; раздѣливъ это на число заколовъ, получимъ на каждый по 25 руб. Есть нѣсколько заколовъ, принадлежащихъ одной семьѣ; въ остальныхъ по два и по три пайщика, и для этихъ-то случаевъ заработокъ не превышаетъ 8 или 12 руб. въ недѣлю, или даже еще менѣе, такъ какъ предварительное устройство заколовъ, а также и ихъ разрушеніе, отнимаетъ время; на этотъ же счетъ нужно отнести и порчу снастей — сѣтокъ, которыми обтягиваются колья мережекъ и проч. Послѣдняя статья расхода дѣлается еще значительнѣе, потому что крестьяне обязаны подпиской не строить заколовъ при устьѣ Вытегры, такъ какъ она—рѣка судоходная; подписка постоянно встрѣчаетъ противорѣчіе, и мнѣ приходилось лично видѣть, какъ появлялись блюстители закона и рвали сѣтки съ мережками. Не смотря на весь этотъ рядъ огорченій для рыболова, ловля корюшки считается самымъ выгоднымъ промысломъ, и въ немъ участвуетъ большая часть тѣхъ людей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которыхъ раньше можно было встрѣтить при уженьѣ подо льдомъ. Теперь во время дня около хижинъ опять мертвая тишина, все разъѣзжается въ городъ или по домамъ до ночи.

Послѣ лова корюшки на Вытегорскомъ устьѣ становится тише; окрестные жители рѣдко съѣзжаются сюда въ массѣ; въ первыхъ числахъ мая очищаются ото льда озера, прилежащія къ Онежскому озеру, и здѣсь открывается новое поприще для рыболововъ; во всѣхъ ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ ставятся мережки, которыхъ у большинства семействъ по двѣ, по три и болѣе. Для этихъ же рыболовческихъ цѣлей жители соединяютъ канавками озера между собою или съ рѣками. Два изъ значительныхъ озеръ, Котечное и Великое, связаны съ рѣкой Вытегрой нѣсколькими искусственными копанями (канавами): отъ Котечнаго къ р. Вытегрѣ идутъ двѣ копани, изъ которыхъ одна съ развѣтвленіями саженъ на 50 въ длину и отъ сажени до пяти въ ширину; другая приблизительно

саженъ до 150 въ длину, но не болѣе сажени въ ширину. Отъ Великаго озера идетъ къ рѣкѣ тоже довольно длинная копань; вмѣстѣ съ тѣмъ оба озера соединены особенною канавою. Всѣ копани при устьяхъ заставлены кольями и мережками. Окунь, лещъ, плотва, язь, щука, налимъ, изрѣдко карась заходятъ здѣсь въ мережки; особеннымъ изобиліемъ отличаются въ озерахъ рѣчные раки [1]); они также попадаются въ ловушки вмѣстѣ съ рыбою, и рыбаки увѣряютъ, будто раки часто портятъ въ такомъ случаѣ своихъ союзниковъ, особенно плотву, окуней и лещей, служа въ то же время пищей щукѣ и налиму; по этому рыбаки ненавидятъ здѣсь раковъ и десятками выбрасываютъ ихъ снова въ воду; торговля ими—исключеніе.

Вообще въ маѣ ловъ рыбы стоитъ на послѣднемъ планѣ, собственно между крестьянами; въ это время населеніе больше всего хлопочетъ около пашенъ, засѣвая яровые хлѣба, овесъ и ячмень. Около воды видишь постоянно только отъявленныхъ рыбаковъ, по нѣскольку человѣкъ на озерѣ. Временно обнаруживается нѣкоторое оживленіе въ населеніи въ періодъ нароста язя, окуня и плотвы. Особенно къ ловлѣ плотвы примѣняется довольно хитрый и простой способъ; какъ многія изъ рыбъ, она ищетъ во время нароста пріютъ въ камышахъ, чтобы треніемъ объ нихъ ускорить выдѣленіе икры; въ виду этого жители ломаютъ вѣтви хвойныхъ деревъ и ставятъ ихъ кучами около камышей, помѣщая здѣсь же морды, которыя въ такихъ случаяхъ и наполняются рыбою съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо въ другое время. Бываетъ также, что между глубокими и чистыми мѣстами озеръ и камышами протягиваютъ сѣти, а съ берега бьютъ палками по водѣ; плотва отъ испуга оставляетъ камыши, и встрѣчая на пути сѣти, остается въ

---

[1]) Какимъ образомъ объяснить этотъ фактъ встрѣчи раковъ при устьѣ Вытегры—недавнимъ ли ихъ здѣсь появленіемъ, какъ это можно думать на основаніи показаній профессора *К. Ѳ. Кесслера* (см. Матеріалы для позн. и пр. стр. 78) или другими путями, напр., тѣмъ, что они раньше здѣсь существовали; по отношенію къ устью р. Вытегры и прилежащихъ къ нему частей Онежскаго озера это - вѣроятнѣе; я слышалъ также, что лѣтъ 5 назадъ, раки появились и на восточномъ берегу Онега, при устьѣ Водлы; но этотъ періодъ появленія раковъ, по видимому, меньше дѣйствительнаго: уже г. *Р—въ* говоритъ о ракахъ на Водлѣ, см. Матер. для изуч. рыбол. и охоты въ Памятн. кн. Олон. г. за 1866, стр. 40.

нихъ. Въ началѣ лѣта наростуетъ лещъ и щука, доставляющіе однако еще меньшій уловъ.

Уженье рыбы распространено въ здѣшнемъ краю мало. Къ осени начинаютъ *лучить* рыбу, то есть, ночью съ горящею лучиной на лодкѣ высматриваютъ въ водѣ стоящихъ щукъ, налимовъ и пр. и бьютъ ихъ острогой. *Сачать* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ершей, уже въ то время, когда вода становится холодною, и ерши прячутся подъ плавуны или торфяники, лежащіе на водѣ; дѣлая въ нихъ отверстія, крестьяне черпаютъ изъ воды ершей саками.

Существуетъ еще одинъ родъ рыболовнаго промысла на самомъ Онежскомъ озерѣ; но онъ доступенъ только меньшинству. Если по какому-нибудь случаю крестьяне отправляются изъ одной деревни въ другую на лодкѣ, то кормовщикъ держитъ за собою длинный и тонкій канатъ, на концѣ котораго находится крючекъ съ прикрѣпленнымъ къ нему краснымъ лоскуткомъ сукна. За такой-то крючекъ, волочащійся въ водѣ за лодкой, хватаются иногда лососи и большихъ размѣровъ. Этотъ способъ промысла употребляется и въ другихъ случаяхъ, когда рыбаки выѣзжаютъ далеко въ озеро, для другихъ цѣлей; съ меньшимъ успѣхомъ приложимъ онъ въ малыхъ озерахъ, гдѣ за крючекъ хватаются изрѣдко щуки. Затѣмъ существуетъ промыселъ *крючками*, что̀ въ другихъ мѣстахъ Обонежья извѣстно подъ именемъ *продольника и масельги* [1]). Это длинный тонкій канатъ (сима), съ рядомъ прикрѣпленныхъ къ нему крючковъ на короткихъ ниткахъ; длина каната бываетъ больше, чѣмъ въ 1/2 версты, съ количествомъ крючковъ отъ 100 до 300. Крючки наживляются корюшкой или ряпушкой, и тогда приборъ опускается въ Онего, въ глубокихъ мѣстахъ его, на разстояніи отъ 3 до 5 верстъ отъ береговъ. Къ канату съ одной стороны привязаны камни, тяжестью которыхъ онъ погружается значительно въ воду; около этихъ же концовъ прикрѣпляются веревки съ жердями, выходящими на поверхность воды и указывающими присутствіе снасти. За крючки съ наживой берутся палія, лосось, сигъ, налимъ, окунь и пр. Этотъ способъ ловли, трудный и часто опасный въ бурную и ненастную погоду, когда рыбаки теряютъ берега и подвергаются качкѣ, уже въ сѣверныхъ

---

[1]) *Кесслеръ*, 40.

частяхъ Онежскаго озера, наиболѣе глубокихъ и обильныхъ рыбою, является, по наблюденіямъ г. Кесслера, не всегда прибыльнымъ [1]); тѣмъ болѣе нужно ожидать этого въ южныхъ частяхъ озера. Въ мою бытность около устья Вытегры въ продолженіе цѣлыхъ недѣль на 500 и болѣе крючковъ едва попадалось нѣсколько сиговъ, одинъ или два налима, окунь, и только. Но говорятъ, что годами и этотъ способъ ловли бываетъ выгоденъ.

Потомъ слѣдуетъ *неводьба.* Невода на Онегѣ подверглись различнымъ усовершенствованіямъ и видоизмѣненіямъ [2]); но при устьѣ Вытегры въ употребленіи только обыкновенный неводъ. По своей значительной стоимости онъ доступенъ только для меньшинства, но въ средѣ крестьянской имѣются невода небольшихъ размѣровъ, которые даютъ возможность ловить рыбу преимущественно въ малыхъ озерахъ. Самый небольшой изъ неводовъ обходится уже больше 60 руб., нѣсколько болѣе значительный имѣетъ цѣну до 100 руб.; однако и это—такой еще, которымъ почти не возможно или можно только съ малымъ успѣхомъ ловить рыбу, напримѣръ, въ Онежскомъ озерѣ. Изъ двухъ неводовъ, производящихъ ловлю при устьѣ Вытегры въ продолженіе всего лѣта и осени, ни одинъ не принадлежитъ крестьянамъ; оба эти невода—купеческіе, дѣйствующіе силою тѣхъ же наемныхъ крестьянъ изъ окрестностей. Первый изъ неводовъ обошелся, какъ говорятъ, хозяину около 1000 руб. При немъ работаютъ 7 человѣкъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ. Въ продолженіе всего періода неводьбы, отъ мая до половины или даже до конца октября, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, крестьяне должны ежедневно дѣлать не менѣе 7 тонь, „хоть есть рыба, хоть ея нѣтъ", какъ они выражаются; въ случаѣ же успѣшнаго улова и болѣе; при этомъ каждая тоня требуетъ до 1 часа 15 мин. времени; слѣдовательно, только на закидываніе тонь они должны употребить около 9 часовъ; на самомъ же дѣлѣ времени уходитъ не-

---

[1]) *Кесслеръ*, 41.

[2]) Объ этомъ см. *Кесслера* Матеріалы и пр.; *Мальте*, О рыболовствѣ въ Повѣнецк. уѣздѣ въ Памятн. кн. Ол. губ. за 1865 г. и *П. Р—ва*, Матеріалы для рыбол. и охоты въ Пудожск. уѣздѣ въ Пам. кн. Ол. губ. за 1866 г.

сравненно болѣе; вытягиванію невода на берегъ препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощію вòротовъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго стана къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ лѣтомъ, какъ рабочіе отправлялись на ловлю послѣ четырехъ часовъ вечера и возвращались обратно около пяти или шести часовъ утра, то есть, проводили въ работѣ 13 или 14 часовъ, кромѣ того, что потомъ, по пріѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда число тонь весьма сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокры не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью. Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ черного хлѣба, просовой каши съ коноплянымъ масломъ и сущика, то есть, изъ сушеной корюшки,—пища при подобной тяжелой работѣ вообще непитательная, такъ какъ мясо допускается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а налавливаемая рыба — никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиною мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жалованья или по 7 р. 25 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей черезъ хозяина. Вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязывается быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И признаться, дѣло такъ и случается, что черезъ недѣлю послѣ полученія, сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на

ногахъ ихъ была лишь какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти сирены, съ завороченною кверху губой, изъ-подъ которой торчали, въ родѣ языка, голые пальцы ногъ. Видалъ я также, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платье, съ одного края до другаго; и все это за тѣ же 40 р. Старичекъ, управлявшій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ мнѣ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается уловомъ, съ чѣмъ я однако не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 руб. [1]), вмѣстѣ съ кухаркой, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и сравнительно ничтожный, а капиталистъ, не удрученный нуждой, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ.

Другой изъ неводовъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, по видимому, большею долей гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною рыбой изъ улова— мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой компаніи держались всегда подъ строгою дисциплиной, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, не смотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ-бы гордились передъ другими своимъ управителемъ, из-

[1]) По словамъ того же старичка, случается въ лѣто вылавливать до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ до 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 руб.

вѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы вылавливается все-таки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Уловъ рыбы на Онегѣ идетъ порядочно весной, но плохъ лѣтомъ; по личнымъ наблюденіямъ мнѣ извѣстно, что одна тоня даетъ въ это время по одному или по два сига, лосось, форель, или палію да около полупуда ряпушки; такъ что рабочіе часы въ сутки приносятъ отъ полупуда до одного пуда крупной рыбы, кромѣ мелкой. Къ концу лѣта и осенью уловъ увеличивается въ 3 и 4 раза, особенно послѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, выгоняющихъ рыбу волненіемъ къ южнымъ берегамъ [1]). Въ это время въ каждую тоню сиги попадаются десятками, вмѣстѣ съ другою крупною рыбою; затѣмъ наступаетъ наростъ ряпушки [2]) и сиговъ, порождающій еще большій уловъ. Тѣ же сильные вѣтры съ озера, или по отношенію къ берегамъ при устьѣ Вытегры, съ сѣвера и сѣверо-запада, производя сильное волненіе, наносятъ на берега сиговую икру въ такомъ количествѣ, что даже окрестные крестьяне собираютъ ее ведрами, какъ это было, напримѣръ, въ 1870 году. Притомъ крестьяне, весьма хорошо знакомые съ дѣломъ, разсказываютъ, что около Петропавловскаго мыса и Андомы, а слѣдовательно, и при устьѣ Вытегры, по лудамъ и песчанымъ отмелямъ, слышится иногда въ темныя сентябрьскія ночи страшный шумъ и плескъ въ водѣ, приписываемый неопытными рыбаками игрѣ водяника. Но тоня, искусно заброшенная въ подобные

---

[1]) При устьѣ Суны, Петрозаводскаго уѣзда, особенно въ то время, когда вѣтеръ съ моря, попадается иногда въ мережки до 1000 сиговъ въ день; въ садкахъ до 20,000 сиговъ по 22 на пудъ; въ Петрозаводскѣ цѣна Сунскаго сига отъ 15 до 25 коп. Въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что составитъ 6,000 руб. за 20,000 сиговъ (См. Олонецк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 44).

[2]) Нѣкоторые изъ мѣстностей на Онегѣ привлекаютъ особенное вниманіе Олонецкихъ рыбаковъ, благодаря ряпушкѣ; на островахъ Мягъ-островѣ и Сало-салмѣ собираются въ сентябрѣ рыбаки въ громадномъ количествѣ, имѣя въ распоряженіи до 500 разнаго рода неводовъ, при чемъ случается иногда въ одну тоню невода (кереводa) захватывать до 40 пудовъ ряпушки. См. *К. Кесслеръ*, стр. 38.

притоны веселья, даетъ сотни сиговъ съ икрой и въ нарядныхъ брачныхъ одеждахъ; не смотря на то, что сиги выпрыгиваютъ изъ заколдованнаго круга снастей, неводъ, обремененный добычей, едва вытаскивается изъ воды. Эти соображенія могутъ до нѣкоторой степени доказать, что правильно устроенный промыселъ рыбы на Онежскомъ озерѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточенъ (даже въ виду того факта, что количество рыбы въ озерѣ, въ большинствѣ случаевъ, годъ отъ году уменьшается), и что уловъ рыбы, среднимъ числомъ, не только въ состояніи вдвойнѣ или даже втройнѣ, смотря по году, окупить тяжелый трудъ рыбака и издержки на стоимость невода, но что при всемъ томъ онъ дастъ огромный процентъ чистаго барыша, если дѣло ведется даже на коммерческихъ началахъ.

Болѣе очевидное доказательство сейчасъ высказанному мнѣнію я нахожу на устьяхъ Водлы или Шалы, на восточномъ берегу Онега. Здѣсь, въ бытность мою въ концѣ августа, шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ для метанія икры сигъ проходный; въ ловлѣ его участвовала вся волость, въ 400 душъ мужескаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая второе четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье, и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони, онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣскольку неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи дер-

жится нѣсколько времени, минутъ 10 и болѣе; затѣмъ онъ заворачивается однимъ концомъ и подводится къ другому, на одинъ и тотъ же берегъ. Лишь только онъ начинаетъ свой заворотъ, на то же мѣсто опускается постепенно другой неводъ; въ то время, когда первый вытягиваютъ и начинаютъ вынимать изъ него добычу, второй уже раскидывается черезъ всю рѣку; поэтому едва-едва выпадаютъ моменты, когда рыба можетъ идти вверхъ по рѣкѣ, не встрѣчая на пути ловушки; вотъ почему на самой нижней тонѣ уловъ изобиленъ, а кверху онъ становится все меньше и скуднѣе; изъ всего же сказаннаго видно, до какой степени равномѣрно распредѣлены шансы на уловъ между всѣми членами большой крестьянской общины. Первое мѣсто отъ озера даетъ изрѣдка на одну тоню невода [1]) по 100 и 150 сиговъ, какъ это разказываютъ сами крестьяне; въ самый день моего пребыванія здѣсь неводъ сразу зачерпывалъ по 60 и даже по 90 сиговъ; впрочемъ это случается въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней не больше одного раза; рѣдко бываетъ это на дню нѣсколько разъ. Въ продолженіе же сутокъ неводчики почти постоянно добывали здѣсь приблизительно отъ 150 до 250 сиговъ. Въ верхнихъ тоняхъ добыча въ продолженіе сутокъ падаетъ до 50 или 100 штукъ сиговъ, а въ самой отдаленной она бываетъ еще меньше. Но полагая среднимъ числомъ суточный уловъ на всѣхъ четырехъ тоняхъ равнымъ 200, 100, 75 и 50 сигамъ, получимъ всѣхъ 425 штукъ. Вся эта рыба поступаетъ къ мѣстнымъ прасоламъ. Покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, съ которымъ мы провели много времени вмѣстѣ частію на Водлозерѣ, частію на Кенозерѣ, передавалъ мнѣ, что вся волость, лежащая около устья Водлы и производящая здѣсь рыбную ловлю, находится, по его выраженію, въ кабалѣ у одного богатаго крестьянина-прасола [2]). Въ короткій срокъ пребыванія на устьѣ Водлы я не могъ окончательно въ этомъ убѣдиться, хотя и слышалъ, что есть еще нѣсколько лицъ, занимающихся снаб-

---

[1]) Изъ всего сказаннаго можетъ быть ясно, что крестьяне разумѣютъ подъ именемъ *тони*, съ одной стороны, мѣсто, гдѣ закидывается неводъ, а съ другой— самый актъ закидыванія невода въ воду, до новаго его появленія на сушѣ.

[2]) О той же зависимости говоритъ и г. *Р—въ*. См. Матеріалы и пр.

женіемъ большинства крестьянъ деньгами, хлѣбомъ или всякими другими товарами, подъ всѣ продукты ихъ промысловъ—звѣринаго, а главнымъ образомъ, рыбнаго. Принимая задатокъ, крестьянинъ обязуется сдавать сиговъ непремѣнно своему кредитору, именно по 10 коп. за каждую штуку. Такимъ образомъ, вся рыба, ежедневно вылавливаемая во второй половинѣ августа и частію въ сентябрѣ, при устьѣ Водлы, въ количествѣ 425 штукъ сиговъ, приноситъ крестьянамъ 42 р. 50 коп.; если въ продолженіе каждыхъ сутокъ въ ловлѣ участвуютъ представители отъ 200 душъ, то получится на каждую по 21 1/4 коп. суточнаго заработка. По разнымъ причинамъ не вся волость участвуетъ въ ловлѣ, такъ что заработокъ можетъ быть нѣсколько выше. Выше онъ можетъ быть еще потому, что по рѣкѣ, въ разныхъ ея мѣстахъ, разставлено много самоловныхъ сѣтей; по приблизительному опредѣленію, этихъ сѣтей около 100; въ нѣкоторыя по временамъ попадается отъ 15 до 50 сиговъ въ ночь; за то другія остаются пустыми; если положить среднимъ числомъ на каждую по 2 сига въ ночь, то получимъ 200 штукъ, что̀ увеличитъ суточный заработокъ на 20 руб. Разница та, что всякій хозяинъ ставитъ неограниченное число сѣтей; многіе совсѣмъ ихъ не ставятъ, особенно живущіе въ отдаленіи; бѣдный ставитъ ихъ меньше, нежели сколько-нибудь состоятельный. Но во всякомъ случаѣ, если даже принять общую заработную плату на душу въ 30 коп. въ день, то и этого будетъ слишкомъ мало, и большая часть выгоды отъ рыболовства падетъ не на тѣхъ, кто имъ занимается, а на тѣхъ, кто скупаетъ рыбу, то есть, на одного или нѣсколькихъ человѣкъ, которые не проводятъ безсонныхъ ночей въ упорномъ и тяжеломъ трудѣ. Если принять Онежскаго проходнаго сига въ 20 коп., то на каждомъ сигѣ скупщикъ будетъ наживать по 10 же коп., что̀ и составитъ барышъ въ 100% на капиталъ, или рубль на рубль [1]). Но такъ какъ рыба засаливается скупщиками, а въ С.-Петербургѣ ладожскіе соленые сиги стоятъ около 30 коп. за штуку, онежскіе же, по мнѣнію ры-

---

[1]) Уже г. Р—въ указываетъ на то, что большинство сортовъ рыбы имѣетъ двойную цѣну на мѣстахъ сбыта, сравнительно съ мѣстною. См. статью г. *Р—ва* въ Пам. кн. Олон. губ., 1866 г.

боторговцевъ лучше ладожскихъ, то прасолы имѣли бы полную возможность увеличить процентъ по крайней мѣрѣ до 120 или 130, очистивъ стоимость за доставку и давъ возможность нажиться петербургскимъ торговцамъ рыбою на 50%, чего обыкновенно не бываетъ, такъ какъ прасолы съ Ладожскаго озера дѣлаютъ уступку петербургскимъ торговцамъ только въ 10%. Но выгода возрасла бы до громадныхъ размѣровъ, еслибы скупщики рыбы съ Водлы нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ и понятія [1]), въ С.-Петербургъ, гдѣ стоимость живого сига простирается отъ 40 до 75 коп., а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на наиболѣе высокую цѣну, такъ какъ ихъ величина колеблется отъ $1\frac{1}{2}$ и 2 фунтовъ до 5 ф. Итакъ, если Шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недальновидности и невѣжеству.

Трудность сбыта продуктовъ промысла непосредственно потребителямъ тяготила всегда крестьянъ, и они всѣмъ складомъ своей жизни поставлены въ необходимость сталкиваться только съ своими же болѣе богатыми собратьями, часто безсознательно впадающими въ ошибки и въ эксплуатацію. Такое отношеніе массы къ меньшинству, переходящее въ зависимость, замѣчено повсюду и многими путешествовавшими по Олонецкой губерніи. Вотъ, напримѣръ, слова профессора Кесслера: „Почти въ каждомъ селѣ или въ каждой мѣстности есть одинъ крестьянинъ, или два-три крестьянина, которые значительно богаче другихъ и въ извѣстномъ смыслѣ разыгрываютъ роль помѣщиковъ. Къ нимъ частенько болѣе бѣдные крестьяне, по недостатку въ другихъ заработкахъ, вынуждены бываютъ наниматься въ работники по самой низкой цѣнѣ; они же обыкновенно ведутъ продажу муки и другихъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ по цѣнѣ сравнительно очень высокой, и вообще пользуются въ своемъ околодкѣ сильнымъ вліяніемъ и безотчетною властью“ [2]). Чувствуя неудоб-

---

[1]) По сообщеніямъ г. Р—ва, рыба доставляется на судахъ въ С.-Петербургъ.

[2]) *К. Кесслеръ*, 8.

ства въ такомъ складѣ жизни, крестьяне не могли однако отчетливо выяснить себѣ причинъ его, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и знаній; но иногда они какъ-бы экспериментально рѣшали эти задачи, не оцѣнивая въ то же время практическаго значенія своихъ рѣшеній. Такъ, нѣкоторые изъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, особенно Водлозёры, говорили мнѣ, что они все собираются отправиться на ловлю рыбы къ С.-Петербургу, въ Финскій заливъ, полагая, что тамъ легче можно добыть денегъ, потому что рыбы больше, какъ это извѣстно имъ отъ бывшихъ тамъ земляковъ; при этомъ они имѣли въ виду гораздо большее совершенство своихъ способовъ ловли, сравнительно съ распространенными на водахъ Балтійскихъ. Озерецковскій въ свое время, въ 1785 г., зналъ о подобныхъ же примѣрахъ, но уже осуществившихся, и признавая дѣйствительно больше выгоды отъ рыболовства въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ около Онега, объясняетъ ихъ нѣсколько иначе. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ жителей села Щелеекъ (на берегу Онежскаго озера, не далеко отъ истока Свири) каждую весну ѣздятъ въ С.-Петербургъ на лодкахъ съ воротницами или кереводами для рыбной ловли при устьѣ Невы, гдѣ живутъ недѣль по пяти и болѣе, пока въ жительствахъ ихъ не начнутся полевыя работы. А когда сіи приближаться станутъ, то продаютъ Маймистамъ свои воротницы и лодки, и пѣшіе домой возвращаются. Хотя они и справедливо, можетъ быть, утверждаютъ, что больше попадается рыбы въ Финскомъ заливѣ, нежели въ Онежскомъ озерѣ, однако причиною ѣзды ихъ сюда паипаче то, что при устьѣ Невы имѣютъ кому продавать пойманную рыбу; ибо каждое утро множество наѣзжаетъ къ нимъ прасоловъ, которые, ссорясь между собою, за большія деньги скупаютъ у нихъ рыбу, такъ что рыбаки сами дивятся ихъ зависти и не понимаютъ, за что имъ столь много платятъ они денегъ. Въ Щелейкахъ разговаривалъ я о семъ съ тѣми самыми людьми, которые въ началѣ лѣта 1785 года ловили рыбу въ Финскомъ заливѣ, гдѣ пробывъ мѣсяцъ, каждый изъ нихъ возвратился домой съ тридцатью рублями единственно на рыбѣ добытыми“ [1]).

[1]) *Н. Озерецковскій.* Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1792.

Отсюда видно, какъ простодушно относились крестьяне къ предметамъ своего промысла въ старину; это же простодушіе нерѣдко можно замѣтить и до сихъ поръ. И притомъ, если изобиліе рыбы не приноситъ богатства крестьянамъ или даже не окупаетъ достаточно трудъ ихъ, то тѣмъ болѣе это ощутительно въ случаяхъ скудости рыбы. Вытегорская земская управа указываетъ на то, что рыболовство во время зимы на озерѣ Лачѣ не только не приноситъ рыбакамъ выгоды, но даже вполнѣ для нихъ убыточно [1]). Не говоря о другихъ пунктахъ, гдѣ болѣе или менѣе кипитъ рыболовческая дѣятельность, въ родѣ устья Свири, а также другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, вмѣстѣ съ его салмами и островами, особенно въ сѣверныхъ частяхъ озера, гдѣ я не былъ,— скажу еще нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Вытегорскаго устья. Какъ я уже замѣтилъ, изъ здѣшнихъ жителей только меньшинство участвуетъ въ лѣтнихъ и частію осеннихъ промыслахъ на Онежскомъ озерѣ, особенно въ неводьбѣ, хотя невода и имѣются во многихъ деревняхъ; но это невода по большей части такіе, которые могутъ быть съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ употребляемы только на малыхъ озерахъ, гдѣ ловятся тѣ же рыбы, что̀ и въ мережки: это плотва, лещи, язи, налимы, щуки, ерши, окуни, судаки, частію корюшка и ряпушка; здѣсь уже нѣтъ ни сиговъ, ни лососей, ни форели, ни паліи и пр. Въ средѣ крестьянъ особенное затишье въ рыболовствѣ лѣтомъ; въ это время имѣющіе неводъ проводятъ цѣлые дни въ полевыхъ работахъ, и только возвращаясь вечеромъ домой, усталые, берутся за̀ неводъ, чтобы добыть себѣ что-нибудь на ужинъ; эту работу исполняютъ въ большинствѣ случаевъ женщины. Хотя крестьянскіе невода не велики, но все-таки требуютъ значительнаго времени, чтобы быть закинутыми и вытянутыми на берегъ; по обыкновенію закидывается въ вечеръ нѣсколько тоней, и всѣ онѣ вознаграждаются нѣсколькими раками, которыхъ крестьяне выбрасываютъ, и двумя-тремя десятками ершей, которыхъ едва достаточно на уху. При такого

года стр. 156. На подобные же, по видимому, факты указываетъ *Бергштрессеръ*, см. его Опытъ описанія Олон. губ. стр., 100.

[1]) Журналы Вытегорскаго уѣзда, очередн. земск. собранія, 1869 г. стр. 77.

рода неводьбѣ мнѣ часто приходилось быть въ дер. Кузнецовой, на Тудозерѣ, гдѣ рыба видимо уже сильно выловлена, такъ какъ озеро, имѣя до 12 верстъ въ длину, вокругъ по берегамъ заселено. Нѣсколько удачнѣе ловъ рыбы неводомъ уже на указанныхъ выше озерахъ Котечномъ и Великомъ. Бываетъ въ лѣтнее время, что крестьяне, объѣзжая въ тихую погоду всѣ небольшія озера подъ рядъ, налавливаютъ въ одинъ или два дня до 3 или 4 пудовъ всякой рыбы, преимущественно карповыхъ, изъ которыхъ, напримѣръ, лещи попадаются вѣсомъ въ 5 или 7 фунтовъ. Къ концу лѣта и осенью промыселъ увеличивается. Въ это время крестьянинъ, имѣющій неводъ, приглашаетъ нерѣдко другихъ, не имѣющихъ невода, и ловитъ съ ними рыбу, отдѣляя потомъ половину или треть улова приглашеннымъ; другую же половину или двѣ трети беретъ на себя и на неводъ. То же самое бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ ловитъ рыбу въ мѣстахъ заарендованныхъ, какъ напримѣръ, на Лужандозерѣ [1]). Онъ обязанъ отдавать тогда одну треть улова арендатору. Ряпушка, частію сиги, лосось ловятся и продаются въ Вытегрѣ, а частію сушатся, особенно мелкая рыба; лично мнѣ не удалось познакомиться съ осенними промыслами; поэтому трудно даже приблизительно опредѣлить прибыль отъ нихъ, хотя мало вѣроятія въ томъ, чтобъ осеннее рыболовство большинству крестьянъ доставляло болѣе выгоды, чѣмъ весеннее.

Послѣ всего сказаннаго обратимся еще къ рѣкѣ Водлѣ и истоку ея—Водлозеру. Какъ осенью изъ Онежскаго озера поднимается

---

[1]) Около Лужандозера, гдѣ теперь выстроена новая церковь, былъ нѣкогда монастырь, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣлъ (старые колокола на новой церкви относятся только къ 1703 году). Можетъ быть, поэтому Лужандозеро, составляя нѣкогда принадлежность монастыря, отдается теперь въ аренду, рублей по 10 на три года, хотя очевидно, что не все озеро принадлежало монастырю; одна часть его отмежевана просѣкой крестьянамъ деревни Урѣниной, стоящей на противоположной сторонѣ отъ бывшаго монастыря и церкви. Не смотря на это, арендаторъ, уже извѣстный рыболовъ-неводчикъ съ устья Вытегры, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы лишить крестьянъ возможности ловить рыбу въ озерѣ, хотя самъ здѣсь ловли и не производитъ; позволеніе на ловлю крестьяне получаютъ только съ однимъ условіемъ—отдавать $1/3$ улова арендатору. О самомъ монастырѣ см. Олонецкія губ. вѣд. за 1866 г., стр. 223, 245, 338, 353.

вверхъ по рѣкѣ сигъ, такъ весной идутъ изъ него многіе другіе виды—лосось, язи, харьюсъ, щука, окунь, лещи и плотва. Уже около самого устья Водлы лосося вылавливается до 150 пудовъ, а по другимъ извѣстіямъ—до 400 пудовъ [1]). Кромѣ самаго устья, вверхъ по Водлѣ, около деревни Подпорожья, устроено еще болѣе препятствій для прохода рыбъ. Здѣсь въ порогахъ, гдѣ вода круто и быстро падаетъ, рѣка почти во всю свою ширину, кромѣ ничтожнаго промежутка по срединѣ, перегорожена заколами; множество мердъ и мережекъ ожидаютъ здѣсь рыбу, и уловъ достигаетъ большихъ размѣровъ; самое мѣсто составляетъ собственность духовнаго вѣдомства и арендуется за большую сумму денегъ. Такого же рода преграды рыба встрѣчаетъ при поднятіи въ верховья рѣки или при обратномъ ходѣ во многихъ другихъ порогахъ, которые весьма многочисленны по Водлѣ; примѣромъ можетъ служить порогъ Падунъ, около котораго находится деревня того же имени. Здѣсь, среди гнейсовыхъ воротъ, пробитыхъ быстрымъ теченіемъ рѣчныхъ водъ, устроены также заѣздки съ ловушками, и въ нихъ жители деревни ловятъ рыбу, чередуясь поденно. Они уже жалуются на то, что снизу, отъ Онега, приходитъ къ нимъ рыбы весьма мало; но при всемъ томъ они, по видимому, не сидятъ безъ рыбы. Верстъ на 25 еще выше по теченію Водлы мы встрѣчаемся наконецъ съ самымъ Водлозеромъ, обитатели котораго являются наиболѣе усердными рыболовами.

Водла вытекаетъ изъ Водлозера двумя рукавами, однимъ небольшимъ, лежащимъ на сѣверѣ и называющимся собственно Водлой, и другимъ, находящимся южнѣе и носящимъ названіе Вамы. Этотъ рукавъ уже при самомъ своемъ истокѣ является большою, многоводною и быстрою рѣкою, представляющею на протяженіи верстъ 20 до 17 пороговъ. Здѣсь, при истокѣ рѣки или при устьѣ, какъ говорятъ сами жители, весной и осенью производится крестьянами окрестныхъ деревень Вамы, Чуялы, Вавдиполя и пр. значительный промыселъ частію лосося, главнымъ же образомъ сиговъ, харьюсовъ, которые въ другой рукавъ — Водлу не заходятъ.

---

[1]) *Н. Р—въ.* Матеріалы для изученія рыболовства и охоты въ Олонецкой губерніи въ Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи за 1866 годъ.

При истокѣ Вамы существуетъ также нѣсколько тонь, ловля на которыхъ ведется крестьянами на такихъ же основаніяхъ, какъ и при устьѣ Водлы, около Онежскаго озера, о чемъ говорено выше.

Водлозеро, говоря относительно, славится изобиліемъ рыбы, вмѣстѣ съ рядомъ небольшихъ озеръ, связанныхъ съ нимъ рѣчками; при этомъ нужно прибавить, что здѣсь мы не встрѣчаемся уже съ тѣмъ разнообразіемъ рыбъ, какое видимъ въ Онежскомъ озерѣ; многіе виды лососевыхъ не заходятъ въ Водлозеро, какъ напримѣръ, палія, таймень; пеструшка или форель если и встрѣчается (въ одномъ быстромъ ручьѣ, соединяющемъ Пильмасъ-озеро съ Келкъ-озеромъ), то въ ничтожномъ количествѣ и малой величины, не имѣя промышленнаго значенія. Самъ лосось, показываясь въ рѣкѣ Вамѣ даже при ея истокѣ, не идетъ въ озеро иначе, какъ въ видѣ исключенія. Сиги заходятъ въ озеро хотя, можетъ быть, и въ немаломъ количествѣ, но въ одномъ только видѣ. Налимъ, достигающій въ Онежскомъ озерѣ до 1½ и болѣе пудовъ вѣсомъ, здѣсь рѣдко встрѣчается свыше 15 фунтовъ. Кромѣ сига и харьюса, большинство рыбъ въ Водлозерѣ — осѣдлы, но въ предѣлахъ самого озера онѣ представляютъ однакоже нѣкоторыя переселенія. Рано весной приступаетъ къ берегамъ для метанія икры корюшка; какъ и слѣдуетъ ожидать, она держится въ это время больше всего при устьяхъ рѣкъ, напримѣръ, при Вамѣ, около деревни Чуялы; любитъ она нѣкоторыя мѣста въ заливѣ Маткалахтѣ и т. д. Въ концѣ весны и лѣтомъ около береговъ держутся или наростуютъ лещъ, плотва, язь, окунь, щука, частію судакъ; сиги также ищутъ себѣ пропитанія около береговъ, особенно въ травянистыхъ мѣстахъ; впрочемъ это сиги мелкіе, часто не достигающіе и фунта вѣсомъ. Въ гораздо большемъ количествѣ держутся сиги около береговъ осенью, когда вмѣстѣ съ ними является сюда въ большомъ количествѣ и ряпушка для метанія икры. Во многихъ мѣстахъ Водлозеро представляетъ впадины или ямы, отличающіяся наибольшею глубиной; есть ямы, достигающія до 11 — 12 маховыхъ саженъ глубины [2]); лѣтомъ здѣсь пребываютъ преимущественно ерши. Глубокою осенью, когда озеро начинаетъ покрываться льдомъ, также во время зимы,

¹) См. Изв. Р. Г. Общ., т. VII, № 6, стр. 316.

сюда удаляется отъ береговъ большая часть рыбъ, привлекая къ себѣ вниманіе рыболововъ. На отмелыхъ каменистыхъ мѣстахъ озера стануетъ налимъ (менекъ); изрѣдка онъ встрѣчается и въ мѣстахъ, покрытыхъ тиной; онъ наростуетъ въ началѣ февраля.

Этимъ складомъ жизни рыбъ обусловливается и промыселъ на нихъ; Водлозёры ловятъ рыбъ преимущественно неводами около береговъ или на ямахъ, смотря по времени года. Притомъ, сообразно съ привычками рыбъ, самые невода являются у нихъ приноровленными къ разнымъ условіямъ. Обыкновенный неводъ, хотя бы онъ былъ и значительной величины, управляется двумя человѣками, благодаря переноснымъ вòротамъ [1]. Въ употребленіи у нихъ и кереводъ, неровно-крылый неводъ. Обыкновенный неводъ видоизмѣняютъ они въ мутникъ или чапъ [2], дѣлая кнею весьма мелкоячейною и снабжая нижній канатъ невода камнями и мочалой, такъ чтобы при движеніи невода вода мутилась. Этотъ неводъ употребителенъ на малыхъ рыбъ, и изобрѣтеніе его принадлежитъ, по разсказамъ, самимъ Водлозёрамъ. Имѣя въ различныхъ видахъ неводьбы главный способъ рыбной ловли, Водлозёры знакомы и съ употребленіемъ мережекъ, съ устройствомъ заколовъ, особенно при устьяхъ рѣкъ. Строятъ они заколы и на лудахъ рядами, на протяженіи 30 — 50 саженей; около заколовъ помѣщаютъ морды; дѣлая это подо льдомъ, во время нароста налима, они вылавливаютъ болѣе 100 пудовъ этой рыбы на всю братію. Способъ ловли менька крючками, насаженными на древко, то поднимаемыми, то опускаемыми глубже, и около которыхъ менекъ трется, оставаясь на крючкѣ,—способъ, употребляемый на Онегѣ, здѣсь мало извѣстенъ.

Водлозерская корюшка сравнительно съ Онежскою мелка и извѣстна подъ названіемъ снѣтковъ; подъ этимъ названіемъ она лучше раскупается. Въ хорошую весну она вылавливается въ количествѣ 70—80 возовъ, идущихъ на продажу, кромѣ того, чтò потребляется на самомъ Водлозерѣ. Въ возу считается 20 пудовъ, слѣдовательно, всего вылавливается около 1,400 или 1,600 пудовъ;

---

[1]) См. ст. *Р—ва* въ Пам. кн. Олон. губ. за 1866 г., стр. 44.

[2]) См. *Кесслеръ*, стр. 39; *Р—въ*, 47—48; *Мальте*, стр. 177.

вѣроятно, такое же количество корюшки вылавливается осенью и зимой на ямахъ изъ-подо льда. На мѣстѣ пудъ корюшки стоитъ до 1 руб. въ сухомъ видѣ. Въ мѣстахъ, куда она доставляется и гдѣ продается, пудъ стоитъ до 3 или 4 руб. 50 к.; такими мѣстами сбыта служатъ для Водлозёровъ зимою мѣстности около Ошты или весной Каргопольскій уѣздъ, гдѣ сбытъ менѣе выгоденъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ выпадаетъ, что ловецъ въ самый небольшой весенній промежутокъ времени добываетъ корюшки до 120 пудовъ. Осенью ловится въ значительномъ количествѣ ряпушка, такъ что уходитъ на продажу до 100 пудовъ ея икры; считая одинъ пудъ икры на 10 пудовъ рыбы, найдемъ, что ряпушки вылавливается не менѣе 1,000 пудовъ. Вмѣстѣ съ ряпушкой и корюшкой ловятся сиги, особенно осенью, и карповыя рыбы—лещи, язи, плотва и пр.—весной.

Послѣ весенняго улова, въ Каргопольскій уѣздъ, на ярмарки Ивановскую и Троицкую, идетъ до 40 лодокъ рыбы съ Водлозера. Каждая лодка вмѣщаетъ по 10 возовъ, въ возу по 20 пудовъ, слѣдовательно, въ это время идетъ до 8,000 пудовъ сухой и соленой рыбы. По разсказамъ крестьянъ, за это количество рыбы получается на ярмаркахъ до 6,000 руб., что, можетъ быть, ниже дѣйствительной суммы [1]). Отъ осенняго улова вывозится въ окрестности Ошты преимущественно корюшка, частію ряпушка и ея икра; за эту рыбу получается до 5,000 руб., сумма, которая тоже, вѣроятно, гораздо ниже дѣйствительной. Вообще нужно положить, что количество вылавливаемой на продажу рыбы бываетъ не меньше 15,000 пудовъ, и что въ продажѣ, на мѣстѣ потребленія, пудъ ея не бываетъ среднимъ числомъ ниже 1 рубля. Притомъ можно вполнѣ согласиться, что большая часть дохода отъ улова падаетъ и здѣсь не на самихъ ловцовъ, а на ограниченный кругъ посредниковъ между ними и потребителями.

---

[1]) Большая часть рыбы соленая; бочка въ 10 пудовъ идетъ за 10 руб.; но бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что бочка большихъ соленыхъ щукъ, вѣсомъ до 8—9 пудовъ, стоитъ до 4 руб. Такимъ образомъ, по выкладкамъ нѣкоторыхъ туземцевъ, считающихъ пудъ рыбы въ 50 коп., всего получается денегъ, или вмѣсто нихъ товаровъ (преимущественно хлѣба), на 4,000 руб.

*

Многіе изъ крестьянъ только часть своего весенняго улова сбываютъ лично въ Каргопольскомъ уѣздѣ, закупая хлѣбъ или вымѣнивая его на рыбу. Въ большинствѣ случаевъ богатые, запасаясь хлѣбомъ, даютъ его подъ рыбу копѣекъ на 10 или 20 дороже существующихъ цѣнъ съ пуда, а рыбу ставятъ на такое же количество денегъ копѣекъ на 10 или 20 дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 коп. Малёнка [1]) ершей идетъ за 40 коп.; малёнка плотвы — въ 20—30 коп. За пудъ хлѣба берутъ до 4—6 пудовъ рыбы. Кредитъ крестьянамъ допускается въ 20—30 руб. Въ случаѣ повышенія цѣны на рыбу уплата за забранное производится рыбою по старой цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита.

Общее количество вылавливаемой въ Водлозерѣ рыбы, по видимому, весьма велико. Но этотъ фактъ не служитъ еще доказательствомъ изобилія рыбы; скорѣе онъ зависитъ отъ того постоянства, съ которымъ Водлозёры вертятся около водъ, съ ловушками и снастями. На островѣ Пелгостровѣ я видѣлъ старушку, лѣтъ 70, которая ежедневно, вмѣстѣ съ своею невѣсткой, ловила ершей около своего острова; съ половины мая до второй половины іюля она наловила въ прокъ 30 малёнокъ, стоимость которыхъ опредѣляла въ 15 рублей. Итакъ, среднимъ числомъ пришлось на каждую изъ ловившихъ по 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Занимающіеся съ гораздо большимъ постоянствомъ и продолжительностью (напримѣръ, въ д. Гумаръ-Наволокѣ) вылавливаютъ до 60 малёнокъ рыбы въ сезонъ, что̀ приноситъ около 30 руб. заработка за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на Кёлкъозерѣ, ловъ уходитъ за 100 малёнокъ въ сезонъ, что̀ приносятъ рублей 50 на семейство. Притомъ, снастей въ годъ нужно рублей на 8. Лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, жители постоянно выѣзжаютъ на озеро съ пяти часовъ вечера и до ночи, часовъ до 10 и болѣе. Къ осени промыселъ увеличивается, времени въ ловлѣ проводится еще больше, и такъ бываетъ до самой зимы, когда начинается наиболѣе дѣятельная работа — неводьба подо льдомъ.

[1]) Мѣрка, вмѣщающая себѣ около пуда сырой ржи. Сухой мелкой рыбы идетъ въ малёнку отъ 8 до 13 фунтовъ.

Въ большей части деревень почти на каждый дворъ имѣется неводъ, или одинъ неводъ на два двора, не говоря ужъ о другихъ снастяхъ. При сильной нуждѣ и бѣдности, при отсутствіи другихъ заработковъ, и въ виду того, что рыболовство является самымъ характернымъ и важнымъ промысломъ на Водлозерѣ, нужно сознаться, что количество рыбы въ послѣднее время здѣсь сильно уменьшается. Въ продолженіе лѣта мелкая рыба составляетъ главный предметъ промысла; въ это время ловятся одно и двухгодовалые окуньки (бузунки и пальцевики), молодые сиги (пâсижки и ёвдушка), молодая плотва (салага) и вообще всякая другая молодь (мойва). Конечно, этотъ промыселъ ведется только вслѣдствіе недостатка другой рыбы и въ свою очередь неизбѣжно порождаетъ годъ отъ году большій недостатокъ и сравнительную скудость крупной рыбы.

Водлозёры, изощрившись до тонкости въ ловлѣ всякаго рода рыбы, научившись доставать все живое со дна своего роднаго озера, не умѣютъ однакоже съ умѣньемъ воспользоваться тѣмъ, что̀ получаютъ. Вся мелкая рыба сушится, и въ такомъ видѣ она еще до нѣкоторой степени терпима на столѣ. Сушеніе рыбы производится по обыкновенію въ печкахъ. Иногда, но сравнительно въ небольшомъ количествѣ, рыба вялится, и такая рыба еще не особенно много утрачиваетъ. Но невыносимою является та рыба, которая здѣсь солится; получивъ въ первый разъ по пріѣздѣ своемъ на Водлозеро пирогъ изъ соленой рыбы, я былъ просто пораженъ непріятнымъ запахомъ этого угощенія, и не только не могъ испробовать вкуса пирога, но не могъ ни на минуту вынести его присутствія въ своей комнатѣ. Это такъ называемая рыба *межонная*, полугнилая; она *замеженилась*—полусгнила, протухла. Въ здѣшнихъ краяхъ есть особенные ея любители и любительницы, ставящіе ее выше свѣжей. Обыкновенно выраженіе: „Не хошь ли меженниньской?“ Или: „любишь ли меженниньскую?“ Вѣроятно, такую именно рыбу засталъ въ прошломъ столѣтіи Озерецковскій, около Петрозаводска. „Я былъ въ семъ городѣ въ Госпожинки“, говоритъ онъ [1]), „и стоя въ судне у пристани видѣлъ, что по

[1]) *Озерецковскій.* стр. 186.

утрамъ привозили туда рыбаки на лодкахъ по большей части ряпушку и соленую палью, которая *весьма противный испускала запахъ;* не смотря на то, жители раскупали ее на подхватъ, такъ что кто долго проспалъ, тому и *вонючей рыбы* купить не оставалось". Итакъ, почти спустя столѣтіе послѣ этого разсказа, способъ соленія рыбы не усовершенствовался; жители до сихъ поръ продолжаютъ портить плоды своихъ трудовъ; я всегда съ большимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на сиговъ, фунтовъ въ 5 вѣсомъ, на огромныхъ лещей, съ виду красивыхъ, но къ которымъ нельзя было приступиться. Водлозёры, какъ-бы въ утѣшеніе, замѣчали мнѣ, что у нихъ „если рыба и не свѣжа, а пахнетъ, то тамъ (въ Каргопольщинѣ) берутъ". Въ другихъ мѣстахъ Водлозёры кажется боятся распространять такую рыбу. Другіе способы заготовки рыбы въ прокъ, какъ напримѣръ, копченіе, здѣсь и вовсе неизвѣстны, тогда какъ тотъ же сигъ, хорошо закопченный, могъ бы принести въ 4 или 5 разъ больше выгоды. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго можно видѣть, что рыболовство на Водлозерѣ стоитъ большихъ трудовъ, особенно въ бурную погоду, и что оно доставляетъ здѣсь сравнительно весьма мало дохода. Продукты рыболовства не удовлетворяютъ тѣмъ нуждамъ, которыя гнетутъ обитателей края. Вылавливаемая рыба доставляетъ еще меньше выгодъ и по трудности путей сообщенія. Доставка рыбы весной или лѣтомъ въ Каргопольскій уѣздъ, на протяженіи 100—150 верстъ, обходится жителямъ весьма дорого. Они должны спустить лодки съ грузомъ по Водлѣ черезъ 17 главныхъ пороговъ; затѣмъ въ вершинахъ р. Черевы, поднявшись противъ теченія, около деревни Заволочья, они оставляютъ свои лодки и ѣдутъ на чужихъ лодкахъ за плату, или провезя на наемныхъ лошадяхъ кладь на протяженіи 5 верстъ по волоку, заготовляютъ на р. Волошовѣ свои собственныя лодки. Назадъ, обмѣнявъ рыбу по большей части на хлѣбъ, они еще съ большими трудностями, перевозя хлѣбъ на наемныхъ лошадяхъ черезъ волокъ, поднимаются вверхъ по р. Вамѣ, черезъ ея пороги. По выкладкамъ свѣдущихъ туземцевъ, переѣздъ впередъ въ Каргопольщину и обратно оттуда, отнимаетъ у жителей до 400—600 рублей ежегодно, что̀ сравнительно весьма вѣроятно. По этой причинѣ Водлозёры много разъ спрашивали меня, есть ли возможность

соединить каналомъ въ 5 верстъ длиною два бассейна—Бѣломорскій и Балтійскій, о чемъ уже была мысль и не въ средѣ убогихъ рыбаковъ. Водла не признавалась обыкновенно судоходною по ея порожистости, и кажется, мысль о каналѣ въ здѣшнемъ краѣ оставлена.

IV.

Необходимость въ улучшеніи скотоводства и хлѣбопашества обусловливается ходомъ измѣненій въ природѣ.—Скотоводство въ Олонецкой губерніи за послѣдній періодъ времени почти не улучшилось.—Причины этого: сибирская язва; хищные звѣри: волки и медвѣди; вредъ отъ тѣхъ и другихъ изъ нихъ.—Скудость кормовъ въ слѣдствіе поздняго наступленія весны, продолжительности зимы, ограниченности пастбищъ и бѣдности въ покосахъ.—Недоброкачественность сѣна, значеніе листьевъ и проч.—Распредѣленіе скота у крестьянъ при устьѣ р. Вытегры, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.—Стоимость крестьянской и другихъ лошадей; улучшеніе мѣстной породы.

Изъ предыдущихъ главъ, я полагаю, стало ясно, что количество звѣрей, птицъ и рыбъ постоянно, годъ отъ году, все болѣе и болѣе уменьшается въ Олонецкой губерніи; причиной подобнаго оскудѣванія животныхъ служитъ самъ же человѣкъ. Вычищая лѣса подъ сѣнокосы, вырубая ихъ для постройки жилищъ и отопленія, выжигая ихъ для своей пашни, онъ или оттѣсняетъ звѣря отъ окрестностей своего жилья, или прекращаетъ для него всякую возможность жить и размножаться здѣсь. Далеко отъ жилья уходитъ олень; тѣснится въ глубь лѣса куница, даже бѣлка; за ними покидаютъ окрестности жилья многія изъ лѣсныхъ птицъ; въ замѣнъ этой фауны появляются въ возникающемъ вновь мелколѣсьи звѣрки въ родѣ зайца-русака, полевокъ, кротовъ, или пернатые въ родѣ сѣрой куропатки, или же хоръ пѣвуновъ, составленный изъ славокъ, соловьевъ и т. д. Такимъ образомъ, самъ человѣкъ измѣняетъ природу и кладетъ себѣ преграду къ большинству тѣхъ промысловъ, въ которыхъ его же предки находили себѣ исключительное средство къ существованію. Теперь уже сама природа, измѣненная человѣкомъ, ставитъ ему дальнѣйшія задачи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ его участь на жизнь или смерть. Рѣшитъ онъ ихъ удовлетворительно,—тогда право на жизнь будетъ завое-

вано; останется онъ глухъ къ голосу природы,—тогда рядъ неудачъ и препятствій будетъ давить его на каждомъ шагу, и жизнь такого человѣка омрачится тѣмъ колоритомъ, подъ покровомъ котораго мы съ трудомъ отыщемъ что-нибудь утѣшительное. Слѣды этого послѣдняго обстоятельства, къ сожалѣнію, бросаются намъ въ глаза на жителяхъ Олонецкой губерніи. Они одинаково замѣтны какъ на скотоводствѣ, такъ и на хлѣбопашествѣ; и мнѣ не первому приходится указывать на бѣдственное состояніе этихъ отраслей хозяйства въ здѣшнемъ краѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если остановиться на скотоводствѣ въ Олонецкой губерніи, то найдемъ, что въ новѣйшій періодъ времени оно почти не измѣнилось; количество домашнихъ животныхъ за послѣдніе и за сороковые года представляетъ самую ничтожную разницу, если при этомъ давать какое-либо значеніе имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Въ цифровыхъ данныхъ важно не абсолютное, а относительное значеніе; изъ нихъ мы, по крайней мѣрѣ, усматриваемъ фактъ, что весьма часто общее количество скота въ предшествующіе года было больше, чѣмъ въ послѣдующіе. Еще Пушкаревъ указывалъ, что количество скота, за исключеніемъ свиней, постоянно уменьшалось съ 1842 по 1844 г. Въ 1842 году считалось въ Олонецкой губерніи 51,794 лошади; въ 1844 г. было только 49,119, слѣдовательно, на 2,675 головъ менѣе; коровъ въ 1842 году считалось 101,954, а къ 1844 году осталось 81,972, то есть, произошло уменьшеніе на 19,982 головы [1]). Затѣмъ, обращаясь къ Штукенбергу, собравшему статистическія данныя изъ всѣхъ имѣвшихся источниковъ, я долженъ сказать, что, напримѣръ, за 1846 годъ количество овецъ преувеличено у него на столько [2]), что самую цифру можно принять только за вымыселъ первоначальнаго составителя или за опечатку, и что далѣе, на слѣдующей страницѣ, онъ приводитъ, на основаніи Дашкова [3]), тѣ же преувеличенныя и вполнѣ ошибочныя данныя объ общемъ

---

[1]) *Пушкаревъ,* Описаніе Россійской Имп. Т. I, Олон. губ., стр. 55.

[2]) *Штукенбергъ,* Статистическіе труды, ст. VII, Опис. Олон. губ., стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14, примѣч. 34. Ср. *Дашкова,* Описаніе Олон. губ., стр. 79—81.

количествѣ скота въ губерніи, которыя далеко раньше, при первомъ ихъ появленіи у Бергштрессера, опровергъ Пушкаревъ [1]). Данныя о количествѣ лошадей постояннѣе: за 1846 годъ ихъ считалось 49,509, или по другимъ источникамъ,—49,569 шт. [2]). Въ 1848 году лошадей считалось 49,551 [3]); слѣдовательно, количество лошадей увеличилось на нѣсколько десятковъ или даже уменьшилось. Но за 1850 годъ показано на всю губернію 47,894 лошадей [4]), то есть, произошло уменьшеніе, даже сравнительно съ 1844 годомъ, на 1,225 штукъ. Такимъ образомъ, количество лошадей за 9 лѣтъ, съ 1842 г. по 1850, уменьшилось на 3,903 штуки. Данныхъ за пятидесятые года у меня подъ рукой не имѣется, кромѣ относящихся до 1858 года [5]). Здѣсь мы находимъ количество лошадей увеличившимся до 57,679 шт.; прибавилось съ 1850 года, въ теченіе 8 лѣтъ, около 10,000 головъ, что крайне мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе года мы снова видимъ уменьшеніе въ числѣ лошадей. Такъ, въ 1862 году считалось уже 56,057 [6]), на 1,622 штуки менѣе противъ 1858 года; за 1863 годъ [7]) количество лошадей показано 53,891 штукъ, на 2,166 штуки менѣе предшествовавшаго. По офиціальнымъ даннымъ 1862 и 1863 гг., на 100 человѣкъ жителей считалось слѣдующее количество домашняго скота:

	1862 г. [8])	1863 г. [9])
Лошадей	18,83	18,16
Рогатаго скота	35,35	35,06
Овецъ	31,03	30,10
Свиней	3,58	20,50

---

1) *Пушкаревъ*, 54.

2) *Штукенбергъ*, стр. 13—14.

3) Тамъ же, и Олонец. губ. вѣд. № 37.

4) Тамъ же, стр. 14.

5) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1860 г., стр. 266.

6) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 42.

7) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

8) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 43.

9) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

Въ этомъ разсчетѣ бросается въ глаза небрежность, которую трудно чѣмъ-либо оправдать; такъ, напримѣръ, количество свиней на 100 человѣкъ показано за 1863 годъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ за предшествующій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ 1862 году ихъ было 10,769, а въ 1863—только 7,437, то есть, на 3,332 штуки менѣе. Затѣмъ, по тѣмъ же офиціальнымъ источникамъ извѣстно: „Полагая крестьянскую семью въ 4 души обоего пола, получимъ на каждое хозяйство менѣе, чѣмъ по 1 лошади, по 1 съ половиною рогатаго и по 1 штукѣ мелкаго скота“. Эти общія данныя представляютъ, можетъ быть, факты въ гораздо лучшемъ видѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ и это скудное количество скота распредѣлено далеко неравномѣрно. Бываютъ случаи, что почти половина или треть членовъ различныхъ сельскихъ обществъ лишены всякаго скота и ведутъ, въ слѣдствіе того, какъ то будетъ упомянуто ниже, почти нищенскій образъ жизни.

Итакъ, я начну съ наиболѣе важныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе скотоводства въ Олонецкой губерніи. Въ первый рядъ нужно поставить скотскіе падежи отъ болѣзней—сибирской язвы и чумы. Сибирская язва извѣстна въ здѣшней мѣстности уже довольно давно; въ тридцатыхъ годахъ она опустошала стада поселянъ точно также, какъ и въ наше время. Г. Бергштрессеръ говоритъ о ней, какъ о болѣзни, ежегодно свирѣпствующей сильнымъ образомъ не только на лошадяхъ, но и на рогатомъ скотѣ и овцахъ [1]). Дѣйствію той же сибирской язвы Пушкаревъ приписывалъ уменьшеніе числа домашнихъ животныхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ [2]); ей же нужно приписать и падежи во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ родѣ случившагося въ Каргопольскомъ уѣздѣ [3]). Указанія на тѣ же скотскіе падежи частію отъ чумы, частію отъ сибирской язвы встрѣчаются постоянно и въ болѣе близкіе къ намъ года. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ, тысячи животныхъ пали вслѣдствіе тѣхъ же эпидемическихъ болѣзней [4]). Отъ сибирской же язвы погибло много

---

[1]) *Бергштрессеръ*, Опытъ описанія, Олон. губ., стр. 82.

[2]) *Пушкаревъ*, стр. 55.

[3]) Олон. губ. вѣд. за 1849 г., № 37.

[4]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 43 и за 1865 г., стр. 60.

скота въ 1868 и 1869 годахъ [1]). Сибирская язва сильно свирѣпствовала въ 1870 году; въ это время одинъ Вытегорскій уѣздъ потерялъ до 1,087 головъ разнаго скота; наиболѣе сильнымъ развитіемъ отличается сибирская язва на Маріинскомъ каналѣ, гдѣ изнуреніе домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, доходитъ до высшей степени.

Коренныя причины этого страшнаго бича скотоводства мало извѣстны; впрочемъ, давно замѣчено, что распространеніе сибирской язвы тѣсно связано съ болотистыми мѣстностями; затѣмъ болѣзнь приписывается болотистымъ пастбищамъ, поднимающемуся съ болотъ удушливому пару, дѣйствующему на животныхъ [2]); новѣйшія изслѣдованія также признаютъ вліяніе болотъ на появленіе болѣзни, но даютъ нѣсколько иное объясненіе путямъ, по которымъ болота зловредно дѣйствуютъ на организмъ: именно предполагается, что болота заразительно дѣйствуютъ на домашній скотъ черезъ образованіе ульминовыхъ веществъ; зараженію способствуетъ жаркая погода [3]). Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были скрыты коренныя внутреннія причины сибирской язвы, а также и другихъ подобныхъ болѣзней, вредъ, причиняемый ею домашнему скоту, достигаетъ громадныхъ размѣровъ, и она служитъ одною изъ непреоборимыхъ причинъ къ развитію нищеты въ крестьянскомъ населеніи. Жаль видѣть поселянина, у котораго падежъ отнимаетъ послѣднюю лошадь или корову, лишая его возможности вспахать затѣмъ пашню или вскормить дитя. Притомъ, послѣ вышесказаннаго, мы должны видѣть въ сибирской же язвѣ косвенное вліяніе сѣверныхъ болотъ на состояніе сельскаго хозяйства.

Не менѣе страшными врагами домашняго скота нужно считать для здѣшняго края и хищныхъ животныхъ—волковъ и медвѣдей; всѣ естественныя условія сложились такъ, что домашній скотъ здѣшнихъ поселянъ разводится какъ будто главнымъ образомъ

---

[1]) Журналы Олон. губ. земскаго собранія 1869 г., прилож., стр. 26. Журналы Вытегор. очередн. земск. собранія, стр. 137—146.

[2]) *Бергштрессеръ*, стр. 82.

[3]) *Гриммъ*, Отчетъ по изслѣдованію сибирской язвы, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп., т. III, стр. 64—72.

для кровожадныхъ обитателей лѣса. Въ интересахъ хищниковъ дѣйствуетъ прежде всего міръ насѣкомыхъ. Во многихъ случаяхъ домашнія животныя могутъ пастись въ лѣсахъ только по вечерамъ и ночью; днемъ ихъ пребываніе въ лѣсу дѣлаютъ невозможнымъ комары и оводъ, и животныя ищутъ отъ нихъ спасенія или около жилья, или въ густыхъ чащахъ лѣса. Всякое удаленіе животныхъ отъ жилья, а также появленіе ихъ на пастбищахъ поздно вечеромъ, доставляетъ довольно легкую возможность для хищническихъ на нихъ нападеній. Притомъ, волки до такой степени смѣлы, что даже лѣтомъ, въ виду жителей, таскаютъ овецъ въ свои логовища. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ случилось на моихъ глазахъ около деревни Устьинской, на Тудозерѣ. Еще смѣлѣе становятся они въ концѣ лѣта и осенью; около Оштинскаго погоста, не далеко отъ истоковъ Свири, въ теченіе августа мѣсяца было истреблено волками болѣе десятка разнаго скота; особенно страдаютъ отъ нихъ жеребята. Зимой по дорогамъ волки бродятъ цѣлыми стадами; часто путешествуютъ они отъ деревни къ деревнѣ; въ это время скотъ накрѣпко запирается, но и при этомъ случается, что хищники пробираются даже въ хлѣва. Сильнѣе всего страдаютъ стражи домовъ—собаки [1]), не смотря на то, что ихъ запираютъ въ домахъ. Собака, неосторожно оставшаяся на дворѣ или далеко отошедшая отъ хозяина во время дороги, становится жертвою волка; въ этомъ послѣднемъ случаѣ волки нерѣдко отманиваютъ собакъ въ стороны. Не менѣе опаснымъ для скота является и медвѣдь. По поводу его современныхъ похожденій приведу прежде всего разсказъ о его подвигахъ среди домашняго скота изъ прошлаго. „Деревня Плотичная на лѣвомъ берегу Свири, въ 5 верстахъ отъ Пидьмы. Жители сей деревни“, говоритъ Озерецковскій, „сказывали мнѣ, что много скота, а особливо лошадей, перевелъ у нихъ медвѣдь, отъ котораго особливымъ избавились они случаемъ.

---

[1]) *Берґштрессеръ* (см. стр. 96) говоритъ: „Медвѣдей и волковъ въ губерніи весьма много; волки иногда столь дерзки, что приходятъ зимою, при продолжительныхъ морозахъ, даже въ города и таскаютъ оттуда или собакъ, поздно прогуливающихся по улицамъ, или козловъ, ночующихъ, большею частью, у гостинаго двора вмѣстѣ съ сторожами“.

Двое изъ нихъ, ѣхавши на лодкѣ по Свири выше своей деревни, увидѣли медвѣдя, плывущаго черезъ рѣку отъ праваго берега къ лѣвому, на которомъ пасся у нихъ скотъ; увидя, приняли намѣреніе напасть на него, пока онъ не выплылъ, тотчасъ нагнали его на лодкѣ и въ нѣсколько минутъ убили, не имѣя другаго оружія, кромѣ топора и лодочной мачты. Съ той поры цѣлы у нихъ лошади, коихъ однакожъ послѣ покойника немного осталось, но опасно, чтобы наслѣдники его и послѣднихъ не доконали; ибо ихъ по Свири очень довольно" [1]). Подобные факты и мною были замѣчены въ окрестностяхъ города Вытегры; весьма часто случалось, что крестьяне приглашали меня идти на медвѣдей, производящихъ опустошенія въ ихъ стадахъ. Рѣдко медвѣдь, удачно поживившись изъ стада коровой или лошадью, не повторяетъ нападеніе въ другой, въ третій и т. д. разъ. Выдаются и такого рода медвѣди, которые въ одну ночь или въ сутки давятъ по семи и болѣе штукъ скота; это такъ называемые здѣсь *гонцы*, хищники, производящіе опустошенія не столько для удовлетворенія голода, сколько изъ хищничества и кровожадности; истребляя стада въ одномъ мѣстѣ, гонцы быстро переходятъ для той же цѣли въ другія мѣста или деревни, отстоящія отъ первыхъ на цѣлые десятки верстъ. Въ противоположность этому, обыкновенный медвѣдь, не гонецъ, идетъ за новою добычей только въ томъ случаѣ, когда старая истощается. Вмѣстѣ съ медвѣдемъ и волкомъ нападаетъ на домашнихъ животныхъ и россомаха. Опустошенія, производимыя въ стадахъ звѣрями, громадны. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Вытегорской земской управы, въ 1870 году въ уѣздѣ истреблено хищными звѣрями 1086 головъ скота, то есть, только одною штукой меньше, чѣмъ въ тотъ же годъ похищено сибирскою язвой. Въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, во время моего пребыванія въ Олонецкой губерніи, скота пало отъ хищныхъ звѣрей больше, чѣмъ отъ сибирской язвы. Почти въ каждой изъ деревень было задавлено по 3 или по 5 штукъ скота, такъ что на деревни Гуртники, Чунъ-Ручей, Урюпину, Педяевщину и другія, лежащія около Тудозера, пришлось болѣе 40 головъ, кромѣ тѣхъ, ко-

[1]) *Озерецковскій*, 137—138.

торыя избавились отъ хищниковъ, благодаря настухамъ, хозяевамъ и пр.; на коровахъ или лошадяхъ, подвергшихся нападенію, но избѣгнувшихъ смерти, оставались однакоже сильныя раны или царапины. Очень часто приходится слышать, что въ той или другой сторонѣ ночью былъ слышенъ ревъ коровы, что̀ бываетъ обыкновенно при нападеніи медвѣдя. Къ концу лѣта и въ началѣ осени хищники до такой степени устрашаютъ жителей, что скотъ уже не выгоняется въ поле. Въ Оштинскомъ погостѣ въ продолженіе всей второй половины сентября я не замѣчалъ ни одной коровы или лошади по окрестностямъ; каждый изъ жителей выгонялъ свое собственное стадо — корову съ нѣсколькими овцами, или одинъ изъ жителей захватывалъ вмѣстѣ съ своимъ скотъ своихъ сосѣдей, и загоняя животныхъ на хлѣбное поле, стерегъ ихъ безотлучно въ продолженіе цѣлаго дня, съ утра до вечера. Иначе опасность отъ хищниковъ была бы неминуема. Въ окрестностяхъ Водлозера въ началѣ августа домашній скотъ былъ ежедневно осаждаемъ медвѣдемъ, такъ что послѣ большаго урона жители деревень Куго-Наволока, Путилова и Кевасалмы, въ продолженіе недѣли или болѣе, должны были держать животныхъ во дворахъ, около жилья; медвѣдь былъ однако на столько настойчивъ, что приступилъ и къ жилью, но здѣсь встрѣтился съ достаточнымъ количествомъ ружей, топоровъ и прочаго смертоноснаго оружія, и потому удалился, не достигнувъ своей цѣли. Затѣмъ я могъ бы привести еще много другихъ подобныхъ примѣровъ, еслибы не считалъ достаточнымъ уже вышеприведенныхъ; теперь мнѣ остается указать только на то, что опустошенія, производимыя хищниками въ домашнемъ скотѣ, представляютъ нѣкоторую періодичность; въ одномъ и томъ же мѣстѣ медвѣдь въ одни года больше хищничаетъ, чѣмъ въ другіе; въ одинъ и тотъ же годъ и въ разныхъ мѣстахъ вредъ отъ медвѣдя различенъ, хотя среднимъ числомъ онъ распространенъ повсюду равномѣрно. То же самое и съ волкомъ; на юго-восточномъ прибрежьѣ Онежскаго озера онъ многочисленнѣе, чѣмъ, напримѣръ, около Водлозера, гдѣ онъ показывается въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія: это зависитъ, вѣроятно, отъ большаго изобилія снѣга, которое имѣетъ здѣсь мѣсто. Но при всемъ этомъ вредъ хищниковъ изъ году въ годъ

остается весьма постояннымъ, такъ что нужно удивляться, какимъ образомъ въ самомъ народѣ не придумано ни какихъ сносныхъ средствъ противъ этого зла; въ Олонецкой губерніи не извѣстны даже такія ловушки для волковъ, напримѣръ, какія съ давнихъ поръ существуютъ въ Сибири [1]).

Вышеуказанныя явленія весьма неблагопріятны для скотоводства; но въ природѣ можно найдти такой противовѣсъ, который въ состояніи парализировать ихъ; это—доброкачественность пастбищъ, изобиліе выгоновъ. Въ западной Сибири, среди Барабинской степи, мы и находимъ отчасти такого рода условія; Олонецкая же губернія представляетъ въ этомъ случаѣ иныя обстоятельства. Здѣсь, какъ уже ясно изъ предыдущаго, выгонами служатъ, съ одной стороны, болота, распространяющія заразу въ видѣ сибирской язвы, а съ другой—лѣса, грозящіе другою опасностью, хищниками. Въ то же время здѣсь домашній скотъ встрѣчается съ самою скудною пищею; этотъ фактъ, можетъ быть даже въ слишкомъ уже преувеличенномъ видѣ, разсказывается—почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ—съ тридцатыхъ годовъ до самого послѣдняго времени [2]). Въ мѣстныхъ источникахъ весьма часты извѣстія въ родѣ слѣдующаго: „Недостатокъ сѣна весной (въ 1858 г.) около Лодейнаго поля заставилъ крестьянъ убивать скотъ; пудъ сѣна стоилъ 50 коп., солома — 40 коп." [3]). Таковы бываютъ обыкновенно послѣдствія скудости луговъ; и сила бѣдствія увеличивается еще потому, что здѣсь весьма продолжителенъ періодъ времени, въ теченіе котораго домашнія животныя лишены подножнаго корма и существуютъ только на счетъ заготовленнаго сѣна, соломы или прочаго корма, при чемъ запасы, при трудности сдѣлать ихъ, должны быть велики. И конечно, трудно ожидать благопріятныхъ

---

[1]) Безопасность домашнихъ животныхъ отъ хищниковъ вообще мало обезпечена въ большей части Россіи, и недавно въ С.-Петербургскомъ земскомъ собраніи было высказано предположеніе о средствахъ къ истребленію волковъ. Трудно рѣшить, къ какимъ практическимъ результатамъ приведутъ постановленія земства. См. Журналъ Охоты и Коннозаводства, 1873 г., № 1.

[2]) *Бергштрессеръ*, 79; *Пушкаревъ*, 54; Ол. губ. вѣд. 1847 г. № 23; Памятн. кн. Ол. губ. за 1864 г., 42; Пам. кн. за 1865 г., 60.

[3]) Олон. губ. вѣд. 1858 г. № 33, стр. 119.

условій для подножнаго корма въ весну, которая характеризуется слѣдующими, напримѣръ, непривлекательными признаками: „Весна начинается обыкновенно въ концѣ апрѣля, но весьма рѣдко сопровождается днями теплыми; иногда снѣгъ остается въ лѣсахъ до половины мая, а въ оврагахъ, лежащихъ въ сѣверной части губерніи, и до іюля мѣсяца. Послѣдніе весенніе морозы бываютъ еще въ маѣ и даже въ первыхъ числахъ іюня“ [1]). Мнѣ самому пришлось встрѣчать весну при устьѣ Вытегры. Въ первыхъ числахъ мая вся почва и всѣ деревья стояли голыми; 4-го мая на болотахъ только что началъ цвѣсти небольшой болотный кустарникъ—Andromeda; 10-го по окраинамъ болотъ, въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, распустились селезеночникъ (Chrysosplenium) и курослѣпъ (Caltha); около тѣхъ же мѣстъ собирался раскрыть свои цвѣты и листья бѣлокрыльникъ (Calla). Съ самаго начала мая и древесная растительность начала развивать свои листовыя почки, но такъ медленно, что къ половинѣ мѣсяца едва только на концахъ почекъ выглядывали зеленыя части молодыхъ листьевъ, и деревья казались безлистными и голыми; 15-го мая жители безъ березокъ праздновали Троицу, а 16-го, въ Духовъ день, выпалъ снѣгъ, сопровождаемый сырою, холодною и вѣтряною погодой. Такая весна, когда лишь въ концѣ мая и въ началѣ іюня сухая и желтая прошлогодняя трава замѣнилась зеленою и свѣжею, представляла весьма мало хорошаго для скота. Въ продолженіе всего апрѣля скотъ сидѣлъ взаперти; первая половина мая также не давала ему корма. Я не одинъ разъ слышалъ мычаніе коровъ, пребывающихъ въ хлѣвахъ на жесткой соломѣ. Крестьяне, охая и жалуясь на отсутствіе кормовъ на выгонахъ, прибавляли нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Вишь, скотина-то тоснуть (тосковать) начала, ни пить, ни ѣсть не стала; все въ лѣсъ хочется. А въ лѣсу-то черно да голо!“ Мало пріидется прибавить къ вышесказанному о пастбищахъ. Олонецкая губернія въ крайне рѣдкихъ случаяхъ надѣлена естественными сухими лугами; жителю приходится отвоевывать отъ природы необходимое; онъ вычищаетъ на опушкахъ лѣсовъ небольшіе клочки земли; здѣсь онъ убираетъ валежныя

---

[1]) *Пушкаревъ*, 25.

деревья, пни и камни, и правда, тогда подъ сѣнью деревъ выростаетъ красивый коверъ сочной зеленой травы, которая и служитъ потомъ для выкашиванія. Иногда такія лѣсныя лужайки образуются сами собою, и скотъ пользуется ими для своихъ непосредственныхъ цѣлей. Вообще, можно сказать, что трава, выростающая въ глубинѣ и по опушкамъ лѣсовъ, иногда по окраинамъ болотъ, отличается своею сочностью; жаль только одного, что она является въ маломъ количествѣ. По временамъ можно встрѣтить и по берегамъ рѣкъ хорошія кормовыя травы; луга въ верховьяхъ р. Вытегры или Шимы даже поразили меня своимъ видомъ, своими разнообразными растеніями, изъ которыхъ среди злаковъ выдавались купальницы (Trollius), лютикъ, вероника, чина (Zathyrus) и пр. Такого же вида картина представляется иногда на сухихъ окраинахъ болотъ. Здѣсь также зелень является поразительно красивою, особенно по изобилію крупныхъ и мелкихъ видовъ папоротниковъ [1]). Однимъ словомъ, во многихъ случаяхъ ясно, что при нѣкоторой культурѣ и сравнительно небольшомъ трудѣ большія пространства Олонецкой губерніи могли бы дать чрезвычайное изобиліе корма. Въ губерніи уже были попытки травосѣянія, и по видимому, весьма удачныя, но дальнѣйшаго примѣненія къ практикѣ онѣ, кажется, не имѣли; по крайней мѣрѣ въ двухъ уѣздахъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ, мнѣ не представилось случая наблюдать травосѣяніе.

Вообще, въ настоящее время мы не находимъ въ Олонецкой губерніи изобилія въ пастбищахъ съ хорошею и питательною травой [2]); кромѣ указанныхъ уже неудобствъ отъ хищниковъ и овода, пребываніе скота въ лѣсахъ опасно и по большому количеству грязей; скотъ часто вязнетъ въ нихъ, такъ что жители отправляются изъ деревень ватагами для высвобожденія увязшихъ коровъ. Затѣмъ паства никогда не ограничивается однимъ лѣсомъ; скотъ пасется часто и на болотахъ,—въ этомъ мнѣ приходилось

---

[1]) *Бергштрессеръ*, 78.

[2]) *Бергштрессеръ* также указываетъ на распространеніе многихъ питательныхъ травъ въ Олонецкой губерніи; но отсюда не слѣдуетъ выводить, какъ это онъ думаетъ, что здѣсь имѣются въ такомъ же изобиліи и вполнѣ удобныя пастбища. См. стр. 79.

ясно убѣдиться при устьѣ р. Вытегры. Выгонами часто служатъ острова среди большихъ озеръ: жители перевозятъ скотъ на ближайшій не заселенный островъ и оставляютъ его здѣсь на все лѣто; сюда ежедневно ѣздятъ женщины на лодкахъ доить своихъ коровъ; это мнѣ пришлось видѣть на Водлозерѣ; впрочемъ такъ дѣлаютъ по преимуществу жители островковъ для спасенія скота отъ хищниковъ, но и это удается невсегда. Почти на моихъ глазахъ жители деревни Кавза-Наволока были перепуганы извѣстіемъ, что на ближайшій островъ, гдѣ у нихъ пасся скотъ, забрался съ материка, вплавь черезъ заливъ, хищникъ — медвѣдь или россомаха, и попортилъ коровъ.

Итакъ, если многія изъ мѣстностей Олонецкой губерніи не представляютъ полной бѣдности въ пастбищахъ, то относительно сѣнокосовъ она положительно обижена. Въ окрестностяхъ Вытегры мѣстъ сухихъ, съ хорошими питательными травами, такъ мало, что жители большую часть сѣна заготовляютъ на болотахъ: здѣсь растетъ исключительно осока, и къ времени поставки сѣна она выростаетъ высокою и густою и дѣлается жесткою и грубою. Выкошенная, она нерѣдко заливается водой отъ рѣкъ или дождевою, и потому становится почти черною. Понятно, что она не можетъ быть сколько-нибудь питательною и пріятною для скота. Между тѣмъ все заготовляемое здѣсь сѣно отличается такимъ характеромъ; и можетъ быть, поэтому всякое сѣно называется здѣсь „болотомъ“. Въ деревняхъ около устья Вытегры и по Тудозеру часто говорятъ: „я спалъ на болотѣ“, то есть, на сѣнѣ; или: „принеси сюда болото!“ Въ другихъ случаяхъ приготовляется для скота еще болѣе оригинальный кормъ: это листья ивы. Такой обычай распространенъ въ окрестностяхъ Водлозера: жители, особенно женщины, почти ежедневно привозятъ на лодкахъ или въ мѣшкахъ большое количество ивовыхъ листьевъ и стелютъ ихъ въ избахъ, на полъ; этотъ листъ служитъ жителямъ и постелями; черезъ день или два старый листъ убирается, а на мѣсто его стелется новый. Зимой такой листъ кладется въ горячую воду и въ такомъ видѣ, вмѣстѣ съ настоемъ, идетъ въ пищу скоту. Кромѣ листа, собирается въ большомъ количествѣ кипрей (Epilobium angustifolium); онъ сушится на воздухѣ пучками и имѣетъ то же назначеніе, что и листья. Кстати

сказать, сами жители пьютъ то же самое растеніе, подъ именемъ чая, получая его за дорогую цѣну изъ какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ источниковъ. Въ заключеніе замѣчу, что жители такъ мало могутъ заготовлять сѣна, что уже, по показаніямъ Бергштрессера, при наступленіи зимы продаютъ большую часть рогатаго скота [1]).

Изъ представленнаго очерка, я полагаю, будетъ до нѣкоторой степени ясенъ рядъ неблагопріятныхъ условій для развитія скотоводства въ Олонецкой губерніи. Теперь я укажу на частные случаи. Въ деревняхъ при устьѣ р. Вытегры, приходится по 1, изрѣдка по 2 лошади на хозяйство. Есть по нѣскольку и такихъ семействъ, у коихъ лошадей совсѣмъ не имѣется; въ Гуртникахъ на 17 домовъ оказывается два семейства безъ лошади. Въ деревняхъ по Тудозеру число семействъ, не имѣющихъ лошадей, увеличивается, но большинство все-таки остается съ лошадьми и коровами. Наиболѣе состоятельныя имѣютъ отъ 5 до 10 овецъ. Спосны здѣсь по виду коровы; овцы мелки; лошади, кромѣ того, забиты и измучены, такъ что у нихъ легко можно пересчитать ребра. Притомъ нужно замѣтить, что здѣсь по деревнямъ свиньи не разводятся, также, какъ далѣе, на Водлозерѣ, — мѣстность, о распредѣленіи скота въ которой между сельскимъ населеніемъ я располагаю нѣсколько болѣе полными данными. Можетъ быть, окрестности Вытегры болѣе богаты скотомъ (съ чѣмъ я впрочемъ здѣсь не имѣлъ возможности ближе познакомиться), сравнительно съ Водлозеромъ; но изучая скотоводство Водлозёровъ, мы можемъ согласиться, что и то общее и ничтожное количество скота, о которомъ мы говорили въ началѣ главы, распредѣлено очень неравномѣрно, вслѣдствіе чего здѣшнее скотоводство представляется въ гораздо болѣе худшемъ видѣ, чѣмъ это можно думать на основаніи вышесказаннаго. Въ селеніи Маломъ Куго-Наволокѣ считается 9 домовъ; всего скота приходится на селеніе 6 лошадей и 9 коровъ, которыя распредѣлены такъ: одинъ житель имѣетъ 2 лошади и 4 коровы; другой имѣетъ 1 лошадь и 2 коровы; у трехъ жителей по 1 лошади и 1 коровѣ; у остальныхъ 4 семействъ нѣтъ

---

[1]) *Бергштрессеръ*, стр. 75 и 89.

*

ни коня, ни коровы. Почти на противоположном концѣ Водлозера, въ селеніи Коскосалмѣ, расположенной на большомъ островѣ Канза-Наволокѣ и состоящей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей съ 32 дворами, встрѣчаемъ нѣчто подобное же; изъ общаго числа только 14 жителей или дворовъ имѣютъ по лошади или коровѣ или по нѣскольку лошадей и коровъ (1 житель съ 2 лошадьми и 5 жителей имѣютъ по 2 коровы). Изъ остальныхъ на 7 дворовъ приходится только по 1 коровѣ; лошадей нѣтъ; 11 жителей не имѣютъ ни коня, ни коровы. То же самое и на западномъ берегу Водлозера: въ селеніи Охтомостровѣ, гдѣ 11 домовъ, на всѣхъ жителей приходится 6 лошадей и до 10 штукъ коровъ, при чемъ 3 крестьянина имѣютъ по 2 коровы. Въ селеніи Гумаръ-Наволокѣ 13 дворовъ; на 7 дворовъ нѣтъ ни коня, ни коровы; у двухъ семействъ по 3 дойныя коровы, у остальныхъ по коню и коровѣ, или только по одной коровѣ, безъ лошади. Затѣмъ жители нерѣдко, при распросахъ о количествѣ скота, указывали мнѣ на деревеньку Гость-Наволокъ, заключающую въ себѣ три двора; на все это поселеніе приходится одна только лошадь. Къ числу другихъ причинъ, не благопріятствующихъ скотоводству, я долженъ прибавить еще указаніе на то, что многіе изъ Водлозёровъ лишились послѣднихъ коровъ или лошадей въ послѣдніе года, когда они были принуждены ради уплаты податей продавать послѣднюю скотину за половинную цѣну. И это явленіе не мѣстное, но широко распространенное [1]). Рядомъ съ Водлозеромъ, нѣсколько восточнѣе, въ окрестностяхъ Кенозера, жители видимо чувствуютъ меньше бѣдности въ скотѣ. Напримѣръ, въ деревнѣ Рышковой, заключающей въ себѣ до 25 дворовъ, только на 3 двора не имѣется ни коня, ни коровы. Немного иначе къ сѣверо-западу отъ Водлозера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ: здѣсь уже только на 8 душъ приходится по 1 лошади [2]), тогда какъ, по вышеуказанному общему разсчету, для всей губерніи приходилось на 4 души около 1 лошади. Такъ.

[1]) Оно обыкновенно и въ Вытегорскомъ уѣздѣ; на продажу хлѣба въ подобныхъ же случаяхъ, какъ на сильную причину, развивающую нищету, указывалъ одинъ изъ мѣстныхъ гласныхъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 10-го декабря 1863 года.

[2]) Памятн. кн. Олонецкой губерніи за 1868—1869 года, стр. 24.

въ Шунгской волости, наиболѣе богатой изъ всѣхъ, лошадей нѣсколько менѣе, чѣмъ общее число дворовъ, считая каждый дворъ не много болѣе 7 душъ [1]). Въ Мяндусельской волости считается 541 дворъ, а лошадей только 480, такъ что уже по общему разсчету ихъ не хватаетъ на 61 дворъ. Въ Ругозерской волости считается 250 дворовъ, а лошадей 170 штукъ,—недостаетъ на 80 дворовъ [2]), то есть, почти на ⅓ часть населенія; но это отношеніе не имѣющихъ лошадей къ имѣющимъ видимо мало; на самомъ дѣлѣ оно должно быть больше. Какъ это уже можно судить и по Водлозеру, часто наиболѣе состоятельные крестьяне имѣютъ по 2 и даже по 3 лошади; уже Пушкаревъ указывалъ [3]) на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи крестьяне выкармливаютъ по 15 и 30 лошадей для продажи: такого рода случаи, вѣроятно, не рѣдки и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; принимая ихъ во вниманіе, нужно предположить, что едва ли здѣсь, какъ и въ окрестностяхъ Водлозера, число крестьянъ, не имѣющихъ лошадей, не простирается до ⅓ или ½ всего населенія [4]).

Почти повсемѣстно крестьянину, не имѣющему лошадей, обзавестись ими весьма трудно; самая плохая лошадь стоитъ не менѣе 25 руб., а сколько-нибудь сносная — 50 руб. и болѣе. На юго-востокъ Олонецкой губерніи лошади пригоняются съ Поволжья. По Маріинской системѣ, при тягѣ судовъ, приходятъ между прочимъ чрезвычайно изнуренныя лошади, которыхъ хозяева судовъ скупаютъ за ничтожную цѣну въ среднихъ губерніяхъ. Цѣна такихъ лошадей окупается для ихъ хозяевъ тягой судовъ, а затѣмъ онѣ еще продаются крестьянамъ. Такого-то рода лошади, изнуренныя и измученныя, по разсказамъ Олончанъ, легче всего подвергаются сибирской язвѣ и служатъ такимъ образомъ источникомъ заразы. По Ладожскому каналу хорошая шведская лошадь стоитъ до 100 руб. и болѣе. Мѣстная порода лошадей представляетъ мало привлекательнаго; улучшеніе ея было бы настоятель-

---

[1]) Памятн. кн. Олонецкой губерніи, за 1868 — 1869 года, стр. 29 — 44 и 45.

[2]) См. тамъ же, стр. 33, 37, 44, 45 и 45.

[3]) *Пушкаревъ*, стр. 54.

[4]) Здѣсь я долженъ замѣтить, что количество рогатаго скота вездѣ больше, чѣмъ количество лошадей; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ распространены овцы.

ною необходимостью, но заводовъ для разведенія лошадей въ посѣщенной мною мѣстности не имѣется. Въ одномъ случаѣ, около города Пудожа, крестьяне были весьма довольны тѣмъ, что получили на одну изъ волостей хорошаго жеребца отъ государственнаго коннозаводства, не знаю, за какія именно услуги. Кобылицы изъ окрестностей должны были сводиться для случки съ жеребцомъ въ опредѣленное мѣсто. Отъ этой мѣры ожидаютъ хорошихъ послѣдствій, такъ какъ были случаи въ нѣкоторыхъ волостяхъ, когда она приводила къ хорошимъ результатамъ: доброта мѣстной породы весьма повысилась. Не знаю, почему бы подобной хотя мѣрѣ къ улучшенію скотоводства не дать гораздо болѣе широкаго распространенія и не сдѣлать ея до нѣкоторой степени узаконенною?

V.

Ходъ земледѣльческой промышленности съ начала нынѣшняго столѣтія. — Несостоятельность земледѣлія отъ причинъ климатическихъ и почвенныхъ: сѣверо-западная и юго-восточная полосы земледѣлія. — Вліяніе на земледѣліе различныхъ животныхъ. — Скудость и плохія качества удобренія. — Отношеніе къ земледѣлію общественнаго строя. — Подсѣчное хозяйство, какъ первобытная форма земледѣлія, обусловленная характеромъ сѣверной природы; отсутствіе способности въ современныхъ жителяхъ обойдтись помимо него, доказательство — въ судьбѣ Водлозёровъ. — Общность современныхъ земледѣльческихъ орудій съ древне-русскими. — Посѣвы хлѣбовъ въ окрестностяхъ Вытегры, Водлозера и Кенозера. — Виды на улучшеніе земледѣлія въ будущемъ.

Намъ остается разсмотрѣть одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія жителей—хлѣбопашество; при этомъ придется указать только на болѣе существенныя стороны этой отрасли хозяйства, упустивъ изъ виду многія частности, какъ то сдѣлано и въ предыдущей главѣ; иначе статья приняла бы слишкомъ широкіе размѣры. Притомъ въ общихъ чертахъ неудовлетворительное состояніе земледѣльческой промышленности въ Олонецкой губерніи до нѣкоторой степени извѣстно. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „земледѣліе въ Олонецкой губерніи въ крайне ограниченномъ состояніи", или: „земледѣліе и вообще сельское хозяйство въ губерніи на низкой степени развитія" — сдѣлались общими мѣстами и повторяются много десятковъ лѣтъ. Уже на основаніи многихъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, нельзя ожидать здѣсь иного положенія дѣлъ. Въ ходѣ земледѣльческой промышленности у Олончанъ едва-

ли мы найдемъ значительный прогрессъ, начиная почти сначала нынѣшняго столѣтія, если только полагаться—опять долженъ повторить—на имѣющіяся у насъ статистическія данныя.

Въ 1803 году, по отчету министерства внутреннихъ дѣлъ, въ Олонецкой губерніи было посѣяно хлѣба 149,586 четвертей, сжато 542,348 четв.; въ 1804 году посѣяно 121,259 четв., сжато 431,993 четв. [1]). Послѣ этого, спустя 26 или 25 лѣтъ, то есть, въ 1829 году, всего было посѣяно только 118,978 четв., сжато 426,471 четв. [2]); слѣдовательно, и посѣяно, и сжато меньше, чѣмъ четверть столѣтія назадъ. Въ 1832 г. посѣяно во всей губерніи озимаго хлѣба 41,920 четв., яроваго 71,690, всего 113,610 четв. [3]), — на 5,368 четв. меньше, чѣмъ въ 1829 г. Г. Бергштрессеръ, написавшій свою книгу во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, даетъ общую цифру посѣва: озимаго 40,000 четв., яроваго 70,000, всего 110,000 четв. [4]), то есть, еще меньше. Затѣмъ, основываясь на данныхъ 1842, 1843 и 1844 гг., г. Пушкаревъ опредѣлилъ общее количество засѣваемаго хлѣба въ Олонецкой губерніи: озимаго 49,000 четв. и яроваго до 108,000 четв., что вмѣстѣ составляетъ 157,000 четв.; общій урожай онъ принимаетъ отъ 430,000 до 612,000 четв. [5]). Урожай 1803 года немного превосходитъ среднее изъ этихъ чиселъ, а урожай 1804 года равняется наименьшему изъ нихъ. Такимъ образомъ, еслибы признать всѣ приведенныя нами данныя хотя приблизительно вѣрными, то мы должны были бы смотрѣть на земледѣліе въ Олонецкой губерніи, какъ на регрессирующую, приходящую въ упадокъ отрасль хозяйства, и только въ крайнемъ случаѣ, могли бы допустить, что земледѣліе въ продолженіе сорока лѣтъ коченѣло въ одной и той фазѣ развитія, для чего пришлось бы принять данныя за тридцатые года уменьшенными, цифры же за болѣе ранній періодъ времени преувеличенными; но въ пользу этого, кромѣ нѣкоторой невѣроятности въ разности перехода отъ наименьшаго посѣва въ половинѣ тридцатыхъ годовъ къ наибольшему

---

[1]) *Штукенбергъ*, 11.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 10.

[4]) *Бергштрессеръ*, 55.

[5]) *Пушкаревъ*, 50.

въ началѣ сороковыхъ, нѣтъ фактовъ [1]). Свѣдѣнія о посѣвѣ за послѣдующіе года также подтверждаютъ мысль о сильныхъ колебаніяхъ въ ходѣ земледѣлія, и притомъ, больше въ худую сторону; самые лучшіе урожаи послѣднихъ годовъ не выходили изъ тѣхъ предѣловъ, какіе уже извѣстны въ данныхъ за начало столѣтія и за сороковые года. Въ 1846 году было посѣяно 47,021½ четв. озимаго и 90,250½ четв. яроваго хлѣба, всего 137,272 четв.; снято по самъ — 3 [2]), слѣдовательно, 411,816 четв., что̀ гораздо ниже наименьшаго урожая, опредѣленнаго Пушкаревымъ. Въ 1858 году было посѣяно 153,365 четв., снято 524,566 четв., урожай былъ хорошъ, озими самъ—4, яровые хлѣба самъ—3¼. [3]) Въ 1862 году посѣвъ значительно увеличился: въ этотъ годъ было посѣяно 173,220 четвертей озими и яровыхъ хлѣбовъ; но урожай былъ весьма низокъ; снято 488,733 четв. [4]); это количество хлѣба равняется среднему сбору отъ урожаевъ за 1803 и 1804 гг.; оно значительно меньше, чѣмъ сборъ за первый годъ, и больше, чѣмъ за второй. Въ 1863 году посѣяно всего хлѣба 160,113 четв., снято около 538,431 четв.; еслибъ это число было хотя приблизительно вѣрно [5]), то въ немъ мы имѣли бы наибольшій урожай за послѣдніе года, который однакоже не превосходитъ, какъ многіе изъ указан-

---

[1]) Въ пользу того же упадка земледѣлія свидѣтельствуютъ отчасти и цѣны на хлѣбъ; въ 1811 году низшая цѣна за четверть ржаной муки стояла на 14 р.; въ 1829 г. мука продавалась по 6 р. 88 к.; съ 1833 до 1837 г. низшія цѣны были отъ 18 р.—20 р. до 22—23 руб.; въ 1842 г. мука стоила отъ 4 руб. 75 коп. до 7 р. 16 коп.; къ 1850 г. мука понизилась до 4 р. 5 коп. *Штукенбергъ*, 12—13. Въ шестидесятыхъ годахъ цѣны на хлѣбъ снова повышаются: ржаная мука стоитъ отъ 8 р. до 9 и болѣе. (См. Пам. кн. Ол. губ. за 1864 и 1865 гг.).

[2]) Олон. губ. вѣд. за 1847 г. № 3.

[3]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г. стр. 265.

[4]) Пам. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 35. Здѣсь, между прочимъ, въ общемъ итогѣ озимаго посѣва, вмѣсто 60,043, напечатано 6,063.

[5]) На вѣрность же его нельзя разсчитывать: не говоря о томъ, какъ собирались самыя свѣдѣнія для его опредѣленія, оно получено по какимъ-то инымъ правиламъ, чѣмъ простыя ариѳметическія. На стр. 53 (см. Пам. кн. Ол. губ. за 1865 г.) показано, что посѣвъ яроваго хлѣба у государственныхъ крестьянъ равнялся 74,062 а урожай былъ самъ—3½; какое изъ этихъ двухъ чиселъ вѣрно— не извѣстно, такъ какъ сборъ опредѣленъ 24,862, гораздо меньше, чѣмъ посѣ-

ныхъ уже чиселъ подобнаго рода, maximum'а раньше собиравшагося хлѣба, какъ въ 1803 году, такъ и за сороковые года. Изъ всего сказаннаго очевидна полная несостоятельность земледѣлія въ Олонецкой губерніи; при лучшихъ урожаяхъ не хватаетъ громаднаго количества хлѣба для пропитанія мѣстнаго населенія. Въ 1803 году недоставало для продовольствія губерніи 26,537 четв.; въ слѣдующемъ—96,452 четв.; въ тридцатыхъ годахъ, по вычисленію Бергштрессера, требовалось ежегодно прикупать для годоваго пропитанія 256,344 куля хлѣба, что̀ должно было обойдтись, считая куль по 15 руб., въ 3,845,160 руб. [1]), разсчетъ, вѣроятно, не безъ нѣкотораго преувеличенія. По мѣстнымъ источникамъ за послѣдніе года извѣстно, что „хлѣбопашество доставляетъ сельскому населенію годовое продовольствіе только въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ (относительно послѣдняго это не совсѣмъ справедливо); часть жителей уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго и Лодейнопольскаго и почти цѣлые уѣзды Повѣнецкій и Олонецкій покупаютъ себѣ болѣе половины хлѣбнаго продовольствія, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ крестьяне почти исключительно кормятся покупнымъ хлѣбомъ [2]). При этомъ, относительно сѣверныхъ уѣздовъ упущено изъ виду то, что крестьяне питаются хлѣбомъ съ соломой и сосновою корой.

Несостоятельность хлѣбопашества въ Олонецкой губерніи обусловливается весьма разнообразными причинами; сюда, конечно, нужно отнести и причины климатическія—заморозки въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ; въ 1854 году морозами 17-го и 21-го іюня въ Вытегорскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ были причинены большіе убытки [3]); бываютъ заморозки и въ іюлѣ, и въ такомъ случаѣ не бываетъ ни одного мѣсяца въ году безъ мороза, такъ какъ заморозки обыкновенно начинаются съ августа [4]). „По случаю поздней весны, суроваго лѣта и

лно; если же взять произведеніе отъ посѣва на урожай, то получимъ 259,217. Какое изъ чиселъ вошло въ общій итогъ, предоставляю провѣрку другимъ.

[1]) *Бергштрессеръ*, стр. 56.

[2]) Пам. кн. Олон. губ. за 1865 г., стр. 55.

[3]) *Штукенбергъ*, 6.

[4]) Тамъ же.

раннихъ, съ половины іюля, морозовъ, въ 1862 году снято озимаго хлѣба менѣе противъ 1861 года на одну пятую, а яроваго на одну тринадцатую часть“ [1]). Случаи, въ родѣ нижеслѣдующаго, относящагося къ Повѣнецу, не рѣдки: „Холодный уголокъ нашъ, съ болотистою, по большей части, почвою земли, весьма бѣденъ участками, годными къ разработкѣ подъ хлѣбопашество; но въ послѣдніе годы, даже самые посильные труды и заботливость землепашца не вознаграждались осеннею уборкою; особенно 1856 и 1857 годы были печальны для насъ въ этомъ отношеніи; такъ, прошлаго года въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ 9-го по 12-е число, по ночамъ были морозы, погубившіе картофель и другіе овощи у всѣхъ жителей города; холода имѣли вліяніе даже на капусту, и она не могла развиться: при уборкѣ хозяева довольствовались только сѣрыми листьями и *мошенками*, какъ обыкновенно называютъ здѣсь слабый клубъ капусты, только что начинающій принимать свою форму. Пострадалъ также и озимый хлѣбъ отъ этихъ морозовъ: рожь, большею частію, позябла и только въ немногихъ мѣстахъ, у нѣкоторыхъ счастливцевъ, осталась невредимою, хотя конечно, и тутъ холода тоже воспрепятствовали налиться совершенно зерну“ [2]). Или имѣемъ факты въ родѣ слѣдующаго: въ Петрозаводскѣ, 5-го іюня „очень рѣзкій градъ при сильномъ вѣтрѣ причинялъ даже боль на лицѣ. Въ ночи на это число былъ морозъ, повредившій въ садахъ георгины, цвѣтъ фруктовыхъ деревъ и нѣкоторую огородную зелень“ [3]). Вѣроятно, подобнаго рода явленія не рѣдко случаются въ различныхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи; притомъ бывали они какъ въ окрестностяхъ, такъ—нужно думать—и въ здѣшнемъ краѣ въ отдаленныя времена: въ 1466 г., въ Новгородской и Устюжской областяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ отъ великихъ морозовъ, случившихся около 29-го іюня, всѣ полевыя растенія позябли; въ 1682 году случился такой же морозъ 22-го іюля, и притомъ,

---

[1]) Памятн. кн. Ол. губ. за 1864 г., стр. 38.

[2]) Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 22, стр. 74—40. Въ томъ же Повѣнецкомъ уѣздѣ хлѣбъ пострадалъ отъ раннихъ осеннихъ морозовъ въ 1867 году. Пам. кн. Ол. губ. за 1868—1869 гг., стр. 40.

[3]) Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 91, стр. 112. Метерол. наблюд. *Смоликова.*

снѣгу высыпало на 7 вершковъ [1]). Сюда же нужно отнести градобитія.

Къ несовсѣмъ благопріятнымъ для земледѣлія условіямъ метеорологическимъ присоединяются почвенныя. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Олонецкая губернія раздѣляется на двѣ части, плодородіе которыхъ обусловливается залегающими въ нихъ горными породами. Большая часть сѣверо-запада губерніи характеризуется распространеніемъ кристаллическихъ и метаморфическихъ породъ, гранитовъ, гнейсовъ, діоритовъ, кварцитовъ и различныхъ кристаллическихъ сланцевъ; онѣ являются въ формѣ кряжей, представляютъ ряды округленныхъ холмовъ или же образуютъ отвѣсныя голыя скалы и обрывы. Обыкновенно эти возвышенія образуютъ между собою продольныя долины, которыя заполняются въ такомъ случаѣ глинами, съ большимъ количествомъ валуновъ и съ обломками окрестныхъ твердыхъ горныхъ породъ; такимъ образомъ является каменистая почва; съ одной десятины собирается громадное количество камней, совершенно лишнихъ для пахаря и замедляющихъ его трудъ. Долины между горами бываютъ заполнены также озерами, образующими торфъ съ разныхъ сторонъ, или же въ нихъ залегаетъ торфъ уже готовый, давно образовавшійся на мѣстахъ бывшихъ озеръ. Эти-то два рода почвъ преобладаютъ въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ, Олонецкомъ, частію въ Лодейнопольскомъ, особенно по холмистымъ берегамъ р. Свири, частію въ Вытегорскомъ и въ сѣверо-западной части Пудожскаго уѣзда. Рѣдко прерываются онѣ песками съ иломъ или же однимъ иломъ, для котораго твердыя кристаллическія породы служатъ несомнѣнно скуднымъ источникомъ. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется небольшая юго-восточная часть губерніи; здѣсь, частію въ Вытегорскомъ, частію въ Пудожскомъ, а главнымъ образомъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, развиты породы осадочныя, отчасти пласты девонской формаціи, занимающей юго-восточное прибрежье Онежскаго озера, большею частью осадки каменноугольные, распространяющіеся преимущественно въ Каргопольскомъ краѣ. Несомнѣнно, что эти породы, отличаясь мягкостью, легче поддавались размыва-

[1]) Олон. губ. вѣд. за 1847 г. № 16.

нію, какъ я упомянулъ уже объ этомъ раньше, и притомъ, есть основаніе думать, что онѣ подвергались процессу размыванія въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени [1]); отсюда, можетъ быть, вытекаетъ сравнительное изобиліе и нѣкоторое разнообразіе почвъ, удобныхъ для хлѣбопашества и распространенныхъ здѣсь. Уже самый характеръ глинистыхъ и песчано-глинистыхъ почвъ съ валунами здѣсь нѣсколько иной, чѣмъ въ сѣверо-западной части губерніи; встрѣчающееся здѣсь разнообразіе новѣйшихъ образованій тѣсно связано съ тѣмъ же разнообразіемъ основныхъ породъ. „Сильное вліяніе оказалъ нижній слой послѣ третичныхъ образованій, то есть, красноватый глинистый песокъ съ валунами горнаго известняка. Такъ, почти по всему бассейну рѣки Онеги этотъ слой далъ начало красноватымъ глинистымъ пескамъ или песчанымъ глинамъ, намытымъ въ изобиліи по берегамъ этой рѣки и ея притокамъ; мощность этихъ образованій иногда весьма значительна. Въ другихъ мѣстахъ верхній слой послѣ-третичныхъ образованій снабдилъ матеріаломъ рѣки и далъ начало желтоватому аллювіальному песку, какъ это мы видѣли на восточномъ берегу Онежскаго озера и по р. Кенѣ. Въ ложѣ небольшихъ ручейковъ, какъ напримѣръ, р. Гремящаго, впадающаго въ р. Онегу, иногда находимъ отложенія бѣлыхъ глинъ, которыя произошли черезъ размываніе глинъ каменноугольной системы. Въ другихъ ручьяхъ, какъ напримѣръ, въ Петровскомъ, съ верховьевъ были вынесены различные растительные остатки, носящіе на себѣ даже слѣды рукъ человѣческихъ, что̀ доказываетъ образованіе ихъ уже во времена человѣка" [2]). При этомъ я долженъ сказать, что самое присутствіе кремней въ новѣйшихъ наносахъ около Кенозера указываетъ на связь ихъ происхожденія съ каменноугольными осадками; почвы, изобилующія кремнями, распространены и дальше, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, по р. Мошѣ [3]). Такимъ образомъ, вторая изъ полосъ представляетъ значительно больше удобства для хлѣбопашества, благодаря рыхлымъ новѣйшимъ отложеніямъ. Различ-

---

[1]) *А. Иностранцевъ*, Геологическія изслѣдованія на сѣверѣ Россіи въ 1869 и 1870 года, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп. т. III, 322.

[2]) Тамъ же, стр. 323—328 и 333.

[3]) Олон. губ. вѣд. за 1864 г. стр. 121.

наго рода глины, характеризующія преимущественно первую изъ полосъ, во всѣхъ отношеніяхъ мало удобны для воздѣлыванія. Мнѣ пришлось лично убѣдиться, какъ измѣнчива глина въ самые короткіе періоды времени, особенно при здѣшней, весьма измѣнчивой погодѣ. Весной, послѣ продолжительныхъ дождей, глина разбухаетъ, превращаясь въ пластическую, липкую массу. Въ такомъ случаѣ она недоступна для вспахиванія; лошадь глубоко вязнетъ въ ней, а соха облѣпляется ею, теряя подобіе земледѣльческаго орудія; пачкается и самъ пахарь; нужно удобный моментъ для того, чтобъ ее разрыхлить: нѣсколько сухихъ и вѣтряныхъ дней, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка, дѣлаютъ ее недоступною ни для сохи, ни для силъ лошади; она превращается въ плотную, твердую массу и начинаетъ уже давать щели по разнымъ направленіямъ. Эту способность глины сильно измѣняться отъ дѣйствія воды до нѣкоторой степени регулируетъ примѣсь песку, а также и валуны, сопровождающіе ее повсемѣстно въ различныхъ количествахъ, но за то они увеличиваютъ трудность перепахиванія почвы, и притомъ, являясь иногда уже въ чрезмѣрномъ изобиліи, уменьшаютъ ея плодородіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы получаемъ такъ называемую тощую почву, требующую сильнаго удобренія; но этому условію Олонецкая губернія и не можетъ удовлетворить съ достаткомъ; итакъ, при подобныхъ качествахъ почвы. Сѣверо-западная часть губерніи не можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ. Сравнительно съ нею, юго-восточная часть губерніи обставлена благопріятнѣе: здѣсь встрѣчается болѣе значительное богатство новѣйшихъ образованій, иловъ и песковъ съ глиною; эти почвы рыхлѣе и содержатъ въ себѣ запасъ органическихъ остатковъ; притомъ здѣсь мы находимъ и болѣе богатый растительный слой, хотя сильный и упорный трудъ около пашни является и здѣсь вполнѣ необходимымъ. На довольно рѣзкое почвенное различіе между окрестностями Водлозера, служащими представителемъ сѣверо-западной полосы въ губерніи, и мѣстностями около Кенозера, принадлежащими къ юго-восточной земледѣльческой области, я уже указалъ выше (см. стр. 352—353). Здѣсь представляю фактъ о различіи почвъ въ предѣлахъ самаго Водлозера: какъ материкъ, такъ и всѣ почти острова отличаются сильно ка-

менистою почвой, и исключеніемъ служатъ лишь два острова: одинъ изъ нихъ небольшой—Ильинскій, съ церковью, а другой немного бо̀льшій—Колгостровъ; оба они обладаютъ иловато-песчаною почвою, не содержащею въ себѣ валуновъ; они, вѣроятно, имѣютъ сравнительно недавнее происхожденіе; и эти острова славятся по всему Водлозеру своимъ плодородіемъ и удобствомъ къ обработкѣ.

Укажу еще на одинъ факторъ, весьма вредно отзывающійся по временамъ на здѣшнемъ земледѣліи, — это такъ называемый червь; его дѣйствіе на олонецкія хлѣбныя поля аналогично опустошеніямъ, производимымъ саранчей на поляхъ южной Россіи. По видимому, онъ весьма давно извѣстенъ въ Олонецкой губерніи. Есть извѣстія, что червь производилъ опустошенія на хлѣбныхъ поляхъ и въ прошломъ столѣтіи. Осенью 1789 года онъ поѣлъ въ Лодейнопольскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ болѣе 1400 четв. хлѣба. Въ Олонецкомъ, гдѣ онъ истреблялъ посѣвы съ 30-го августа по 23-е сентября, было посѣяно 4105 четв., съѣдено 442 четв. Въ Лодейнопольскомъ было посѣяно 2143 четв., съѣдено 1003 четверти, то есть, посѣвъ истребленъ на половину [1]). Показывался червь въ Олонецкой губерніи и въ 1840 году [2]). Затѣмъ имѣются данныя за 1843 г. У Пушкарева показанъ истребленнымъ посѣвъ только у удѣльныхъ крестьянъ, именно 31 четв. общественной запашки и 412 четв. запашки крестьянской [3]). Но нужно полагать, что истребленіе не ограничилось посѣвами удѣльныхъ крестьянъ, но распространилось и на посѣвы другихъ поселянъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ нашествіе червя на хлѣба въ 1870 году. Появившись осенью этого года, онъ распространился въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Лодейнопольскомъ, Олонецкомъ, Пудожскомъ, Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ [4]). Истребивъ большое количество озими осенью, весной онъ снова напалъ на посѣвы и уничтожалъ яровые хлѣба, засѣянные вмѣсто истребленныхъ, такъ что многіе

---

[1]) Олонецк. губ. вѣд. 1846 г. № 36.

[2]) Олонецк. губ. вѣд. за 1871 г. стр. 270.

[3]) *Пушкаревъ*, 50.

[4]) См. Олон. губ. вѣд. за 1871 годъ, стр. 974, указатель статей о хлѣбопашествѣ. Я слышалъ о распространеніи червяка и дальше къ востоку, за Каргопольскій уѣздъ.

крестьяне, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Вытегры и въ Пудожскомъ уѣздѣ, отъ трехъ посѣвовъ не возвратили и сѣмянъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, червь истреблялъ или 1/2 или 1/3 озимыхъ посѣвовъ; въ деревнѣ Урѣпиной, на берегу Лужандозера, онъ съѣлъ изъ 143 засѣянныхъ пудовъ всходы отъ 62 пуд., слѣдовательно, 43% посѣва, притомъ такъ, что однимъ пашнямъ вредилъ меньше—съѣдалъ 1/3 или половину, другія же опустошалъ на голо. По Тудозеру, напримѣръ, въ Бабовщинѣ, онъ истребилъ до 2/3 посѣвовъ; около Водлозера онъ распространился преимущественно на западномъ берегу и почти не тронулъ хлѣбовъ на восточномъ. Около Ильмасъ-озера, у одного изъ самыхъ состоятельныхъ жителей, червь принесъ убытку рублей на 200. Весной онъ былъ уже въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ осенью. На слѣдующій 1871 годъ появленія его также опасались, но его уже не было, или же слышались жалобы только мѣстами. Въ этомъ случаѣ, на мѣсто его, какъ мнѣ пришлось лично убѣдиться, вредилъ озимямъ небольшой слизнякъ; я находилъ его въ большомъ количествѣ на пашняхъ около Сумозера и въ окрестностяхъ Вытегры; онъ собирался на озимыя поля въ концѣ августа и въ первой половинѣ сентября, безъ сомнѣнія потому, что здѣсь находилъ сочную зелень вмѣсто посохшей травы на тощихъ лугахъ и въ лѣсу. Средствъ къ истребленію этого слизняка, а равно, и червя, конечно, не придумано, особенно такихъ, которые радикально отстраняли бы зло. Многія изъ предлагаемыхъ средствъ, какъ-то непосредственное истребленіе какъ самыхъ червей, такъ и источника, изъ котораго они возникаютъ [1]), далеко не достигаютъ цѣли, вмѣстѣ съ окопкою пашенъ рвами, что̀ повлекло бы за собою издержки и трату

---

[1]) Мнѣ лично не удалось найдти червей, такъ какъ къ времени моего пріѣзда они исчезли или показывались въ разныхъ мѣстахъ спорадически. *О. А. Гриммъ*, получивши изъ Вытегорскаго уѣзда нѣсколько экземпляровъ червей, истреблявшихъ хлѣбъ, нашелъ, что они принадлежатъ къ двумъ видамъ: одинъ изъ нихъ —личинка хруща (Melolontha), другіе—гусеницы бабочки совиноголовки озимой или ночницы (Agrotis exlamationis); хотя оба вида одинаково извѣстны по вреду какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи, однако въ данномъ случаѣ больше вѣроятности, что главнымъ врагомъ была гусеница ночница. Сообщеніе въ засѣд. В. Эк. Общ. 22-го октября 1870 г. и Олон. губ. вѣд. 1871 г. стр. 269.

времени, не избавивъ окончательно поля отъ порчи. Точно также не приложимы для Олонецкой губерніи и тѣ средства, которыя считаются дѣйствительными и радикальными. Нѣкогда думали, что если бы въ губерніи было достаточное число кротовъ, ежей, грачей, галокъ, жаворонковъ, плисокъ, ласточекъ, козодоевъ, совъ и т. прочихъ животныхъ, истребляющихъ червя, то можно было бы быть увѣреннымъ, что озимыя поля здѣшней мѣстности были бы теперь въ цвѣтущемъ состояніи [1]). Но еслибъ это было бы и справедливо, то это средство къ истребленію не имѣло бы успѣха потому, напримѣръ, что кротъ весьма рѣдокъ въ Олонецкой губерніи; для ежа съ южными предѣлами губерніи совпадаетъ сѣверная граница распространенія, и онъ, какъ и грачъ, появляется здѣсь только случайно, хотя мнѣ ни того, ни другого видѣть не удалось; галка держится только въ городѣ, рѣдко на пашняхъ. Главные же враги червя—жаворонки, плиски, ласточки и козодой, оставляютъ Олонецкую губернію какъ разъ въ то время, когда въ концѣ августа и въ сентябрѣ появляется на озимяхъ червь. Весной они возвращаются здѣсь почти только тогда, когда червь исчезаетъ. Такимъ образомъ, изъ птицъ весьма немногія занимаются истребленіемъ червя; этими наклонностями особенно отличаются вороны; другія птицы — болѣе случайные враги червя. По наблюденіямъ жителей, червь появляется на поляхъ періодами; нѣкоторые говорятъ, что лѣтъ черезъ 15. Одно изъ употребляемыхъ у нихъ средствъ — посѣвъ раньше или позже обыкновеннаго, но это не ведетъ къ цѣли: червь съѣдаетъ и ранніе, и поздніе посѣвы одинаково.

Существуютъ и другіе враги хлѣбныхъ посѣвовъ; на яровые хлѣба часто прилетаютъ дикіе голуби и ѣдятъ засѣянныя зерна; то же дѣлаютъ и вороны; не говоря о многихъ мелкихъ зерноядныхъ птицахъ, я часто замѣчалъ на пашняхъ чаекъ (въ Сибири, по р. Ленѣ, я находилъ въ желудкахъ чаекъ конопляное сѣмя). На горохи залетаютъ по обыкновенію журавли. Не меньше вредятъ пашнямъ, особенно озимямъ, зайцы. Самымъ ярымъ врагомъ овсовъ является, конечно, медвѣдь; обыкновенно подъ осень онъ истреблялъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ громадныхъ количествахъ,

---

[1]) См. то же сообщеніе г. Гримма.

цѣлыя овсяныя поля, такъ что во многихъ случаяхъ крестьяне, во избѣжаніе этихъ медвѣжьихъ услугъ, стараются сѣять овесъ по возможности близко къ жилью.

Итакъ, вотъ наиболѣе значительныя трудности, представляющіяся хлѣбопашцу въ описанной мѣстности; онѣ существенно важны, но природа все таки дала очень мало средствъ для того, чтобъ успѣшно преодолѣвать ихъ. Самое постоянное требованіе здѣшней почвы, безъ удовлетворенія которому она не даетъ нужныхъ плодовъ, это—навозъ, удобреніе; и какъ мы уже раньше видѣли, главный источникъ для него—скотоводство, скудно въ губерніи; во многихъ мѣстахъ жители на половину лишены скота, слѣдовательно, лишены возможности имѣть хотя сносные урожаи. Недостатокъ скота обусловленъ тою же природою, тѣмъ же угрюмымъ, лѣсистымъ и болотистымъ характеромъ мѣстности, соединеннымъ съ отсутствіемъ естественныхъ луговъ, и та же юго-восточная полоса, обставленная наиболѣе выгодно въ земледѣльческомъ отношеніи, сравнительно лучше обезпечена удобреніемъ, такъ какъ здѣсь и луговъ, и скота больше. Притомъ еще Бергштрессеръ указалъ на плохія качества здѣшняго удобренія въ слѣдующихъ словахъ: „Навозъ здѣшній не имѣетъ много удобрительныхъ частицъ, потому что: 1) скотина кормится болѣе соломою, нежели сѣномъ; 2) навозъ не гноятъ настоящимъ образомъ, потому что онъ лежитъ въ хлѣвѣ до вывоза на поля, слѣдственно, не прѣетъ такъ, какъ лежащій въ кучѣ; по этому для полученія хорошаго урожая нужно употребить его гораздо большее количество; 3) всѣ животныя находятся въ одномъ хлѣву: лошади, коровы, овцы и свиньи, слѣдственно, навозъ ихъ не раздѣляется по свойству и дѣйствію своему на соотвѣтственныя почвы“ [1]). Къ этому я долженъ прибавить еще то, что жители, для увеличенія количества навоза, даютъ возможность скоту затаптывать въ изверженія большое количество соломы, отчего весь навозъ не представляется въ болѣе или менѣе рыхломъ видѣ, а склеивается въ массу, въ которой солома составляетъ преобладающій элементъ.

Теперь мнѣ остается замѣтить, что не подъ однимъ только

[1]) *Бергштрессеръ*, 56.

вліяніемъ выше представленныхъ естественныхъ условій развивалось олонецкое земледѣліе; на него несомнѣнно вліяли неблагопріятно и другіе факторы—именно общественные или соціальные. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что природа не измѣнилась въ существенныхъ своихъ чертахъ въ отношеніи климатическомъ, почвенномъ и пр. съ начала нынѣшняго столѣтія; между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, земледѣліе, вѣроятно, падало съ начала столѣтія до сороковыхъ годовъ, а затѣмъ стало возвышаться до первоначальнаго своего состоянія; словомъ, отсюда видно, что при однихъ и тѣхъ же естественныхъ условіяхъ оно является то въ нѣсколько лучшемъ, то въ худшемъ состояніи: фактъ этотъ указываетъ на важность общественнаго строя, на силу его въ томъ случаѣ, когда онъ сложенъ раціонально, и обратно, на то, какъ плохо обезпечено право на существованіе того общества, которое не выработало умственныхъ силъ для того, чтобы выгодно пользоваться тѣми или другими сторонами природы, улучшать старые методы пользованія или выработывать новые. Таковы и отношенія олонецкаго земледѣльца къ тому, что его окружаетъ. Онъ пока мало культивировалъ почву Олонецкой губерніи и не внесъ существенныхъ измѣненій въ способы ея обработки; притомъ же, въ выборѣ самой почвы онъ потерялъ ту неограниченность и свободу, съ которыми онъ только и могъ существовать здѣсь прежде; неограниченный и свободный выборъ земли для пашни соединялся съ тѣмъ, что̀ мы называемъ подсѣчнымъ хозяйствомъ.

Въ судьбѣ подсѣчнаго хозяйства мы видимъ доказательство медленнаго развитія олонецкаго обитателя. Начало такого рода земледѣлія положено въ весьма отдаленное отъ насъ время; Новгородцы, засѣляя Сѣверъ, обыкновенно выжигали лѣса въ томъ мѣстѣ, которое они находили удобнымъ для жилища. На ряду съ желаніемъ нажиться отъ ловли пушныхъ звѣрей, они обладали вѣками выработанною склонностью къ хлѣбопашеству. Эта-то склонность и находила себѣ удовлетвореніе на той почвѣ, гдѣ выжженъ первобытный лѣсъ; урожаи на подобныхъ пашняхъ отличались большимъ изобиліемъ. Благодаря этому, можетъ быть, чисто случайный фактъ превратился въ систему; выжиганіе лѣсовъ спеціально для посѣва хлѣба сдѣлалось необходимостью и распространилось на

всѣхъ поселянъ Сѣвера; въ теченіе длиннаго періода времени этотъ способъ считался наиболѣе примѣнимымъ къ мѣстности, всосался, такъ сказать, въ плоть и кровь сѣвернаго хлѣбопашца и до сихъ поръ не теряетъ своего значенія въ его глазахъ. И въ самомъ дѣлѣ, урожаи бываютъ велики на мѣстахъ выжженныхъ лѣсовъ, на палахъ или полянахъ; рожь сѣется на такихъ мѣстахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, иногда болѣе, сряду и даетъ урожай отъ самъ—10 или 15 до самъ—20, и это въ томъ случаѣ, когда выжигается не очень крупный лѣсъ, который былъ уже разъ выжженъ или вырубленъ; увѣряютъ, что урожай доходитъ до необыкновеннаго изобилія на мѣстахъ, гдѣ выжженъ не тронутый строевой и мачтовый лѣсъ; здѣсь получается въ продолженіе двухъ лѣтъ самъ—40 и 50 или самъ—55 [1]). Теперь вырубка строевыхъ лѣсовъ уже не возможна, и подсѣки ограничиваются по преимуществу мелколѣсьемъ, на мѣстѣ котораго уже бывали пашни; по урожаямъ самъ—15 или 20 эти мѣста считаются до сихъ поръ выгодными для обработки, и даже пашни крестьянъ около устья Вытегры и Тудозера дѣлятся на два разряда: на пашни общинныя (подѣльныя), подлежащія передѣлу, и на пашни, разработываемыя частными средствами и составляющія частную собственность каждаго крестьянина—пашни поляпостныя или поляны, палъ. Лѣсъ, состоящій изъ березы, осины, съ примѣсью сосенъ и елей, срубается и оставляется на мѣстѣ для просушки; черезъ годъ онъ высыхаетъ и тогда зажигается; если онъ горитъ исправно, то мѣсто перепахивается; если же не сгараетъ, что случается нерѣдко, то предполагаемая пашня оставляется, и хозяинъ долженъ искать другаго удобнаго мѣста и начинать съ начала работу. Отъ такого-то процесса выжиганія я издалека замѣчалъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта цѣлые облака дыму надъ разными деревнями въ окрестностяхъ Вытегры. Первоначально на такой пашнѣ сѣютъ рѣпу, достигающую большой величины; и подобныя мѣста называются *рѣпищами*; то мѣсто на Лужандозерѣ, гдѣ стоитъ теперь деревня Урѣпина было первоначально рѣпищемъ окрестныхъ крестьянъ; затѣмъ нѣсколько крестьянскихъ

---

[1]) *Штукенбергъ*, стр. 7 и 9.

семействъ поселились здѣсь, образовали деревню, которая, отъ положенія около рѣпища, названа Урѣпиной, а потомъ въ обыкновенномъ разговорѣ Урюпиной—названія въ одинаковой степени употребительныя (оба онѣ встрѣчаются и у насъ въ текстѣ). Послѣ рѣпы сѣется на полянахъ рожь, или же для нее дѣлаютъ отдѣльныя поляны. Послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ ржи пашня оставляется на десятокъ или болѣе лѣтъ для заростанія лѣсомъ, послѣ чего она снова обработывается. Это послѣдняя фаза, которую приняло подсѣчное земледѣліе. Говорятъ, что оно вообще вредно для лѣсовъ, но совсѣмъ не въ такой степени, какъ это принято думать.

Мѣста, гдѣ вырубленъ первобытный лѣсъ, по обыкновенію, занимаются мелколѣсьемъ, лѣсомъ смѣшаннаго характера, лиственнымъ и частію только хвойнымъ, вообще нестроевымъ. Пространства, служившія нѣкогда пашнями, встрѣчаются повсюду въ громадныхъ количествахъ, благодаря тому, что подсѣчное хозяйство много столѣтій здѣсь господствовало; они извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ лединъ, сельгъ и пр. Строевой лѣсъ на нихъ можно водворить только развѣ искуственно, чего нельзя ожидать въ настоящее время. Между тѣмъ подсѣчное хозяйство въ продолженіе многихъ лѣтъ было запрещено, и какъ кажется, во всѣхъ видахъ; мѣста удобныя для хлѣбопашества—ледины, сельги и малёги, оставались втунѣ, будучи безполезными въ то же время и для лѣсоводства. Понятно, какъ гибельно отразился такого рода запретъ на бытѣ жителей; понятно, что въ прекращеніи подсѣчнаго хозяйства жители понесли такой ударъ, котораго нельзя было уравновѣсить въ ихъ положеніи ни какими средствами; они были лишены одного изъ важнѣйшихъ источниковъ къ пропитанію и не получили въ замѣнъ его ничего другаго. Они не были сильны ни умственно, ни экономически, чтобы легко выйдти на другую дорогу; переходъ былъ для нихъ очень рѣзокъ.

Съ прекращеніемъ подсѣчнаго хозяйства связана судьба, за послѣдніе годы, жителей въ окрестностяхъ Водлозера. Если справедливы разсказы,—а слышутся они съ разныхъ сторонъ въ одинаковомъ видѣ,—то Водлозёры были нѣкогда усердными хлѣбопашцами; меня убѣждали въ справедливости этого большія пространства старыхъ,

теперь заброшенныхъ пашенъ; иногда по лединному мелколѣсью или по сележнымъ мѣстамъ, мнѣ приходилось идти на разстояніи пяти и болѣе верстъ подъ рядъ; такой лѣсъ связанъ въ своемъ происхожденіи съ участіемъ какой-нибудь небольшой окрестной деревеньки. Съ запретомъ на подсѣчное хозяйство жители начали уменьшать свое земледѣліе. Особенно страшными выставляютъ они поступки одного лѣсничаго Фишера; онъ строго преслѣдовалъ жителей за всякое срубленное дерево, за малѣйшее поползновеніе къ подсѣкамъ въ какомъ бы то ни было лѣсу; только тотъ безпрепятственно выжигалъ лѣсъ, кто снабжалъ лѣсничаго нѣсколькими десятками рублей; за самовольную подсѣку онъ бралъ до 50 руб., иначе грозилъ строгимъ судомъ. Такого рода порядки мало по малу отучили жителей отъ пашенъ; они стали больше и больше обращаться къ рыболовству, и наконецъ, на немъ преимущественно остановились, впадая постепенно въ нищету, вслѣдствіе уменьшнія количества рыбы. Въ послѣднее время, какъ говорятъ Водлозёры, на подсѣки смотрятъ болѣе снисходительно; крестьяне платятся лѣсникамъ только масломъ, рыбой, хлѣбомъ и пр.

Въ орудіяхъ обработки земли мы замѣчаемъ также мало измѣненій; соха осталась почти въ томъ же видѣ, въ какомъ иностранные путешественники представляютъ намъ въ своихъ описаніяхъ соху древне-русскую; въ современной Олонецкой сохѣ мы находимъ только желѣзные сошники, вмѣсто деревянныхъ, употреблявшихся на Руси въ XV—XVII столѣтіяхъ. Борона до сихъ поръ осталась неизмѣнною; это сколоченныя между собою сучковатыя вѣтви [1]). Теперь для бороны употребляются преимущественно вѣтви ели: вѣтка опредѣленной длины раскалывается на двѣ части, затѣмъ сучья обращаются внизъ, а стволы вѣтви связываются вмѣстѣ; десятокъ или болѣе такихъ пластинокъ, связанныхъ между собою, составляютъ борону; притомъ сучья внизу обрубаются, сохраняя до $1/2$ аршина длины [2]). Сохранился также порядокъ трехпольной системы посѣва; на постоянныхъ общинныхъ земляхъ поря-

---

[1]) *Ключевскій*, Сказанія иностранц. о Моск. госуд., стр. 157.

[2]) См. Этнограф. замѣтки о Заонежанахъ въ Пам. кн. Олон. г. за 1866 г., стр. 84.

докъ бываетъ слѣдующій: овесъ, затѣмъ паръ, потомъ рожь; послѣ ржи слѣдуетъ паръ, овесъ, рожь и т. д.; вмѣсто овса слѣдуетъ жито, горохъ, посѣвъ котораго повторяется и два года сряду. Всѣ эти наблюденія относятся главнымъ образомъ къ окрестностямъ Вытегры.

Около устья Вытегры, по Тудозеру и пр. жители начинаютъ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ съ Николина дня (9-го мая) и ведутъ часто до конца мая, смотря по погодѣ. Во время моего пребыванія во многихъ мѣстахъ по Тудозеру жители не могли избрать удобнаго случая для посѣва до 24-го мая. На здѣшней глинистой, песчано-глинистой почвѣ или на растительномъ слоѣ, лежащемъ на пескахъ, высѣвается крестьянами въ лучшемъ случаѣ до 13 и даже до 25 мѣрокъ на семейство озимаго хлѣба; притомъ только небольшая часть можетъ быть посѣяна на земляхъ подѣльныхъ, общинныхъ; въ деревнѣ Гуртникахъ такой земли достается на душу только для посѣва двухъ мѣрокъ ржи, считая каждую въ одинъ пудъ [1]). Яровыя хлѣба въ исключительныхъ случаяхъ засѣваются до 40 или 60 мѣрокъ; такъ было въ 1871 году, когда озими были поѣдены червемъ, и когда выѣденныя мѣста засѣвались хлѣбами яровыми. Бываютъ семейства, засѣвающія и до 70 мѣрокъ овса; но они состоятъ душъ изъ 6, слѣдовательно, мѣрокъ по 11—12 на душу. Обыкновенно приходится на семейство до 5—10 мѣрокъ и менѣе. Ячмень засѣвается въ гораздо меньшемъ количествѣ, мѣрокъ до 2—6; горохъ—отъ 2½ и менѣе. То же съ рѣпой и картофелемъ; изъ 5 мѣрокъ послѣдняго родится въ самый хорошій годъ до 50 или 60 мѣрокъ. Въ число засѣваемыхъ растеній входитъ и ленъ. Овощи, капуста, огурцы и пр. здѣсь не разводятся, какъ объясняютъ крестьяне, по недостатку времени. Обыкновенно урожай хлѣба бываетъ самъ 2 и 3; хорошимъ считается урожай самъ 4; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ доходитъ до самъ 5 или 6. Есть впрочемъ и крестьянскія хозяйства, гдѣ урожай рѣдко бываетъ ниже самъ—10. Такого рода примѣръ мы видимъ въ деревнѣ Педяевщинѣ, обязанной своимъ плодородіемъ особому случаю: здѣсь во время зимы проходитъ

[1]) Пашни, бывшія прежде подсѣчными, превращены по большей части въ постоянныя, обработываемыя по системѣ общинныхъ.

санная дорога, по которой ѣдутъ такъ называемые здѣсь Каргополы, со всякими товарами своей земли; Педяевщина служитъ имъ станціей; здѣсь они проводятъ ночи, и благодаря этому, лошади ихъ оставляютъ хозяевамъ большее количество навозу, такъ какъ проѣзжіе бываютъ здѣсь постоянно. Педяевцы, въ числѣ трехъ семействъ, не только получаютъ съ проѣзжихъ деньги за ночлеги и пропитаніе, но обогащаются и навозомъ, которой потомъ и идетъ на удобреніе полей. Но этотъ случай составляетъ исключеніе. Вообще хлѣбъ здѣсь въ значительномъ количествѣ прикупается.

Обращаясь къ Пудожскому уѣзду, мы найдемъ здѣсь еще худшія экономическія условія. Въ южной и юго-западной части уѣзда разводится ленъ, обладающій необыкновенною доброкачественностью [1]; на него преимущественно обращается здѣсь вниманіе, такъ что льна получается ежегодно до 23 и до 25 т. пудовъ. Но ленъ истощаетъ почву; съ другой стороны, жители, разводя его, чувствуютъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Приведу слова одного изъ мѣстныхъ наблюдателей по этому поводу: „Разводители льна... большею частію не имѣютъ оборотнаго капитала, и употребивъ небольшой запасъ наличныхъ денегъ на покупку сѣмянъ, принуждены бываютъ забирать нужные для себя продукты въ долгъ. Напримѣръ, своего хлѣба недостаточно жителямъ этой мѣстности на годовое продовольствіе, и они должны прикупать себѣ отъ 4 до 10 кулей муки. Богатые торговцы пользуются нуждою крестьянина и отпускаютъ ему товары въ долгъ по высокой цѣнѣ и съ непремѣннымъ условіемъ продать будущій ленъ кредитору по извѣстной, разумѣется, низкой цѣнѣ. Чтобы спастись отъ монополіи скупщиковъ, маломочные хозяева выбираютъ себѣ надежнаго человѣка, даютъ ему на коммиссію каждый по 6—15 пудовъ льна и посылаютъ его въ Каргополь, на рѣку Онегу, въ Вытегру, Поморье и Шунгу. Въ этихъ мѣстахъ, кромѣ Шунги, имъ дѣйствительно удается продать выгодно товаръ и раздѣлить полную его цѣну между собою. Но въ Шунгѣ дѣло оканчивается для нихъ не совсѣмъ благополучно. Богатые торговцы привозятъ нарочно по 100—200 пудовъ льна на ярмар-

---

[1]) Купецъ Малокрошечный получилъ за него медаль на Лондонской выставкѣ 1862 года.

ку, какъ будто для продажи, и роняютъ цѣну до того, что незначителвные торговцы весьма часто принуждены сбывать свой товаръ въ убытокъ и тому же скупщику, спасаясь отъ котораго, они привезли ленъ на ярмарку. Вслѣдствіе того большинство разводителей льна въ неоплатномъ долгу, и при настоящихъ обстоятельствахъ, врядъ ли изъ него могутъ выбраться" [1]).

Собственно съ хлѣбопашествомъ мнѣ пришлось ознакомиться въ окрестностяхъ Водлозера — мѣстность, какъ я уже сказалъ выше, не представляющая ничего утѣшительнаго. На подсѣкахъ здѣсь также бываетъ урожай самъ—15 или 20; но онѣ распространены уже мало. Обыкновенныя поля приносятъ нѣкоторую выгоду только при сколько-нибудь сносной обработкѣ ихъ, при достаточномъ удобреніи и хорошей пропашкѣ. Хозяйства, порядочно обставленныя, доводятъ урожаи до самъ 5 — 7 [2]). Но какъ показываетъ уже самое распредѣленіе скота въ здѣшней мѣстности, о чемъ была уже рѣчь, число такихъ хозяйствъ должно быть ограничено; только съ весьма большими натяжками пришлось бы включить сюда 1/3 всего населенія. Остальныя двѣ трети несостоятельны, бѣдны до нищенства; относительно этой-то части населенія мѣстный священникъ доказывалъ мнѣ, что хлѣбопашество не выгодно, даже, въ общей сложности, разоряетъ поселянъ. Бѣдные жители при недостаткѣ скота худо удобряютъ поля, на худыхъ лошадяхъ еще хуже ихъ пропахиваютъ. Многіе, не имѣя своихъ лошадей, нанимаютъ ихъ отъ сосѣдей или обязуются за лошадиную работу отплатить хозяевамъ ихъ своимъ собственнымъ трудомъ; въ средѣ этихъ жителей землю пашутъ или дѣти, или женщины, иногда старше 70 лѣтъ. Между тѣмъ сѣмена получаются весной по 1 руб. 20 коп. или даже по 1 руб. 50 коп. Урожай при плохой обработкѣ рѣдко бываетъ самъ—3, чаще самъ—2, а то и сѣмена едва возвращаются. Итакъ, вмѣсто 3 или 5 засѣянныхъ

---

[1]) О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ, ст. г. *Р.* въ Памятн. кн. Ол. губ. за 1864 г., стр. 151.

[2]) Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ бываетъ здѣсь поздно, около *іюня*; а вызрѣваютъ хлѣба рано, въ концѣ іюля или въ началѣ августа, такъ что, по замѣчанію жителей, хлѣбъ въ два мѣсяца можетъ возвратиться здѣсь изъ засѣка въ засѣкъ.

пудовъ, житель рѣдко получитъ 9 или 15 п., чаще 7 или 12 пуд., если не меньше; если урожай перевести на деньги, то стоимость его осенью будетъ совершенно та же, что стоимость сѣмянъ весною, такъ какъ осенью цѣна на хлѣбъ падаетъ до 50 или 60 коп. Вся выгода, получаемая отъ хлѣбопашества все-таки значительнымъ трудомъ, заключается только въ томъ, что жители хотя съ двойнымъ урожаемъ вліяютъ нѣсколько на общее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ; оставивъ хлѣбопашество, они осенью не получили бы ржи по 50 коп., а заплатили бы, можетъ быть, за нее нѣсколько дороже [1]). Бѣдные, не имѣющіе ни коня, ни коровы, отдаютъ свои надѣльныя поля болѣе состоятельнымъ жителямъ, получая $1/3$ со всего урожая. Такимъ образомъ, и на ихъ долю выпадаетъ на душу по 1 или по 2 пуда хлѣба. Въ надѣлѣ общинной землей какъ здѣсь, такъ и въ окрестностяхъ Вытегры, вдовы, повсюду многочисленныя, участвуютъ только тогда, когда онѣ несутъ на себѣ общественныя повинности и платятъ подушныя подати. Окрестности Кенозера, сравнительно съ Водлозеромъ, обставлены во всѣхъ отношеніяхъ лучше; здѣсь процентъ не засѣвающихъ хлѣба весьма малъ, и общее количество засѣваемаго хлѣба больше. На Кенозерѣ жители искуснѣе въ обработкѣ почвы, и притомъ, меня даже удивилъ здѣсь одинъ обычай относительно выбора сѣмянъ. Жители заставляютъ разнаго рода сѣмена проростать во влажномъ мху въ комнатахъ; здѣсь они наблюдаютъ, какіе сорта сѣмянъ даютъ лучшіе ростки, быстрѣе всходятъ, и какіе не даютъ ростковъ. Такого рода опыты приводятъ жителей къ заключенію, что гораздо лучше сѣять, напримѣръ, озимь свѣжую, только что снятую, и что годовалая рожь, сравнительно со свѣжею, менѣе доброкачественна и мало пригодна для сѣмянъ; этотъ обычай заключаетъ въ себѣ весьма много хорошихъ сторонъ, давая возможность испытывать самые разнообразные сорта хлѣба, даже снятые въ одинъ годъ, но съ различныхъ полей. Окрестности Кенозера, вмѣстѣ съ

---

[1]) Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать объ одномъ весьма часто встрѣчающемся явленіи въ жизни Олонецкаго земледѣльца; по крайней мѣрѣ на Водлозерѣ въ большемъ обыкновеніи продажа на корню хлѣба, ради немедленной уплаты податей, при чемъ хлѣбъ идетъ, конечно, за ничтожную цѣну.

Каргопольскимъ уѣздомъ, служатъ нѣкоторымъ образомъ житницей для Водлозёровъ.

Итакъ, выше мы видѣли, что съ одной стороны природа, а съ другой—общественный строй крестьянскаго населенія Олонецкой губерніи неблагопріятно вліяютъ на ходъ земледѣлія; мы видѣли, что большинство земледѣльческаго сословія подавлено природой, и что къ этому присоединяются бытовыя, умственныя и экономическія условія, клонящія жителей къ бѣдности. Вмѣстѣ съ этимъ я старался указать, что такія отношенія между природой и обществомъ не абсолютны; онѣ, указывая на регрессъ или косность въ жизни общества, скорѣе являются исключеніемъ. Теперь я представлю нѣкоторые виды на возможность прогресса въ земледѣліи Олонецкой губерніи, на это естественное, законное явленіе въ жизни всякаго общества: человѣкъ можетъ и долженъ быть выше природы. Безвозвратно утраченныя выгоды отъ первобытнаго подсѣчнаго хозяйства, съ его глухими лѣсами, возможно получить еще отъ Олонецкихъ болотъ, которыя такъ широко здѣсь раскинуты и стоятъ до сихъ поръ не тронутыми, какъ и бывшіе здѣсь первобытные лѣса. Извѣстно, что осушенное черезъ посредство канавъ и затѣмъ выжженное болото даетъ громадный урожай; разводимая на такихъ мѣстахъ кустовая рожь даетъ изъ одного зерна до 70 колосьевъ, съ урожаемъ самъ—50 [1]). Низменная сырая мѣстность, недалеко отъ Вытегры, съ почвой, признаваемою крестьянами неудобною для хлѣбопашества, была осушена канавами и обработана такъ, что давала потомъ урожай самъ—$19^1/_2$; еще лучше родилась здѣсь пшеница: орловская давала урожай до самъ—31, а ярославская самъ—26. При этомъ система хлѣбопашества была примѣнена двѣнадцатипольная. Съ хлѣбами разводились и кормовыя травы, родившіяся, какъ и слѣдовало ожидать, съ отмѣннымъ успѣхомъ, даже такія, какъ красный клеверъ [2]). Эта

---

[1]) *Дашковъ*, Олонецк. губ. въ стат. этногр. и пр. отношеніяхъ, стр. 63; *Штукенбергъ*, 8.

[2]) *Герольдъ*, Нѣсколько словъ объ Олон. губ. въ земледѣльческомъ отношеніи, Олон. губ. вѣд. за 1858 г., стр. 16, 29 и 36. При этомъ считаю долгомъ оговориться, что заимствую изъ этой статьи только факты, но не общіе взгляды.

система не только приносила изобиліе въ хлѣбѣ, улучшая въ то же время скотоводство, благодаря прекрасному урожаю кормовыхъ травъ, но несомнѣнно влекла за собою и много другихъ послѣдствій. Распространившись болѣе широко, она уменьшеніемъ количества болотъ обезопасила бы скотъ отъ сибирской язвы, застраховала бы поля отъ излишнихъ посѣщеній разными вредными животными и пр., не говоря о рядѣ удобствъ по отношенію къ путямъ сообщенія. Въ общемъ стоимость обработки одной десятины болота или сырой низменности сводится на 50 или 100 руб. [1]); чтобы превратить неудобную мѣстность въ плодородную пашню, требуется упорный и настойчивый трудъ, который однакоже въ два года вполнѣ окупается [2]). Такимъ образомъ, здѣсь мы выступаемъ на почву чисто общественнаго строя: бѣдна не природа, но бѣденъ человѣкъ для того, чтобъ ее выгодно эксплуатировать; мы уже не однократно имѣли случай убѣдиться, что изъ-за нужды въ какихъ нибудь 5 или 10 руб. жители почти закабаляютъ себя, лишаются послѣдняго имущества—лошади или хлѣба; *они уже заранѣе запродаютъ свой трудъ, отправляемый въ большинствѣ случаевъ по весьма первобытнымъ способамъ.* Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое всего менѣе способствуетъ улучшенію способовъ къ жизни и источниковъ для выгодныхъ заработковъ: положеніе, которое будетъ служить также препятствіемъ къ болѣе выгодной системѣ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи не выгоденъ также и складъ самого быта и привычекъ Олончанъ; какъ въ обществѣ нѣсколько патріархальнаго оттѣнка, мы встрѣчаемъ здѣсь малую степень раздѣленія труда. Большинство жителей являются здѣсь въ одно и то же время и рыбаками, и звѣроловами, и частію хлѣбопашцами; въ одинъ и тотъ же годъ крестьянинъ тянетъ барки, возитъ лѣсъ или живетъ

---

[1]) *Герольдъ*, стр. 13. Въ Финляндіи осушеніе болотъ получило сильное распространеніе съ 1830-хъ годовъ, при денежномъ содѣйствіи правительства и частныхъ обществъ. Такъ, въ Куопіосской губерніи въ теченіе 1855 года осушено до 2,000 дес. болотъ, въ Нюландской съ 1847—1855 г. до 2,040 д. и т. д. См. *Альфтанъ*, Матеріалы для стат. Финл., 1859 г., стр. 162.

[2]) *Герольдъ*, 16.

гдѣ-нибудь вдали отъ семьи; однимъ словомъ, здѣсь мало усидчивости и терпѣливой склонности къ одному и тому же дѣлу, а особенно къ дѣлу новому, требующему затратъ; такая работа, какъ хлѣбопашество, принадлежитъ во многихъ случаяхъ исключительно женщинамъ, надъ которыми тяготѣетъ рядъ другихъ, не менѣе многочисленныхъ занятій. Эта перспектива, конечно, затемняетъ виды на сколько-нибудь скорое улучшеніе земледѣлія въ Олонецкой губерніи, свидѣтельствуя съ неменьшею ясностью о настойчивой необходимости поднять умственный уровень здѣшнихъ жителей, ослабивъ ихъ экономическую зависимость. Что хорошая организація труда можетъ сильно поднять земледѣліе—доказываютъ Даниловское общежительство и Лекса; среди безплодной почвы Повѣнецкаго уѣзда онѣ создали обширныя и хлѣбородныя поля и снабжали хлѣбомъ окрестныхъ жителей; на работы къ нимъ сходились крестьяне даже изъ Пудожскаго уѣзда, съ окрестностей Водлозера. Что болѣе легкій доступъ къ просвѣщенію и болѣе благопріятный общественный строй измѣняютъ физіономію и свойства мѣстности—доказываетъ сосѣдка Олонецкой губерніи, Финляндія, общая съ нею по своей природѣ и представляющая болѣе благопріятное развитіе и ростъ своего населенія.

Приведу по этому поводу давно сказанныя, но до сихъ поръ сохранившія свою силу, слова Пушкарева [1]): „Взгляните на смежную съ Повѣнецкимъ уѣздомъ Финляндію. Тѣ же горы, лѣса, озера и болота, какъ и здѣсь, тотъ же суровый климатъ, но какая разница въ хозяйствѣ! Въѣзжая въ Финляндію, встрѣчаете, среди самыхъ неудобныхъ мѣстъ, превосходно обработанные поля и луга, осушенные канавами, дающіе хорошій урожай; вездѣ обиліе, довольство, чисто, удобно выстроенные дома; такъ усиліе человѣка, знаніе, воздержность, порядокъ преобразовываютъ самую неблагодарную почву“.

[1]) *Пушкаревъ*, стр. 43.

VI.

Путина. Лѣсные заработки и понятіе о другихъ мелкихъ промыслахъ. Связь благосостоянія съ заработками. Окрестности Вытегры и Водлозера по отношенію къ жилищамъ, одеждѣ и пищѣ.

Принимая во вниманіе состояніе главныхъ промысловъ въ Олонецкой губерніи, уже можно прійдти къ заключенію, что и остальныя отрасли народнаго хозяйства не стоятъ здѣсь высоко. Г. Дурново еще въ 1858 году доказывалъ, что разнаго рода производства, основанныя здѣсь Петромъ Великимъ, почти не развились съ тѣхъ поръ [1]). Самъ я укажу на нѣкоторыя, чисто мѣстныя частности, относящіяся къ мелкимъ промысламъ или источникамъ для заработковъ. На юго-восточномъ прибрежьѣ Онежскаго озера относится къ такимъ источникамъ заработковъ тяга судовъ или, какъ здѣсь говорятъ, путина. Двѣ или три недѣли работы, иногда и болѣе, даютъ здѣсь рабочему заработокъ отъ 10 до 12 руб.; сюда стекается народъ съ большей части губерніи: не говоря ужь о Вытегорскомъ уѣздѣ, приходятъ сюда и изъ Пудожскаго, и изъ Повѣнецкаго; народъ идетъ бѣдный, изнуренный, часто полуодѣтый, безъ обуви. Постоянное напряженіе силъ, притомъ пасмурная и дождливая погода и не всегда удовлетворительная пища дѣлаютъ эту работу утомительною. Еще хуже жаркая и ясная погода; она приноситъ по обыкновенію сибирскую язву, распространяющуюся и на людей; нерѣдко зловоніе отъ нечистотъ, оставляемыхъ рабочими, въ связи съ жарами, истомленіемъ и пр., дѣлаются источникомъ холеры. Во время моего пребыванія въ 1871 году въ окрестностяхъ Вытегры, съ первыми холерными случаями на Маріинской системѣ, многіе рабочіе бросили на произволъ судьбы суда, съ ихъ прикащиками и хозяевами, и иногда черезъ глухіе лѣса шли въ свои края; такъ сдѣлали Андомцы, шедшіе черезъ пустынныя верховья р. Илексы. На пути къ Пудожу и на сѣверъ отъ него я встрѣтилъ значи-

---

[1]) Олонец. губ. вѣд. за 1858 г. № 32. При этомъ укажу только на то, что со времени Петра Великаго въ Олонецкой губерніи было въ дѣйствіи 13 желѣзныхъ и мѣдныхъ плавиленъ, изъ которыхъ въ послѣднее время всѣ, кромѣ трехъ, упразднены. См. *Штукенбергъ*, стр. 15.

тельное количество крестьянъ, шедшихъ съ путины. Благодаря, можетъ быть, тому именно обстоятельству, что я пріѣхалъ на Водлозеро одновременно съ путинщиками, привезшими страшные разсказы о холерѣ, крестьяне приняли меня первоначально за распространителя этой болѣзни, предполагая ея присутствіе въ бывшихъ при мнѣ пузырькахъ со спиртомъ, въ пороховницахъ и дробницахъ. Только болѣе или менѣе порядочное содержаніе сдерживаетъ рабочихъ въ холерное время около ихъ судовъ. Рабочіе, спуская суда до Онежскаго канала, возвращаются снова—для тяги другихъ судовъ. Собственно населеніе, живущее по Маріинскому каналу, не отличается особеннымъ благосостояніемъ. Мнѣ между прочимъ пришлось нѣсколько ближе познакомиться съ селеніемъ Бѣлый Ручей. Изъ числа двухъ десятковъ домовъ едва-ли можно насчитать здѣсь до 10 состоятельныхъ; въ остальныхъ — сироты, вдовы, жены изкалѣченныхъ мужей и дѣвицы. Обыкновенно въ довольно нарядныхъ одеждахъ сидятъ онѣ на обрывистыхъ утесахъ горнаго известняка, плѣняя отсюда воображеніе и лаская, такъ сказать, сердца судовщиковъ, проходящихъ внизу по каналу; подъ предлогомъ мѣны печенаго хлѣба на муку, обмѣниваются онѣ секретно и другими товарами. Вытегорское земство, признавая въ тягѣ судовъ по Маріинскому каналу значительный источникъ для заработковъ, указываетъ на сильную нравственную порчу молодыхъ людей, особенно занимающихся цѣлое лѣто на каналѣ [1]); условій для порчи, конечно, достаточно, такъ какъ народъ, среди котораго приходится вращаться молодому рабочему, представляетъ всевозможные характеры, съ рядомъ самыхъ разнообразныхъ страстей и наклонностей.

Одинъ изъ довольно видныхъ, въ здѣшнемъ краѣ, источниковъ для заработковъ составляетъ также лѣсъ, рубка его, вывозка на сплавныя рѣки и самый сплавъ. Крестьяне при устьѣ Вытегры получаютъ за срубку дерева, толщиною въ 6—12 вершковъ, отъ 25 до 90 коп.; длина дерева должна быть въ 3 сажени; вмѣстѣ съ тѣмъ дерево должно быть доставлено къ мѣсту сплава. Крестьянинъ въ зиму срубаетъ и вывозитъ до 70 деревъ, и за нихъ онъ долженъ былъ

¹) Журналы Вытегорск. уѣздн. земск. собранія 1869 г., стр. 85.

бы получить среднимъ числомъ до 40 руб.; но на самомъ дѣлѣ цифра бываетъ меньше. Во первыхъ, изъ всего числа доставленныхъ деревъ штукъ десять бракуется, признается негоднымъ по какимъ-либо кажущимся лѣсопромышленнику недостаткамъ; при этомъ бревно оставляется все-таки на мѣстѣ сплава и затѣмъ вмѣстѣ съ годными сплавляется, а крестьянинъ денегъ за него не получаетъ; затѣмъ крестьяне по безграмотности не записываютъ числа доставленыхъ деревъ, ведя счетъ имъ по памяти, тогда какъ довѣренные лѣсопромышленниковъ считаютъ на бумагѣ, и всегда итоги у первыхъ оказываются больше, чѣмъ у послѣднихъ, которые берутъ однако же преимущество. Обыкновенно бываетъ также, что 12-ти вершковое бревно принимается за 11-ти, 9-ти вершковое за 8-ми и 7-ми вершковое, и сообразно съ этимъ понижается плата.

Еще менѣе утѣшительна честность лѣсопромышленниковъ въ Пудожскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на р. Шалѣ строился паровой лѣсопильный заводъ; крестьяне были, конечно, весьма рады такому вновь возникающему источнику для заработковъ и охотно шли сюда на работы; но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы трудъ не былъ оплаченъ, такъ что у многихъ крестьянъ на дому было описано имущество—скотъ, или проданъ хлѣбъ на корню ради уплаты податей; мнѣ разсказывали, что по этому поводу не однократно были разбирательства у Пудожскаго мироваго судьи, но повидимому, и такой оборотъ дѣла не привелъ къ благопріятному результату. Послѣдствія такой системы дѣйствія я засталъ въ окрестностяхъ Водлозера; о бѣдности жителей этого края я уже говорилъ и вѣроятно, долженъ буду говорить о томъ еще нѣсколько разъ. Между тѣмъ и здѣсь отыскивались по одному и по два жителя на деревню, сѣтовавшихъ на лѣсопромышленниковъ за то, что они ни какъ не могутъ уплатить кому 5 руб., уже давно заработанныхъ, кому 10 руб. и т. д.; бывало много случаевъ, что за этою суммой крестьяне ходили—здѣсь ѣздить нельзя—за 70 и 100 верстъ черезъ грязи и лѣса, но возвращались съ напутственными словами: „Подождите, скоро заплатимъ“. „Не будешь окно затыкать горохомъ!“ прибавляетъ по этому случаю рабочій. Крестьяне разсказываютъ, что имъ будто бы приходилось слышать изъ устъ одного лѣсопромышленника такія слова: „Тамъ гдѣ я поселился, мужикъ пѣсни не за-

поетъ!" Въ окрестностяхъ Водлозера распространено обыкновеніе нанимать рабочихъ во время уплаты податей и другихъ повинностей, Явившись въ волостное правленіе, наиболѣе состоятельные крестьяне уплачиваютъ за неимущихъ, обязуя ихъ работать гдѣ бы то ни было по 1 или по 2 руб. въ недѣлю. Набирая человѣкъ 17—20 неимущихъ крестьянъ, богачъ ведетъ ихъ или на лѣсопильный заводъ, или на сплавъ лѣса; на заводѣ онъ получаетъ по 3 руб. на человѣка въ недѣлю, пріобрѣтая отъ каждаго рабочаго по 1 р. въ мѣсяцъ барыша, а со всѣхъ до 70 или 80 руб. Для этой цѣли спеціально являются на Водлозеро поморы.

Я не буду распространяться о всѣхъ другихъ мелкихъ промыслахъ и источникахъ для заработковъ. Такъ, кузницы, мельницы и такъ называемыя мѣлоплавильни, въ виду земскаго налога на нихъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, были оцѣнены волостными властями по Замошскому обществу въ 1,250 руб., съ ежегодною доходностью отъ нихъ въ 1,620 руб.; но это оказалось по болѣе обстоятельному разбору дѣла преувеличеннымъ: по свѣденіямъ, собраннымъ однимъ изъ членовъ Вытегорской земской управы, тѣ же учрежденія, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, оцѣнены только въ 455 руб., съ доходомъ 97 руб. въ годъ, такъ что затѣмъ налогъ съ этихъ учрежденій пришлось отмѣнить [1]).

Всего сказаннаго, я полагаю, будетъ достаточно для того, чтобъ опредѣлить степень благосостоянія жителей Олонецкой губерніи. Благосостояніе человѣка тѣсно связано съ его заработками и промыслами; смотря по тому, на сколько прочны и широки послѣдніе, на столько высоко и первое. Промысла и заработки, связанные съ тою или другою степенью трудности работы, также отражаются на благосостояніи цѣлаго общества, какъ отношеніе между тратой и возстановленіемъ силъ отражается на отдѣльныхъ его особяхъ или организмахъ. Организмъ, тратящій много силъ, но лишенный возможности вполнѣ возстановлять ихъ, мало по малу слабѣетъ, уменьшаясь въ объемѣ и вѣсѣ; его внѣшній видъ становится инымъ, и внутренняя дѣятельность нарушается. Что происходитъ съ отдѣльными особами, то же совершается и съ

[1]) Журналы Вытег. земск. собр. за 1869 г., стр. 25—27.

слагающимся изъ нихъ цѣлымъ обществомъ — въ томъ случаѣ, когда жизнь его основывается на плохихъ промыслахъ и заработкахъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ низкимъ уровнемъ благосостоянія, проглядывающимъ одинаково неблагопріятно какъ на внѣшней, такъ и на внутренней сторонѣ жизни общества; однѣ части такого общества отмираютъ, другія стоятъ въ томительномъ равновѣсіи или ведутъ безысходную борьбу съ окружающими ихъ условіями; однимъ словомъ, здѣсь видъ населенія и ростъ его становятся плохими. Нельзя не усмотрѣть кое-чего подобнаго въ Олонецкой губерніи, на ряду съ неудовлетворительнымъ состояніемъ мѣстныхъ промысловъ.

Если разсматривать всѣ принадлежности, которыми обставилъ себя человѣкъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей, напримѣръ, хотя бы въ окрестностяхъ Вытегры, то мы прійдемъ къ заключенію, что положеніе дѣлъ здѣсь лучше, нежели около Водлозера; впрочемъ, и тутъ, въ большинствѣ деревень, въ которыхъ мнѣ пришлось бывать чаще, около города, недостаетъ весьма многаго, что̀ могло бы свидѣтельствовать о довольствѣ жителей; исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только такіе случаи, гдѣ жители обязаны достаткомъ хлѣба, одеждой и пищей условіямъ совершенно особеннымъ, какъ напримѣръ, въ деревнѣ Педлевщинѣ, служащей пристанищемъ для проѣзжающихъ торгашей. Деревня Гуртники, недалеко отъ устья р. Вытегры, больше десятка лѣтъ тому назадъ была вся, что̀ называется, до тла, истреблена пожаромъ; послѣ этого ея обитатели около двухъ лѣтъ жили въ шалашахъ — по тѣхъ поръ, пока не были устроены новыя избы [1]), съ грѣхомъ по поламъ, съ горемъ да со слезами; при этомъ имъ оказало помощь лѣсное вѣдомство, уступивши по дешевой цѣнѣ лѣсъ для построекъ. Теперь эта деревенька высматриваетъ почище другихъ, хотя и въ ней есть избы безъ крышъ и безъ всякихъ пристроекъ. Изъ 17 домовъ одинъ двухэтажный, другой съ чердакомъ; внизу изба, вверху горница; остальные

[1]) Типъ здѣшнихъ построекъ общій съ древне-новгородскимъ; подробное описаніе сдѣлано въ статьѣ г. *Р.* Этнограф. замѣтки о Заонежанахъ, помѣщенной въ Памятн. кн. Олонец. губ. за 1866 г.

дома безъ горницъ. Другія деревни, особенно по Тудозеру, уже гораздо менѣе приглядны по наружности: здѣсь старыя избы, покосившіяся отъ времени, по большей части окруженныя грязью. Въ деревнѣ Кузнецовой, извѣстной вмѣстѣ съ сосѣднею деревушкой Мелькиной, подъ именемъ Гонгинщины, съ одного края стоитъ старая изба, обитаемая однимъ только 80-лѣтнимъ старцемъ, семья котораго, жена и дѣти, вымерли; онъ на старости лѣтъ уже не можетъ ходить въ лѣсъ, почему, живя въ одной половинѣ дома, ломаетъ другую, сѣни, для отопленія первой. На другомъ краю деревни стоитъ сравнительно порядочная изба, населенная двумя дѣтьми—дѣвочкой лѣтъ 12 и мальчикомъ лѣтъ 10; отецъ и мать ихъ также умерли. Изъ остальныхъ 3—4 домовъ въ одномъ изба, довольно старая, съ недавно пристроенною горницей, стоящею однако два года безъ печки, по неимѣнію средствъ построить ее. Въ другихъ мѣстахъ по Тудозеру встрѣчается больше домовъ почище и попросторнѣе; мнѣ приходилось бывать въ просторныхъ и чистыхъ избахъ, иногда съ горницами, оклеенными картинками; но на ряду съ ними не менѣе часто попадались избы заколоченныя, полуразлившіяся, безъ населенія. Деревня Щекина имѣетъ видъ, свидѣтельствующій о достаткѣ жителей; дома исправные, есть двухэтажный, съ лавками; она живетъ торговлей; другая деревня—Паншина гора, стоящая рядомъ съ нею, съ тѣми же тремя-четырьмя домиками, уныла, бѣдна, и обитатели ея вымираютъ. Первая однакоже единственная здѣсь въ своемъ родѣ, такъ какъ торговля ея распространяется на большую часть окрестностей; подобныхъ же послѣдней довольно много. Я обходилъ эти деревни въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ весьма мнѣ знакомыми сборщиками податей. Самый видъ береговъ Тудозера довольно красивъ: къ водамъ озера сбѣгаетъ множество безлѣсныхъ и гладкихъ холмовъ; вмѣстѣ съ такими, которые довольно густо заросли сосной, ельею, ольхой и березой; среди лѣса выдаются часто лужайки; на гладкихъ холмахъ пестрѣютъ полосы пашенъ, съ зеленѣющими озимями. На ряду съ этимъ видъ деревень кажется унылымъ; большая часть мужчинъ въ путинѣ, на заработкахъ или на пашняхъ; иные отправились на богомолье въ Соловки—это въ большомъ обыкновеніи; въ деревняхъ пустынно; сборщики едва доискивались женщинъ, сно-

сившихъ съ разныхъ сторонъ подати по копѣйкамъ, вмѣсто слѣдуемыхъ рублей; въ иныхъ же случаяхъ никого изъ хозяевъ двора не находилось. Вообще въ деревняхъ мужчины вымираютъ больше, чѣмъ женщины, особенно на различнаго рода заработкахъ и отхожихъ промыслахъ. „На чужой сторонкѣ заклюютъ воронки!" говорятъ крестьяне. Число живыхъ, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ мужчинъ меньше, чѣмъ общее число женщинъ. Въ большинствѣ деревень, женщинъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ мужчинъ (Кузнецова, Дёмина и проч.). Женщины оставаясь въ сиротствѣ, заколачиваютъ нерѣдко дома и идутъ въ работницы.

Путешественники нерѣдко ошибаются, руководствуясь первыми впечатлѣніями и видомъ Олонецкихъ деревень; особенно по такъ называемому тракту дѣйствительно встрѣчаются большіе просторные дома, часто въ два этажа; на этомъ основаніи дѣлаются заключенія объ общемъ благосостояніи края; но это, очевидно, не вѣрно: дома являются большими часто потому, что въ нихъ живутъ по 3 —4 брата, съ семействами, или потому, что принадлежатъ торговому крестьянину - прасолу или же хозяину, живущему въ Петербургѣ, занимающемуся подрядами; такихъ случаевъ довольно, напримѣръ, въ селеніи Оштѣ. Съ другой стороны, Вытегорское земство отмѣнило земскій налогъ съ крестьянъ, между прочимъ потому, что для сбора его у нѣкоторыхъ даже изъ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ становой описалъ имущество, предназначая его въ продажу для уплаты налога [1]). Въ виду такаго факта, нечего и говорить о предѣлахъ бѣдности въ средѣ другихъ, менѣе состоятельныхъ. Но фактъ, что наружность нерѣдко скрываетъ сущность дѣла, ясенъ на Водлозерѣ. Покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, прибывши сюда, первоначально даже увлекся видомъ Водлозера и наружною стороной быта его обитателей; онъ былъ очень доволенъ свѣтлою горенкой (хотя и безъ печки), отведенною ему въ селеніи Куго-Наволокѣ; указывалъ на нѣкоторые стороны здѣшней жизни, которыхъ ему не удалось найдти ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни у Западныхъ Славянъ. Затѣмъ, пробывши здѣсь нѣсколько вре-

[1]) Журналы Вытегорск. уѣздн. земск. собранія за 1869 г., стр. 24.

мени, онъ пришелъ къ другому заключенію о жизни здѣшняго населенія, что̀ и высказалъ въ своей статьѣ объ Олонецкой губерніи и ея рапсодахъ. Иначе и не могло быть.

Довольно того, что отъ Пудожа на Водлозеро можно попасть только верхомъ на лошади или пѣшкомъ; кладь возится, даже во время лѣта, на небольшихъ саняхъ, по грязямъ, камнямъ и проч. Въ строеніяхъ жителей прежде всего поражаетъ то, что избы здѣсь всѣ курныя; дымъ обыкновенно наполняетъ весь верхъ избы. Всеобщее распространеніе такихъ избъ жители оправдываютъ необходимостью коптить невода и сушить платье послѣ рыбной ловли. Изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, можетъ быть, только въ нѣкоторыхъ найдется по одной горенкѣ съ русскою печкой; печниковъ для кладки русской печки жители должны приглашать изъ-за сотни верстъ, съ Кенозера.

Представляю здѣсь описаніе одной мѣстности, сдѣланное мною вскорѣ по пріѣздѣ на Водлозеро, заимствуя его цѣликомъ изъ моего дневника; оно относится къ острову Пёлгострову: „Онъ достигаетъ до 2½ верстъ длины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкъ и холмистъ. Холмы по временамъ торчатъ въ видѣ мысовъ съ пологими скатами къ озеру; они сильно усѣяны валунами, иногда очень большими. Поэтому пашня трудна. На обоихъ концахъ острова по деревнѣ. Населеніе одной изъ нихъ живетъ въ 9 домахъ, изъ которыхъ только два сносны. Въ наружномъ видѣ и внутреннемъ состояніи самая печальная нищета. Въ одномъ домѣ живетъ крестьянинъ съ женою, двумя дѣтьми и старою теткой; у него конь только на половину свой; онъ купилъ его, не уплативши всей цѣны за него; коровы у него нѣтъ; есть только принадлежащая теткѣ. Домъ—баня, безъ кровли и безъ сѣней. Окна въ квадратную четверть. Во время топки изба наполняется дымомъ, который не ѣстъ глаза только на полу. Хозяинъ уходитъ въ путину, по забору на хлѣбъ; домашними дѣлами управляетъ жена съ 65-лѣтнею теткой. Безъ хозяина онѣ сѣютъ хлѣбъ, посмѣнно пашутъ пашню и нянчатся съ дѣтьми; въ то же время ловятъ рыбу, и въ случаѣ избытка, сушатъ ее на продажу; на вырученныя деньги пріобрѣтаютъ хлѣбъ. Нѣтъ улова—нѣтъ и хлѣба и соли, тогда какъ лѣто и есть такое время, когда рыба не ловится въ избыткѣ. Засѣянный

хлѣбъ при такихъ условіяхъ — хоть не собирай, удобренія нѣтъ, или мало. Есть дома съ еще болѣе печальною наружностью; одинъ изъ нихъ почти на половину ушелъ въ землю; оставшаяся половина покосилась и дала большія щели; внутренняя стѣна этой курной избы засорена, задымлена и шершава отъ несогласнаго положенія бревенъ, какъ сѣдой и каменистый горный обрывъ. Слѣдующій домъ хотя и не ушелъ въ землю, но еще хуже; крыша на немъ, по выраженію здѣшнихъ остряковъ, окрашена въ зеленую краску, то есть, состоитъ изъ мелкихъ, накладенныхъ одна на другую, сосновыхъ или еловыхъ вѣтокъ, съ ихъ зеленою хвоей [1]). Подъ крышей потолокъ; онъ во многихъ мѣстахъ украшенъ длинными щелями, куда и проникаетъ въ ясную погоду веселый лучъ свѣта, а въ ненастную—потоки воды; зимою щели закрываются льдомъ. Полъ еще болѣе измятъ и изборожденъ; многія половицы на половину сгнили, и изъ-подъ нихъ мрачно смотритъ подполье. Въ первомъ изъ домовъ, въ углу, стоитъ жерновъ отъ ручной мельницы [2]), да около него фунта два хлѣба въ зернѣ. Вообще же въ домахъ повсюду лоскутья, грязь и темнота".

Таковъ общій характеръ жилья въ здѣшнемъ краѣ; вообще, въ большей части деревень отношеніе слишкомъ бѣдныхъ домовъ къ сколько-нибудь состоятельнымъ можно опредѣлить, руководствуясь даннымъ мною выше распредѣленіемъ скота: гдѣ больше скота, тамъ и наружность домовъ лучше; гдѣ его совсѣмъ мало или нѣтъ, тамъ можно видѣть почти то же, что̀ относится и къ Пёлгострову.

Не видно благосостоянія и въ одеждѣ жителей, по крайней мѣрѣ въ обыденное время; большая часть будничной одежды и матеріалъ для нея — произведеніе собственныхъ рукъ Олончанъ. Все

---

[1]) Разсказываютъ, что одинъ изъ мѣстныхъ юношей увлекся одною красавицей, жившею въ другой, отдаленной деревнѣ; дѣвица долго не внимала вздохамъ своего поклонника, подозрѣвая его въ нищетѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не представилъ въ жаркихъ выраженіяхъ всѣхъ прелестей своего дома, и между прочимъ, *зеленой* крыши; противъ этого не устояло женское сердце; молодая, обвѣнчавшись, возвратилась въ деревню, гдѣ и объялъ ее, при видѣ новаго своего жилища, съ крышей изъ хвои, весь ужасъ обмана, которому она подверглась.

[2]) Ручныя мельницы здѣсь употребительны по примѣру древней Руси: см. *Ключевской*, Сказанія иностр., 157.

нижнее бѣлье—если его только можно назвать этимъ именемъ—дѣлается изъ своедѣльнаго холста. Женщина, выходя замужъ, несетъ главное приданое въ ткацкомъ станкѣ и въ умѣньѣ владѣть имъ. Зима — періодъ, въ который она тκетъ холстъ и готовитъ изъ него платье мужу и дѣтямъ; она искусна и въ вышиваніи: полотенца и женскія рубашки украшаются различными узорами; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается и простыня; обыкновенно же въ такого рода принадлежностяхъ жители не нуждаются, а спятъ лѣтомъ па ивовыхъ листьяхъ и оленьихъ шкурахъ, иногда и на тюфякахъ, накрываясь пологами отъ комаровъ. Холсты красятъ въ синій и желтый цвѣтъ, что дѣлается въ домахъ самими хозяевами или особыми спеціалистами; желтую краску получаютъ изъ подмаренника—Galium (Вирозеро). На окрашенныхъ холстахъ набиваютъ различнаго рода узоры. Рубашки дѣлаются преимущественно изъ крашенаго холста, штаны — изъ бѣлаго; отъ довольно продолжительнаго ношенія какъ то, такъ и другое часто теряетъ свой цвѣтъ и дѣлается одноцвѣтнымъ, и затѣмъ уже поступаетъ въ стирку Вообще будничное бѣлье далеко не отличается чистотою; то же можно сказать и о женскомъ платьѣ Въ праздникъ одежда чище; тутъ отчасти видны сукно на мужчинахъ и ситцы на женщинахъ; праздничная одежда носится бережливо и сохраняется долго. По отношенію къ Заонежью г. Р., находя, что жители по своему праздничному одѣянію кажутся богатыми, прибавляетъ: „Но часто случается, что эти мнимые богачи, возвращаясь съ гулянки, не находятъ дома даже куска хлѣба. Но объ этомъ Заонежанинъ много не думаетъ. Сегодня разгуливали—самъ хозяинъ въ синемъ армякѣ, а жена въ штофномъ сарафанѣ, завтра же все это завязывается въ платокъ и относится въ залогъ за какой-нибудь пудъ муки или рубль денегъ“ [1]). Тотъ же наблюдатель утверждаетъ, что иногда одежда па праздникъ берется на прокатъ подъ работу или въ долгъ. Мнѣ, съ своей стороны, не приходилось встрѣчаться съ случаями щегольства, выходящими изъ предѣловъ благоразумія, когда бы жители одѣвались несравненно выше своихъ средствъ; встрѣчалъ я женщинъ въ шел-

---

[1]) *Р—ва*, Этногр. зам. о Заонеж. въ Пам. кн. 1866 г., 29.

ковыхъ и бумажныхъ платьяхъ, но онѣ принадлежали къ числу такихъ, мужья которыхъ такъ или иначе нажили себѣ капиталы. Случается также, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, что женщины, распоряжающіяся хозяйствомъ, продаютъ скрытно отъ мужей часть запасовъ, хлѣба или рыбы и на вырученныя деньги покупаютъ себѣ обновки, ленты, ситцу на платье или чего-другаго. Но подобные поступки едва ли принадлежатъ къ числу неблаговидныхъ, особенно при томъ положеніи, въ которомъ стоитъ здѣсь женщина: тотъ трудъ, который она несетъ на себѣ, заслуживалъ бы гораздо большей награды. Долженъ я сказать еще, что въ женскихъ нарядахъ старые теряютъ все больше и больше свое значеніе или измѣняютъ свою форму; такимъ измѣненіямъ подвергается кокошникъ, или какъ здѣсь, на Водлозерѣ, говорятъ, повойникъ. Въ окрестностяхъ Вытегры онъ исчезъ; нѣтъ его даже у старыхъ женщинъ. На Водлозерѣ еще женщины среднихъ лѣтъ имѣютъ повойники, вышитые золотымъ галуномъ и стеклярусомъ и напоминающіе по своей формѣ обращенное кверху копыто лошади; молодое поколѣніе обходится безъ повойниковъ. Въ окрестностяхъ Пудожа и около Кенозера повойникъ распространенъ нѣсколько болѣе, но уже въ видоизмѣненной формѣ и съ узорами изъ жемчуга [1]). Къ одеждамъ, выходящимъ изъ употребленія, относится также тѣлогрѣйка.

Вообще, по отношенію къ одеждѣ, Олончанамъ представляется много трудностей при сравнительно холодномъ климатѣ; крестьянинъ не всегда въ силахъ удовлетворить нуждѣ въ теплой одеждѣ; для этого стоитъ только посмотрѣть на жителей хотя въ такихъ случаяхъ, о которыхъ была рѣчь при уженьѣ рыбы на Онежскомъ озерѣ. Но еще требовательнѣе природа и условія здѣшней жизни къ пищѣ; оказывается необходимою большая затрата физическихъ силъ для того, чтобы что-нибудь пріобрѣсти; трудъ, приложенный къ почвѣ, къ лѣсу, къ рыбной ловлѣ, является утомительнымъ; мускульная сила расходуется здѣсь въ чрезмѣрномъ количествѣ. Всякій изъ участвовавшихъ въ работѣ членовъ тѣла

---

[1]) Жемчугъ—произведеніе мѣстное, добываемое изъ раковинъ, водящихся какъ въ Олонецкой губерніи, такъ и въ другихъ, сосѣднихъ.

требуетъ большаго количества питательнаго вещества для возстановленія траты, и въ томъ случаѣ, когда эта нужда правильно удовлетворяется, работникъ готовъ къ новой тяжелой работѣ. Можетъ быть, отсюда вытекаютъ тѣ отдѣльные случаи проявленія силы, которые мнѣ пришлось наблюдать въ Олонецкой губерніи. Около Вытегры, въ деревнѣ Гуртникахъ, я зналъ крестьянина Ивана Андреева; онъ высокаго роста, плотнаго и мускулистаго тѣлосложенія; у него смуглый цвѣтъ лица и довольно сильно развитыя скулы; занимаясь рубкой лѣса, онъ обыкновенно или вытаскиваетъ бревна на своихъ плечахъ, или выгоняетъ ихъ каткомъ; бываютъ иногда и такія деревья, которыя едва увозитъ на саняхъ лошадь, или при вывозѣ которыхъ изъ лѣса другіе крестьяне дѣйствуютъ обыкновенно по два и по три человѣка вмѣстѣ, а онъ выволакиваетъ ихъ одинъ. Между многими другими подвигами его какъ крестьяне, такъ и самъ онъ, разсказываютъ о слѣдующемъ—на дорогѣ въ сосѣднюю деревню. Передъ нимъ и его спутникомъ внезапно появился медвѣдь и направился имъ на встрѣчу. У пѣшеходовъ не было ничего въ рукахъ, и Иванъ Андреевъ схватился за первую попавшуюся ель, до 2 слишкомъ вершковъ въ діаметрѣ, и вырвалъ ее изъ земли съ корнемъ; такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ медвѣдя обратиться въ бѣгство. Жителямъ былъ извѣстенъ еще молодой крестьянинъ или мѣщанинъ, занимавшійся на Вытегорской пристани разгрузкой и нагрузкой судовъ. Изъ барокъ онъ выкидывалъ на пристань кули въ 10 пудовъ или же бралъ ихъ съ пристани и укладывалъ на баркѣ, поднимая ихъ на значительную высоту, часто выше своего роста. Говорятъ, что въ день онъ управлялся со 100 кулями. Однажды зимою, возвращаясь навеселѣ въ Вытегру, онъ встрѣтилъ крестьянина съ возомъ сѣна и въ доказательство, что возъ малъ, а лошадь безсильна, и что крестьянину не стоитъ ѣздить въ городъ съ такими возами, онъ за полштофа водки доставилъ возъ (заключавшій однако въ себѣ болѣе десяти пудовъ вѣсомъ съ санями), на разстояніи пяти верстъ, на городской рынокъ. Можетъ быть, отъ чрезмѣрной работы онъ преждевременно скончался. Еще одинъ силачь, Василій Васильевъ, средняго роста, не широкій въ плечахъ, съ виду не кажется сильнымъ; но случалось, что онъ того

же Ивана Андреева перекидывалъ черезъ свою голову. Отъ этихъ довольно рѣдкихъ случаевъ есть переходъ къ другой крайности, къ тѣлесной вялости и слабосилію; въ этомъ отношеніи можно насчитать гораздо больше представителей, и большинство населенія, какъ мнѣ кажется (хотя обстоятельныхъ наблюденій сдѣлано не было), ближе подходитъ къ этому типу или только занимаетъ средину между двумя крайностями.

Въ общей сложности нѣкоторое слабосиліе, замѣчаемое на юго-востокѣ Олонецкой губерніи, имѣетъ довольно тѣсное отношеніе къ качеству здѣшней пищи. Пища совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому аппетиту, который въ силу весьма естественныхъ причинъ присущъ Олончанину. Понятіе объ аппетитѣ здѣшняго жителя можно получить при бывающихъ здѣсь церковныхъ и часовенныхъ праздникахъ; начиная съ полудня, жители, собравшись въ деревню, отправляющую праздникъ, и отслушавъ церковную службу, начинаютъ обходить домъ за домомъ; вездѣ въ это время накрыты столы, уставленные яствами; гости, пообѣдавъ въ одномъ домѣ, переходятъ съ тою же цѣлью въ другой, и такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго дня, каждый гость имѣетъ возможность пообѣдать до 8 или 10 разъ, и всегда съ одинаковою охотой и удовольствіемъ. Когда рабочіе, проходя съ путинъ домой, покупаютъ по деревнямъ хлѣбъ, то случается, что одинъ человѣкъ одолѣваетъ за одинъ присѣстъ двѣ-три мякушки, составляющія вмѣстѣ до 5 или 7 фунтовъ вѣса.

Способность Олончанина принимать большое количество пищи много и часто зависитъ отъ сильнаго физическаго труда, а также отъ плохихъ качествъ самой пищи. Въ большинствѣ случаевъ самое лучшее кушанье здѣсь рыбное. Рыба преимущественно варится; въ болѣе торжественныхъ случаяхъ изъ нея дѣлается пирогъ; въ жареномъ видѣ употребленіе рыбы между крестьянами не извѣстно. Рыба варится и кладется въ пироги — съ чешуей; хотя такой обычай и оправдывается тѣмъ, будто рыба съ чешуей вкуснѣе: и пирогъ, и уха выходятъ-де изъ нея лучше, — однакоже употребленіе рыбы въ пищу въ подобномъ видѣ нужно считать остаткомъ сѣдой старины. Въ общей сложности на долю крестьянъ

приходится даже и рыбы недостаточное количество. Лучшая рыба идетъ въ продажу; только какъ исключеніе, допускается на столъ жителей около Вытегры такая рыба, какъ сиги, лосось или палія. Все подобное свозится въ городъ. Охотнѣе всего прибрежные жители ѣдятъ налима; но и онъ сравнительно рѣдкій гость на столѣ Олончанина; ловится онъ только весной или зимой; лѣтомъ онъ весьма рѣдокъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ значительный ловъ сиговъ, напримѣръ, при устьѣ Водлы или на Водлозерѣ, крестьяне ѣдятъ мелкую рыбу — окуньковъ, плотву, ершей, ряпушку, корюшку, послѣднихъ особенно въ сухомъ видѣ. Уже раньше я упомянулъ о томъ, что рыба употребляется въ пищу и въ тухломъ состояніи. Мясо бываетъ на столѣ только въ большіе праздники и у людей болѣе состоятельныхъ; въ массѣ населенія оно не извѣстно. Дичь по большей части продается. Затѣмъ слѣдуетъ пища растительная; она также мало разнообразится. Овощи въ обслѣдованныхъ мною мѣстностяхъ мало разводятся: напримѣръ, крестьяне не разводятъ капусты и такимъ образомъ лишаются весьма характернаго подспорья въ пищѣ; между тѣмъ та же уха, но съ капустой, была бы несравненно болѣе питательною; въ однихъ мѣстахъ не садятъ капусты по недостатку времени, въ другихъ — потому, что она не родится на тощей почвѣ, хотя рядомъ бывали случаи, что она давала прекрасные вилки; встрѣчаются отчасти рѣдька, брюква, лукъ и пр. Овощи замѣняются здѣсь ягодами и грибами. Въ іюлѣ мѣсяцѣ морошка вытѣсняетъ всѣ кушанья и на часовенныхъ праздникахъ становится единственнымъ угощеніемъ, съ легкою примѣсью рыбы; она же является на могилахъ умершихъ, гдѣ Водлозёры празднуютъ тризну. Къ концу лѣта такое же значеніе пріобрѣтаютъ грибы; они варятся съ водой и небольшимъ количествомъ масла; въ Каргопольскомъ уѣздѣ рыжики солятся и идутъ даже въ продажу. Все это такая пища, послѣ которой, въ какомъ бы она количествѣ ни была принята, легкое чувство аппетита не оставляетъ человѣка, особенно послѣ длинныхъ путешествій. Главную основу пищи, кромѣ картофеля, рѣпы и гороха, составляетъ, конечно, хлѣбъ, но какъ уже извѣстно, онъ не родится здѣсь въ изобиліи. Хлѣбъ употребляется въ различныхъ видахъ и преимущественно ржаной; изъ ржи дѣлается кисель, каша;

хлѣбъ изъ ячменя называется житникомъ; вообще печеный хлѣбъ на Водлозерѣ извѣстенъ подъ именемъ мякушки; горохъ превращается въ муку и идетъ на приготовленіе лепешекъ, гороховиковъ или гороховыхъ калитокъ. Неурожаи хлѣба порождаютъ голода; въ такомъ случаѣ къ хлѣбу дѣлается примѣсь мху и сосновой коры, или какъ это было въ 1867 и 1868 годахъ въ окрестностяхъ Вытегры и около Водлозера, пекутъ хлѣбъ съ перемолотою соломой. Сначала дѣлается слабый растворъ изъ чистой муки, къ которому и прибавляется соломенная мука; чистая мука играетъ здѣсь роль цемента. Цвѣтъ соломенной муки отъ желтоватаго измѣняется до грязно-бураго; конечно, нужно чрезвычайно крѣпкій желудокъ для того, чтобы переварить хлѣбъ изъ такого сорта муки; однако, въ означенные голодные года крестьяне на Водлозерѣ довольно долго питались хлѣбомъ съ соломой; во многихъ мѣстахъ даже во время Пасхи крестьяне не имѣли чистаго хлѣба. Священникъ, обходя съ крестомъ крестьянъ, въ большей части деревень находилъ по одному только чистому хлѣбу изъ ржаной муки; такой хлѣбъ крестьяне переносили изъ дома въ домъ за священникомъ, который въ разныхъ домахъ долженъ былъ освящать его; своего хлѣба съ соломой крестьяне не ставили на столъ для освященія, такъ какъ боялись этимъ прогнѣвить Бога. Соломенный хлѣбъ не остался безъ послѣдствій для жителей; послѣ него жителей начала одолѣвать цынга. Жена священника на Водлозерѣ говорила мнѣ, что женщинъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться, нельзя было узнать: „Ой да, матушка, послѣ соломы—да хлѣба немножко поѣла, да оцынжала!..“ говорила всякая изъ нихъ при встрѣчѣ. Кромѣ того, жителей Водлозера постигла горячка, отъ которой вымирали цѣлые дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Повѣнецкаго уѣзда употребленіе въ пищу сосновой коры между жителями есть явленіе почти постоянное [1]). Въ Повѣнцѣ дороговизна хлѣба увеличивается еще трудностью доставки, такъ какъ правильнаго пароходнаго сообщенія по Онежскому озеру къ Повѣнцу не существуетъ [2]). Что

---

[1]) Пам. кн. Олон. губ. за 1868—69 гг., стр. 41.

[2]) *Кесслеръ*, 15.

касается дальнѣйшихъ источниковъ пропитанія, то указываютъ на страсть крестьянъ къ чаю и кофе; въ мѣстной литературѣ не рѣдко высказывается мнѣніе, что эта страсть ввергаетъ жителей въ нищету и т. д. Можно согласиться, что любовь къ чаю здѣсь распространена, но несомнѣнно, что она мало удовлетворяется; чай и кофе, „цай, да кофей, да чикорія", какъ говорятъ мѣстные жители, допускаются у большинства только въ большіе праздники; многіе совсѣмъ не знаютъ этихъ напитковъ; въ будни они даже самыми состоятельными людьми пьются съ ограниченіемъ, и особенно чай—самый жидкій. Однимъ словомъ можно сказать, что распространеніе чая и кофе здѣсь ограничено, и что это связано съ бѣдностью; естественно ожидать, что если въ будущемъ условія быта здѣшняго населенія улучшатся, то чай и кофе получатъ несравненно большее значеніе, нежели теперь.

Несомнѣнно, что бытовыя условія, особенно пища, отражаются на физическомъ складѣ жителей. Но притомъ, конечно, можно допустить и другія вліянія на антропологическій типъ ихъ. Прежде всего сюда нужно отнести вліяніе посторонняго, не славянскаго элемента. На внѣшнемъ видѣ Водлозёровъ вліяніе финской крови очевидно. При одномъ сборищѣ, состоявшемъ изъ 70—80 человѣкъ мужчинъ, я видѣлъ только одного съ чисто-черными волосами. Большинство по цвѣту волосъ распадалось на двѣ части: одна половина мужчинъ представлялась съ рыжими волосами, другая—съ бурыми, и какъ та, такъ и другая была съ темными и съ свѣтлыми оттѣнками; говоря точнѣе, между обѣими половинами можно было найдти переходы, соединить ихъ въ постепенный рядъ, отъ свѣтлорыжихъ до темнобурыхъ. Между женщинами иначе; рыжіе волосы, иногда какъ-бы льняные, преобладаютъ; темные оттѣнки весьма рѣдки. Мужчины имѣютъ негустую бороду; часто встрѣчаются бороды двуцвѣтныя, съ рыжимъ оттѣнкомъ около подбородка и рта, темныя на концахъ. Цвѣтъ лица мужчинъ соотвѣтствуетъ цвѣту волосъ; между женщинами большинство съ рыжимъ цвѣтомъ кожи. Какъ между мужчинами, такъ и между женщинами встрѣчаются лица съ выдающимися скулами; не рѣдко лица кажутся пирамидальными, широкими около скулъ и глазъ и суживающимися къ подбородку, который въ такомъ случаѣ является нѣсколько заостреннымъ. У

женщинъ лица въ молодомъ возрастѣ представляются округленными, съ толстыми мясистыми щеками; въ болѣе зрѣломъ возрастѣ онѣ становятся угловатыми. Форма лица у мужчинъ во многихъ случаяхъ болѣе правильна и ближе, по видимому, къ русскому типу. До 10 или 20% мужчинъ выдѣляются изъ массы по длинному, прямому тонкому носу; у остальныхъ мужчинъ, какъ и у большинства женщинъ, носъ вздернутый. Будучи вздернутымъ, онъ бываетъ длиненъ, при основаніи сухъ, нѣсколько низокъ и узокъ; книзу онъ расширяется и возвышается, болѣе или менѣе заостряясь кверху; сюда можно отнести до 50% мужчинъ. На лицахъ втораго рода—также вздернутый носъ, но сравнительно короткій, немного приплюснутый, по срединѣ представляющій легкую поперечную впадину, сѣдловину; конечная вздернутая часть мясиста. Вмѣстѣ съ нѣкоторою частью мужчинъ къ этому типу относится большая часть женщинъ.

Всѣ Водлозёры не высоки ростомъ; изъ указанной мною толпы только одинъ мужчина былъ 2 арш. 8,5 вершк.; изъ множества другихъ, стоявшихъ около него, не было ни одного, который заслонялъ бы нижнюю часть его уха; онъ былъ почти всею головой выше большинства. Наиболѣе высокіе едва достигаютъ 2 арш. 6 и 6,5 вер., а среднюю высоту едва ли можно принять болѣе 2 арш. 5 вершковъ.

На Кенозерѣ я встрѣтилъ уже гораздо болѣе чистый типъ; здѣсь преобладалъ типъ длинноносыхъ и прямоносыхъ какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. Народъ здѣсь выше ростомъ и болѣе крѣпко сложенъ, мужчины — съ длинными густыми бородами. Въ окрестностяхъ Вытегры мнѣ не удалось одновременно наблюдать большія скопленія народа: кажется впрочемъ, что изъ здѣшнихъ жителей многіе напоминаютъ типъ, преобладающій на Водлозерѣ, низкорослый и скуловатый. Итакъ, во всемъ населеніи нужно различать типъ жителей русскій, древне-новгородскій, и помѣсь его съ инородцами, Финнами. Къ первому, по всему вѣроятію, нужно отнести длинноносыхъ и бородатыхъ, безъ выдающихся скулъ; ко второму — большинство Водлозерскаго населенія, людей низкорослыхъ, съ короткими, мясистыми, слегка сплюснутыми носами. Между прочимъ, по отношенію къ Водлозеру, интересенъ фактъ пре-

обладанія этого послѣдняго элемента въ женщинахъ. Находясь на мѣстѣ изслѣдованія, я думалъ объяснить это тѣмъ, что Водлозеро заселялось, вѣроятно, бѣглыми, искателями приключеній, недовольными холостяками, которые брали себѣ подругъ жизни изъ туземнаго Финскаго племени; въ такомъ случаѣ женщины съ гораздо большею силой передавали свой племенной элементъ по женской линіи и съ меньшимъ успѣхомъ по мужской.

VII.

Характеръ общаго и культурнаго развитія; наклонность къ переселеніямъ, ея значеніе вообще, и по отношенію къ Водлозеру въ частности. Положеніе и образъ жизни Олонецкой женщины по отношенію къ росту населенія. Факторы, обусловливающіе жизнь или смерть дитяти; разница въ количествѣ дѣтей между временно-обязанными и государственными крестьянами Вытегорскаго уѣзда, и причины этого. Вымираніе между помѣщичьими крестьянами. Ростъ государственныхъ крестьянъ и общаго числа населенія въ Олонецкой губерніи. Общее уменьшеніе населенія въ нѣкоторыхъ городахъ и уѣздахъ. Заключеніе.

Итакъ, мы пришли къ цѣли, къ нѣкоторой возможности опредѣлить силу прогрессивнаго развитія въ сѣверо-русскомъ народонаселеніи. Мы видѣли, что большинство инородческихъ племенъ Сѣвера подверглось вымиранію, и что высшая степень прогресса въ ихъ развитіи выразилась на столько, на сколько они вступили въ кровную связь съ славянскимъ элементомъ. Причина этого—та, что они не въ силахъ были подняться выше того умственнаго и физическаго уровня, съ помощію котораго они могли бы усвоить новыя формы жизни, труда и дѣятельности; они не были въ состояніи замѣнить старыя средства къ существованію новыми. Славяне принесли на Сѣверъ болѣе высокую культуру, болѣе сильныя орудія и средства, и благодаря этому, болѣе густо населили Сѣверъ, внесли на него больше гражданственности. Но какъ я уже и раньше указывалъ, въ Олонецкой губерніи многія изъ сторонъ жизни весьма мало измѣнились со временъ господства древняго Новгорода, и, напротивъ того, сохранились многія изъ старинныхъ формъ въ промыслахъ — въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ, сохранились способы и орудія обработки земли и т. д. Кромѣ этихъ довольно существенныхъ чертъ старины, имѣется здѣсь и много дру-

гихъ—въ разныхъ родахъ дѣятельности. Такъ, напримѣръ Водлозеро даетъ во время зимы различнаго рода бродячихъ мастеровыхъ. Крестьяне разсыпаются по окрестностямъ и ходятъ изъ деревни въ деревню, съ цѣлію случайныхъ заработковъ; есть бродячіе портные, сапожники, печники, катальщики валенокъ и пр.; эти-то люди и напоминаютъ собою тотъ классъ работниковъ, который во владѣніяхъ древняго Новгорода извѣстенъ былъ подъ названіемъ вольныхъ людей и бродилъ по селамъ и погостамъ съ тою же цѣлью случайныхъ заработковъ [1]); только въ старину такіе люди отличались тѣмъ, что не имѣли никакого хозяйства [2]). Самые погосты съ ихъ церквями, теперь, какъ и въ древнія времена, служатъ здѣсь сборищами для народа и центрами мелкой торговли. На Водлозерѣ, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, покойниковъ хоронятъ въ погостахъ, около церквей [3]), для чего свозятъ ихъ изъ окрестныхъ деревень, верстъ изъ за 20—30 и болѣе. Любопытная черта древности сохранилась въ употребленіи слова *дымъ*: крестьяне на Кенозерѣ, объясняя мнѣ отношенія свои къ лѣсному вѣдомству, говорили, что „каждый *дымъ* даватъ (даетъ) по малёнкѣ хлѣба лѣсничему“. Это напоминаетъ дань, наложенную Олегомъ на Древлянъ—по черной куницѣ отъ дыма (то есть, очага, дома) [4]). Затѣмъ едва ли слѣдуетъ мнѣ говорить еще объ одномъ остаткѣ старины—о былинномъ эпосѣ, который былъ уже предметомъ многихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ этою, такъ сказать, гражданскою поэзіей

---

[1]) *Бѣляевъ*, II, стр. 94.

[2]) *Костомаровъ*, II, стр. 152.

[3]) Замѣчательно, что на ряду со многими формами жизни, уцѣлѣвшими отъ древнихъ временъ, здѣсь не сохранилось такое выгодное начало, какъ артельное. Артель распространена здѣсь чрезвычайно мало и проявляется спородически, въ видѣ какъ-бы рѣдкаго исключенія; кромѣ рыбацкихъ артелей на Ладожскомъ озерѣ, мнѣ не удалось ни видѣть, ни слышать о другихъ, сколько-нибудь значительныхъ. Но уже ладожскіе артельщики невсегда самостоятельно распоряжаются своею добычей и заблаговременно забираютъ деньги подъ рыбу. Очевидно, что артельное начало уничтожено здѣсь усиленіемъ кулаковъ, прасоловъ и пр., интересы которыхъ прямо противоположны и враждебны ему. Всякія невзгоды въ жизни массы должны были вести къ усиленію отдѣльныхъ личностей и къ подчиненію имъ значительнаго большинства.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, I, 110—111.

въ средѣ Олончанъ можно найдти и каликъ перехожихъ, бродящихъ по селамъ и деревнямъ и распѣвающихъ стихи духовные. Пѣвцы пѣсень религіознаго содержанія весьма обыкновенны въ Каргопольскомъ уѣздѣ; они заходятъ изрѣдка и на Водлозеро, гдѣ отчасти имѣются и свои, мѣстные. Есть, по видимому, и еще другія, не менѣе древнія черты въ народномъ сознаніи. Еще епископы древняго Новгорода преслѣдовали распространявшееся между Русскими на Сѣверѣ поклоненіе ельникамъ, что̀ было въ обыкновеніи у Финновъ. Это чувство почитанія древесной растительности оставило свои слѣды и до сихъ поръ. Мой вожакъ, молодой крестьянинъ изъ деревни Кузнецовой на Тудозерѣ, указывалъ мнѣ на старую развѣсистую сосну не далеко отъ его дома; отъ старости многія вѣтви на ней отсыхали и падали; эта сосна, называемая здѣсь Божьею сосной, имѣетъ значеніе священнаго дерева. Считается величайшимъ грѣхомъ взять отъ сосны хотя одну щепку или старую отсохшую вѣтвь. Всѣ отгнившія вѣтки тщательно собираются подъ сосну, гдѣ стоитъ старый деревянный крестъ. Въ другихъ случаяхъ встрѣчаются рощи, преимущественно еловыя, и подъ ними помѣщаются часовни. Часовни и роща почти повсемѣстно между собою связаны; эту связь я прослѣдилъ на старообрядческомъ кладбищѣ въ Оштѣ, на часовняхъ около Никулинскаго на Андомѣ, около Пудожа и внизъ по Водлѣ, къ ея устью, затѣмъ на Водлозерѣ, въ Чуялѣ, по Вамѣ, на Кенозерѣ, около Рышковой и т. д. Встрѣчаются часто отдѣльные кресты подъ деревьями; на кресты, по древнему обычаю, вѣшаются полотенца и прочія деревенскія издѣлія [1]). Существуетъ, по видимому, и много другихъ обычаевъ весьма древняго корня; такъ, напримѣръ, покойникъ считается за нѣчто „нечистое и скверное, и всякій, прикасающійся къ нему, также сквернится, какъ равно и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ въ домѣ, и самый домъ. Такое оскверненіе, по мнѣнію народа, продолжается до сороковаго дня и раньше быть очищено не можетъ“ [2]). На сороковой день дѣлаютъ обѣдъ, на которомъ оставляется мѣсто съ прибо-

---

[1]) Ср. *Карамзина* Ист. Госуд. Росс. (изд. *Эйнерлинга*), I, ст. 56 и прим. 216.
[2]) Ол. губ. вѣд. за 1867 г. № 31 и Записки Р. Г. Общ. по Отд. Этнографіи, II, 64 — 66.

ромъ и кушаньями для покойника; полагаютъ, что онъ сидитъ со всѣми за столомъ; потомъ ему стелютъ чистую постель, на которой въ это время никто не спитъ, кромѣ самаго невидимаго покойника. Не буду говорить о домовыхъ, водяникахъ, лѣшихъ и пр., объ этихъ ясныхъ остаткахъ язычества, въ которые однако Олончане твердо вѣрятъ.

Почти полное отсутствіе грамотности замѣчается во многихъ мѣстахъ: на Водлозерѣ нѣтъ ни одного грамотнаго, болѣе чѣмъ изъ 2000 мужчинъ и женщинъ, кромѣ одного или двухъ богачей, учившихся у дьячковъ; даже старшина избирается здѣсь неграмотный. Въ окрестностяхъ Вытегры только самое молодое поколѣніе нѣсколько по грамотнѣе; вся же взрослая масса—люди темные. Въ чемъ же послѣ этого искать проблесковъ образованности, гдѣ тотъ умственный и нравственный свѣтъ, который обезпечиваетъ человѣку безбѣдное существованіе и очищаетъ его отъ той первобытной умственной и матеріальной шкурки, которую въ послѣднее время такъ усердно теребятъ антропологи и этнологи?

Орудіе для истребленія предразсудковъ—наука не была до сихъ поръ доступна русскому обитателю Сѣвера; онъ чрезвычайно мало улучшалъ свой умственный кругозоръ; до нѣкоторой степени истощая богатства одной мѣстности, онъ перебирался для той же цѣли въ другую, которая также могла быть оставлена въ виду новой; иначе ожидало человѣка бѣдствіе. Это такъ и случилось. Въ XVI столѣтіи, когда звѣрь на сѣверѣ Европейской Россіи былъ уже достаточно истребленъ, жители направились въ Сибирь ради того же звѣроловства; звѣрь уменьшился въ Сибири, и жителей постигло бѣдствіе. Такъ прозябаютъ теперь Русскіе въ Туруханскѣ, на Ленѣ и пр., низойдя до той степени культуры, которая свойственна мѣстнымъ инородцамъ. Указанное стремленіе къ переселеніямъ не покидаетъ однако Олончанъ и до сихъ поръ. Въ самое послѣднее время они выселялись изъ своей губерніи, при чемъ бывали, конечно, случаи, ведшіе къ еще большимъ бѣдствіямъ. Случалось такъ, что переселенцы, натерпѣвшись всевозможныхъ бѣдствій на пути и утвердившись на новомъ мѣстѣ, были съ него сгоняемы и возвращаемы на старое попелище. И я видѣлъ на Кенозерѣ, напримѣръ, въ деревнѣ Карповой, семейства, возвратившіяся обрат-

но: это были люди, повергнутые въ самую печальную нищету; они жили въ сараяхъ и баняхъ.

Водлозеро, этотъ не менѣе печальный пріютъ бѣдности, переходящей въ нищету (можетъ быть, четверть жителей уходитъ отсюда зимой на „проску", то есть, на жизнь милостыней), вѣроятно, уже въ довольно отдаленныя отъ насъ времена, было значительно населено и обладало церковью, сохранившею до сихъ поръ свое имя. Уже по писцовымъ книгамъ XVI в. здѣсь значилось 37 деревень, но изъ нихъ было только 24 обитаемыхъ; остальныя 13 были пусты [1]); съ ними произошло, вѣроятно, то же, что съ поселеніемъ на Вирозерѣ, гдѣ было первоначально до 6 или 7 дворовъ, а теперь, какъ уже говорено выше, только одинъ. Но если было нѣкогда время, что всѣ 37 деревень были обитаемы, то стало быть, Водлозеро было нѣкогда болѣе заселено, чѣмъ теперь. Впрочемъ, въ настоящее время трудно сказать это. Мѣстный священникъ передавалъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ за послѣднее время населеніе должно было уменьшиться. И въ самомъ дѣлѣ, по послѣдней ревизіи податныхъ душъ было около 1,000; теперь же ихъ найдется едва ли до 700; такое положеніе дѣлъ еще болѣе усиливаетъ бѣдность крестьянъ, такъ какъ подати на 300 умершихъ душъ разлагаются на 700 оставшихся.

Имѣя въ виду подобные частные случаи, трудно ожидать благопріятныхъ результатовъ относительно роста населенія во всей губерніи. Помимо неблагопріятныхъ экономическихъ условій, плохо обезпечивающихъ жителей отъ болѣзней, отъ погибели на чужой сторонѣ, укажу прежде всего на самый источникъ, отъ котораго зависитъ сила, крѣпость и долговѣчность вновь появляющагося поколѣнія. Это несомнѣнно—женщина. На ея долю падаютъ здѣсь двѣ тяжелыя обязанности — тяжесть физическихъ работъ и труда около дома и муки родовъ. Нужно думать, что результаты послѣдняго акта тѣсно связаны съ первыми. Существо, не знающее ни днемъ, ни ночью покоя—даже еслибъ оно находилось и въ критическомъ положеніи, не можетъ дать вполнѣ здороваго потомства.

---

[1]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, стр. 171.

Такова Олонецкая женщина. Ее можно видѣть глубоко вязнущею въ глинистой грязи за сохой и бороной; она на сѣнокосѣ въ болотѣ, въ лѣсу на оводѣ и комарахъ; она и на рыбной ловлѣ кидаетъ и тянетъ тоню невода, при чемъ босая бродитъ въ холодной водѣ по колѣно. Во всѣхъ этихъ работахъ я видѣлъ женщинъ беременныхъ. Послѣ этихъ работъ женщина возвращается домой и готовитъ семьѣ обѣдъ или ужинъ, жарясь у печки; она шьетъ, прядетъ, ткетъ; она молотитъ хлѣбъ, часто мелетъ его и печетъ. Въ случаѣ недостатка пищи, она первая подвергается ограниченіямъ. При всемъ этомъ она несетъ на себѣ еще всю тяжесть побоевъ: она лишена возможности „быть плеточкой легонечко постеганной", но за то подвергается ударамъ крѣпкихъ кулаковъ и дубинъ. На моихъ глазахъ одинъ мужъ билъ свою жену такъ, что крикъ ея привлекъ меня на мѣсто неравнаго поединка съ другаго конца деревни, и билъ за то лишь, что женщина, заваленная массой домашнихъ хлопотъ, не приготовила чистой рубашки при отходѣ мужа въ баню, а принесла ее тогда, когда онъ уже кончилъ свое омовеніе (омовеніе почитается здѣсь необходимымъ послѣ каждаго ночнаго соитія съ женщиной; по этому мужчины чуть не каждый день бываютъ въ банѣ). Возвратившись потомъ къ хозяину моей квартиры, уже старому человѣку, я сообщилъ ему о печальномъ столкновеніи между двумя супругами и получилъ слѣдующій неожиданный для меня отвѣтъ: „О, да я, бывало, еще не такъ!... Что жалѣть *это поганое мясо?*" Тутъ же лежавшая, едва живая старуха объяснила мнѣ, съ упреками къ мужу, что онъ билъ ее по обыкновенію до тѣхъ поръ, пока не наступало у нея произвольное выдѣленіе мочи и пр. Знакомые съ антропологіей найдутъ въ сказанномъ не мало общаго и многимъ первобытнымъ племенамъ.

Едва ли такія условія въ жизни матери остаются безъ вліянія на развитіе новаго существа, начиная съ его зародышнаго состоянія до полнаго младенческаго возраста; вѣроятно, дѣти и родятся то же мало способными къ выживанію. Мать только при самомъ наступленіи родовъ ложится въ постель, оставляя работы, а послѣ родовъ на другой же день встаетъ и принимается за домашнія дѣла; при такихъ условіяхъ новорожденный рѣдко пользуется хорошимъ уходомъ въ новомъ для него мірѣ. Здѣсь ему приходится

развиваться въ грязи и нечистотѣ, въ спертомъ воздухѣ комнатъ, который особенно по утрамъ бываетъ невыносимо тяжелъ. Затѣмъ на немъ не менѣе вредно отражается ходъ домашняго хозяйства, скотскіе падежи, неурожаи, вмѣстѣ съ атмосферическими явленіями [1]). На ряду съ холодомъ, которому дитя подвергается въ избахъ, его моютъ въ жаркихъ печахъ, изъ которыхъ до этого только что вынимаютъ сухую корюшку, оставляющую весьма непріятный запахъ. Понятно, что всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, порождаютъ въ дѣтяхъ сильную смертность. На смертность вліяетъ еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишество половой дѣятельности родителей; чѣмъ больше у женщины дѣтей, тѣмъ меньше она питаетъ ихъ физіологически и физически. Я зналъ крестьянина въ д. Куго-Наволокѣ, который произвелъ на свѣтъ 34 человѣка дѣтей отъ двухъ женъ; человѣкъ 25 было у него отъ первой жены, а остальные отъ второй; изъ всѣхъ осталось въ живыхъ 7 человѣкъ. Довольно часто случается встрѣчаться съ женщинами, у которыхъ было 11 или 12 дѣтей; изъ нихъ остается въ живыхъ обыкновенно двое или трое. Въ деревнѣ Рагуновѣ, на одномъ изъ острововъ Водлозера, изъ 12 семействъ только въ двухъ по 5 несовершеннолѣтнихъ дѣтей, въ одномъ 7, и еще въ одномъ 4; въ каждомъ семействѣ померло по одному или по три человѣка. Изъ остальныхъ у пяти нѣтъ дѣтей, хотя въ одномъ изъ нихъ было 10 человѣкъ дѣтей, въ другомъ три, а въ двухъ семействахъ ожидаются; въ трехъ остальныхъ всего 2 мальчика и 2 дѣвочки. Слѣдовательно, на всю деревню приходится до 26 несовершеннолѣтнихъ дѣтей, а на каждое семейство почти только по 2 несовершеннолѣтнихъ. Имѣя въ виду еще то, что далеко не всѣ дѣти выживаютъ до совершеннолѣтія, трудно не допустить мысли объ уменьшеніи народонаселенія на Водлозерѣ [2]). Скажу здѣсь между

---

[1]) О роковой зависимости жизни дѣтей отъ этого рода дѣятелей см. Изслѣд. о рожд. и смерти дѣтей въ Новгор. губ. *Гиляровскаго*, въ Зап. Р. Г. Общ. по Отд. стат. т. I, стр. 241—257.

[2]) Изъ словъ Гиляровскаго, слѣдуетъ, что, „во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ изъ всѣхъ родившихся выживаетъ менѣе двухъ на среднее супружество,—народонаселеніе, съ одной ревизіи до другой, упадаетъ, и что во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выживаетъ менѣе трехъ, оно въ тѣхъ же количествахъ переходитъ изъ одной

прочимъ, что частая бездѣтность порождаетъ случаи пріемышества; особенно это бросалось мнѣ въ глаза въ окрестностяхъ Вытегры; бездѣтные старики и старухи берутъ пріемышей изъ кантонистовъ или солдатскихъ дѣтей, изъ бродячихъ Водлозёровъ и пр. Но рѣдко такія мѣры къ утѣшенію удаются. Большею частью пріемышъ, вступая въ права хозяина, проматываетъ у стариковъ послѣднее имущество: забрасываетъ пашню, продаетъ коня и корову, и предаваясь разгулу, пускаетъ стариковъ по міру.

Силу вліянія экономическаго уровня на количество живыхъ дѣтей яснѣе всего можно усмотрѣть въ Вытегорскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ изъ Вытегорскаго земства. Временно-обязанныхъ крестьянъ въ уѣздѣ, взрослыхъ мужчинъ 3022 д. и женщинъ 3420 д., всего 6442 души. На нихъ приходится дѣтей 2941 д. или на 100 взрослыхъ 45,6 челов. дѣтей. Государственныхъ крестьянъ считается 7,981 мужч. и 8,981 женщ., всего 16,964 души; на нихъ приходится дѣтей 9,244 души, слѣдовательно, на 100 получимъ 54,49 человѣкъ. Отсюда видно, что число дѣтей у государственныхъ крестьянъ больше, чѣмъ у временно-обязанныхъ, на 9% или на каждые 100 чел. взрослыхъ приходится по 9 человѣкъ дѣтей больше. Положеніе дѣлъ будетъ яснѣе, если обратимъ вниманіе на то, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ крестьянъ количество женщинъ значительно больше количества мужчинъ. Количество дѣтей у временно-обязанныхъ крестьянъ не достигаетъ до числа взрослыхъ мужчинъ: дѣтей,—меньше тогда какъ у государственныхъ крестьянъ, число дѣтей не только превосходитъ число мужчинъ, но даже больше и общаго количества женщинъ. Обращаясь къ частностямъ, найдемъ, что изъ четырехъ волостей временно обязанныхъ крестьянъ только въ одной количество дѣтей больше числа женщинъ, въ одной не много больше числа мужчинъ и меньше, чѣмъ женщинъ. Въ двухъ остальныхъ случаяхъ—дѣтей меньше, чѣмъ мужчинъ. Изъ шести волостей государственныхъ крестьянъ только въ двухъ дѣтей меньше, чѣмъ

ревизіи въ другую. Дѣйствительное увеличеніе его начинается съ того, когда выживаетъ по три и болѣе *на среднее* супружество. См. Изслѣд. о рожд. и смерти. дѣтей въ Новгор. губ., стр. XXVII.

женщинъ, но больше, чѣмъ мужчинъ. Въ остальныхъ четырехъ вездѣ дѣтей больше, чѣмъ женщинъ. Разница выразится яснѣе, если мы возмемъ одно изъ худшихъ отношеній дѣтей къ взрослымъ у временно-обязанныхъ и одно изъ лучшихъ у государственныхъ. Какъ представителя первой, возмемъ Шильдскую волость; въ ней 1,241 д. м. и 1,312 ж.; на нихъ приходится дѣтей 947; на 100 челов. взрослыхъ 33,1 ч. дѣтей. Для второй категоріи примемъ волость Макачевскую; въ ней 1,556 м. и 1,688 ж.; на нихъ приходится дѣтей 1,877; слѣдовательно, на 100 взрослыхъ 57,8 дѣтей. Здѣсь разница въ количествѣ дѣтей между двумя волостями превыситъ 14,7%. Причины здѣсь нужно искать въ различной степени благосостоянія тѣхъ и другихъ крестьянъ. Отношеніе налоговъ къ заработкамъ у тѣхъ и у другихъ одинаково. Временно-обязанные заработываютъ дома и на чужбинѣ 8,828 руб., платятъ налоговъ подушныхъ и оброковъ, мірскихъ, земскихъ и натуральной повинности 9,033 руб. Государственные крестьяне заработываютъ 13,317 руб., платятъ налоговъ 14,816 р.; слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другіе, одинаково платятъ больше, чѣмъ заработываютъ (отсюда очевидно, что трата силъ больше, чѣмъ возстановленіе; притомъ въ сущности крестьяне не всегда платятъ, а копятъ недоимки). Не знаю только, всѣ ли налоги приняты въ этомъ расчетѣ во вниманіе у временно-обязанныхъ, такъ какъ если раздѣлить налоги на число мужскихъ душъ, то получимъ только по 7 руб. съ копѣйками, а у государственныхъ будетъ до 9 руб. на душу. На мѣстѣ мнѣ пришлось слышать, что у временно-обязанныхъ налоги вмѣстѣ съ выкупомъ за землю больше: приходится до 15 р. на душу. Но помимо этого, а также и хлѣбопашества, есть одна причина, не менѣе существенная, — различіе въ количествѣ домашняго скота. У временно-обязанныхъ приходится на волость 1,248 головъ рогатаго скота; слѣдовательно, изъ 2,553 д. взрослыхъ мужч. и женщ. по 48,6 головъ на 100 человѣкъ. У государственныхъ крестьянъ на 3,241 д. взрослыхъ мужч. и женщ.—3,195; на 100 человѣкъ 95,4 головы, почти по одной на душу; лошадей у временно-обязанныхъ крестьянъ меньше почти на 100 сравнительно съ числомъ дворовъ, у государственныхъ только на 19 штукъ. Это различіе связано съ количествомъ сѣна; въ первой категоріи его

заготовляется только около 34,000 пудовъ; во второй до 257,000 пудовъ, больше чѣмъ въ 7 разъ.

Отсюда будетъ, кажется, ясно, что сравнительно большее изобиліе скота больше обезпечиваетъ и долговѣчность дѣтей. А если это такъ, то жизнь или смерть безпомощнаго существа роковымъ, неизбѣжнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ количества свободной земли, гдѣ онъ родился, отъ изобилія луговъ, отъ каменистой, глинистой или песчаной почвы, отъ дождя или засухи; зависитъ это и отъ того, на какой землѣ появляется на свѣтъ человѣкъ, на бывшей ли помѣщичьей, или на государственной. Примѣръ, только что нами представленный, доказываетъ, что различіе въ количествѣ дѣтей, остающихся въ живыхъ, прямо связано съ послѣднимъ условіемъ, съ характеромъ общественнаго строя, такъ какъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ собственно природа одинакова, и взятая сама по себѣ, она и вліяетъ одинаково какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ.

Переходя отъ частнаго случая къ общему, найдемъ, что неблагопріятныя условія давно тяготѣютъ на временно-обязанныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Вотъ для этого свѣдѣнія изъ пяти ревизій, съ обозначеніемъ за каждую числа душъ обоего пола:

По	6-й	ревизіи	1821	г.	12,162
„	7-й	„	1831	„	12,395
„	8-й	„	1841	„	12,568
„	9-й	„	1851	„	11,816
„	10-й	„			11,250 [1].

Отсюда видно, что число помѣщичьихъ крестьянъ съ двадцатыхъ годовъ росло чрезвычайно медленно до сороковыхъ годовъ; затѣмъ оно быстро, сравнительно съ предшествовавшимъ ростомъ, начало уменьшаться; въ первые двадцать лѣтъ прибыло 406 душъ, при чемъ женское населеніе убыло на 12 [2]), во вторые—уменьшилось на 1,318 душъ, сдѣлавшись меньше, чѣмъ въ двадцатыхъ годахъ. По даннымъ Озерецковскаго, относящимся къ 1788 г.,

[1]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 годъ, стр. 241—244; Олон. губ. вѣдом. за 1859 г. № 11.

[2]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 241.

помѣщичьихъ крестьянъ числилось 6,093 мужскаго пола и 6,115 женскаго [1]), всего 12,208; отсюда видно, что количество помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи было меньше, чѣмъ лѣтъ 70 назадъ.

На ряду съ этимъ количество государственныхъ крестьянъ увеличивалось; въ 1821 году ихъ было 144,934 души обоего пола; къ 1841 число ихъ увеличилось до 165,588, на 20,654 д., или наросло въ 20 лѣтъ на 14,3%. Къ десятой ревизіи ихъ было 181,634 д. обоего пола [2]), слѣдовательно, съ 1821 г. произошло приращеніе въ 33%. Такъ какъ государственные крестьяне составляютъ главную массу жителей, то и вообще въ народонаселеніи замѣтно нѣкоторое увеличеніе. Такъ, въ 1851 году населеніе Олонецкой губерніи доходило до 269,897 д. [3]); въ 1862 году оно простиралось до 297,627 д., [4]) въ 11 лѣтъ оно увеличилось на 27,730 или на 0,05% въ одинъ годъ; среднимъ числомъ меньше, чѣмъ въ сосѣдней Финляндіи, гдѣ среднее годичное приращеніе, выведенное за нѣсколько пятилѣтій, простирается до 1,12 или до 1,35% [5]), а среднимъ числомъ не меньше 1% въ годъ. Притомъ, въ общемъ ходѣ не рѣдко случаются весьма не благопріятныя колебанія. Такъ, въ 1863 году въ общемъ населеніи губерніи произошло уменьшеніе, такъ что въ этомъ году считалось 296,593 д. [6]). Къ сожалѣнію, я не имѣю ни времени, ни данныхъ для выясненія этого вопроса за значительный періодъ времени; укажу только еще на нѣкоторые частные случаи; одинъ изъ нихъ—statu quo или даже уменьшеніе народонаселенія въ городахъ. Въ Пудожѣ въ 1836 году считалось 1,072 д. об. пола [7]); въ 1863 г. 1,099 чел. [8]), а это число почти то же, что было и въ 1788 г., то есть, 1,094 жит. обоего пола [9]). Въ Вытегрѣ, по Бергштрессеру, для тридцатыхъ го-

---

[1]) *Озерецковскій*, стр. 193.

[2]) Пам. кн. Олон. губ. 1860 г., стр. 241 и 245.

[3]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 245.

[4]) Пам. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 2.

[5]) *Альфтанъ*, Матеріалы для статистики Финляндіи, стр. 212.

[6]) Пам. кн. Олон. губ. за 1865 г., стр. 2.

[7]) *Бергштрессеръ*, стр. 40.

[8]) Пам. кн. Олон. губ. за 1866 г., стр. 9.

[9]) *Озерецковскій*, 192

довъ считалось 2,500 ж.; въ 1863 году число ихъ понизилось до 2,479. Затѣмъ офиціальныя же данныя указываютъ, напримѣръ, на уменьшеніе народонаселенія въ Лодейномъ-полѣ, Каргополѣ, Пудожѣ и Повѣнцѣ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ народонаселенія и въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ [1]). Въ заключеніе приведу еще выписку изъ статьи гг. Калугина и Жданова о Повѣнецкомъ уѣздѣ; статья эта составлена, по видимому, довольно добросовѣстно, и на данныя ея я уже не разъ ссылался: „У чиновниковъ, собиравшихъ подати, плательщики податей просили въ милостыню копѣйку или хлѣба „ради Христа". По самымъ точнымъ исчисленіямъ, трудъ большинства крестьянскихъ семействъ въ уѣздѣ не доставляетъ имъ средствъ удовлетворить свои потребности въ пищѣ и одеждѣ; въ бюджетѣ семействъ постоянный дефицитъ, который можетъ быть покрытъ однимъ средствомъ—смертью одного изъ членовъ семейства. Въ Повѣнцѣ, какъ выше сказано, было въ 1868 году умершихъ втрое болѣе, чѣмъ родившихся, а въ прошлые годы, съ 1862 по 1865 число умершихъ также болѣе, хотя и не въ такой степени, числа родившихся. Въ уѣздѣ въ 1867 году умершихъ было болѣе, чѣмъ родившихся, на 101 человѣка, а въ 1868 году смертность хотя была и не сильнѣе средней смертности Россіи, но рождаемость за то меньше средней рождаемости остальныхъ мѣстностей государства, гдѣ на 23 человѣка населенія считается одинъ рождающійся, тогда какъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ 1 родившійся приходится на 32 жителя" [2]).

Изъ всего сказаннаго мною какъ въ первыхъ главахъ моего труда, такъ и въ послѣдней, будетъ ясна въ общихъ чертахъ та роль, которую играетъ природа въ судьбѣ человѣка — какъ вообще, такъ и въ частности—въ описанномъ мною краѣ. Во всѣ времена природа представляетъ намъ одни и тѣ же законы, пренебреженіе которыми выражается всегда на человѣка въ одномъ и томъ же видѣ: среди нея одинаково вымираетъ какъ дикарь, такъ и представитель болѣе высокой, и по видимому, сильной расы. Съ другой сто-

[1]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 207.

[2]) Пам. кн. Олон. губ. за 1868—1869 гг., 23.

роны, та же природа, какъ бы ни была она сурова по виду и по характеру, поддается усиліямъ и физическому труду человѣка, еслибъ онъ выработался изъ того же дикаря, который еще не очень давно стоялъ низко въ своемъ культурномъ развитіи; нѣчто подобное представляетъ, можетъ быть, Финляндія. Думаю также, что изъ сказаннаго въ общихъ чертахъ ясно и то, что̀ необходимо жителю Олонецкой губерніи, чтобы достигнуть болѣе счастливой участи, и стать на болѣе высокую степень благосостоянія. Рѣшеніе же частныхъ сторонъ этой задачи представляю другимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объясненіе таблицъ, изображающихъ каменныя оружія.

Таблица I-я.

Въ большей части рисунковъ съ боку показано уменьшеніе ихъ противъ оригиналовъ; рисунки въ настоящую величину или обозначены $^1/_1$, или при нихъ вовсе нѣтъ цифръ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда цифры не поставлены по недосмотру, на что̀ и будетъ указано въ нижеслѣдующихъ объясненіяхъ.

Фиг. 1. Схематическій планъ мѣстонахожденія каменныхъ орудій около Тудозерскаго устья: пункирными линіями обозначенъ старый проливъ, затянувшійся теперь мхами; на юго-западномъ его концѣ изображены зубчиками современные торфяные валы на берегу озера.

2. Идеальный разрѣзъ мѣстности между точками А и В, представленными на фиг. 1-й: d—Онежскіе береговые пески (Кенда); h—пески, лежащіе на холмахъ около точки В; a, a—болото; b—песчаный островъ среди болота; c—береговой валъ; нижній темный слой торфа; средній - иловатый, съ орудіями и горшками; верхній—состоящій изъ новѣйшаго торфа.

3. Плита или точило изъ тальковаго кварцита; въ $^1/_8$ д. настоящей величины.

4. Ножъ кремневый, съ Кумбасъ-озера.

Таблица II-я.

Фиг. 1. Афанитовый обломокъ копья (?), съ Кумбасъ-озера.

2.
3.
4. } Сланцевые топоры, оттуда же.

Таблица III-я.

Фиг. 1.} Сланцевые топоры, съ Кумбасъ-озера.
2.}
3. Сланцевый конусъ, оттуда же.
4. „ цилиндръ, оттуда же.

Таблица IV-я.

Фиг. 1. Топоръ изъ нѣсколько слюдистаго кварцита, съ Кумбасъ-озера.
2. Кварцитовый топоръ, оттуда же.
3. Долбня (сверху) изъ глинистаго сланца, оттуда же.
4. Рубанокъ изъ сланца, оттуда же.

Таблица V-я.

Фигг. 1—6. Кремневые наконечники стрѣлъ, съ Тудозера.
7 и 8. Грузила изъ глинистаго сланца, оттуда же.
9. Кружекъ, служившій украшеніемъ, съ Кумбасъ-озера.

Таблица VI-я.

Фигг. 1, 2, 6, 9. Кремневые наконечники стрѣлъ, съ Кумбасъ-озера.
4 и 5. Кремневые ножи, оттуда же.
7 и 8. Наконечники стрѣлъ, съ Кенозера.
3. Наконечникъ стрѣлы, уже представленный при нѣсколько иномъ положеніи къ освѣщенію на табл. V-й, ф. 5.

Таблица VII-я.

Фигг. 1—5. Обломки глиняныхъ горшковъ, съ Кумбасъ-озера и Тудозера.

Таблица VIII-я.

Фиг. 1. Часть каменнаго вала, въ ½ д. настоящей величины съ Лужандозера.
2. Обломокъ точила съ Кумбасъ-озера; въ ½ д. настоящей величины.
3. Параллелепипедъ для топора изъ хлоритоваго сланца.
4. „ „ „ „ глинистаго сланца, въ ⅔ д. настоящей величины.

II.

Списокъ названій травъ и животныхъ, а также нѣкоторыхъ другихъ особенныхъ словъ, употребляемыхъ въ Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ [1]).

А.

Агандать—повторять звукъ арр.. арр.
Ашкуты—летучія мыши.

Б.

Бабочки (ребячьи потѣхи)—василекъ (Centaurea), растущій въ большомъ количествѣ въ хлѣбахъ.
Байна—баня.
Бачага—лужа.
Боровника—борикъ
Боязко—боязно, страшно.
Бузунокъ—однолѣтній окунь.
Буяго—сильно.

В.

Вапа—полынья.
Вахка — трилистка, трефоль (Menyanthes); служитъ между прочимъ пищею сѣверному оленю.
Верховище—макушка, темя.
Вехорь—вихорь.
Волокъ—водораздѣлъ, часто въ смыслѣ перехода.
Волосянка—драка за волосы.
Водохожъ — проливъ между двумя островами; водохожи часто бываютъ полы зимою отъ теченія воды въ озерѣ (Водлозеро).
Волтожиться — тревожиться, хлопотать.
Выстать—взойдти, подняться: „выстань на гору, вправо будетъ дорога; — туда не выстать тебѣ, ноги не поднимутъ“.

Г.

Гадъ—змѣя, гадюка.
Гажья трава — кукушкины слезки (Orchis); настоемъ моется рана отъ укушенія змѣи.
Глазная трава—колокольчики (Campanula); прикладываютъ размоченную траву къ больному глазу, привязывая ее платкомъ.
Глупыши—пшеничные блины.
Гнила—глина.
Гниловатый—глинистый.
Горцюха—горчица.
Гостья—оспа; „гостья идетъ, гостьица Ивановна“—значитъ ходитъ оспа.
Голымень—мѣсто въ озерѣ, открытое для тѣхъ или другихъ вѣтровъ.
Грабастаться—хвататься за что-либо.
Грабить—собирать, сгребать сѣно.

Д.

Долонь—ладонь.
Досельный—давнишній, старый.
Дрочить—холить; „дрочить ружье“.
Думно—желательно; „кому выпить думно, тотъ и купитъ“.
Дяльницы—шерстяныя рукавицы, вареги.

Е.

Евдушка—молодой снѣгъ.

Ж.

Желтоголовка—поповникъ (Chrysanthemum); отваръ изъ нея употребляется отъ боли въ животѣ.
Жижликъ, жижеликъ или нижликъ—ящерица.
Жировье—хорошее житье, на хорошей пищѣ.
Жировый — бодрствующій; „пріѣхать

---

[1]) Большая часть словъ общія двумъ уѣздамъ; названія травъ всѣ относятся къ Водлозеру. При характерныхъ для отдѣльныхъ только мѣстностей словахъ я дѣлаю указаніе въ скобкахъ на самую мѣстность, гдѣ слово употребляется. Я сообщаю здѣсь даже и такія слова, которыя извѣстны и по другимъ источникамъ. Этотъ перечень является только какъ матеріалъ.

бы намъ на жировыхъ“, то есть, пріѣхать бы намъ не на спящихъ людей.

З.

Завачить—изловить.
Заворъ—жердь въ воротахъ.
Задевы—мѣста, задѣвающія за неводъ.
Запятникъ—стоящій позади барской кареты въ ѣздѣ.
Загоска—кукушка.
Засница—таволга (Spiraea).
Засмородѣть—протухнуть, загнить.
Зеленица—плаунъ. (Lycopodium).
Зинь—полъ. „Зинь-то выметп!“
Золотничная трава—линнея (Linnea borealis); употребляется въ болѣзни „золотники ронить“, то есть, имѣть поносъ; въ другихъ случаяхъ она извѣстна подъ именемъ *призорной* травы и имѣетъ значеніе въ дѣтскихъ болѣзняхъ.
Золотушная трава—клеверъ (Trifolium); при золотухѣ отваромъ моютъ уши и впускаютъ его въ нихъ.
Зорить — строить глазки, смотрѣть ласково.
Зубная трава—въ разныхъ мѣстахъ подъ этимъ названіемъ разумѣютъ Тимофееву траву и поповникъ; отъ первой кладется на зубъ корень; вторая, кромѣ того, употребляется и отъ лихорадки.

И.

Извалъ—покатость.

К.

Калитки—ватрушки.
Каровaться—цѣловаться (окрестности Пудожа).
Карповна—сѣрая ворона (иронически).
Кивиштаться — померетъ (Водлозеро, изрѣдка); происходитъ вѣроятно отъ финскаго *киви*—камень.
Кислопряжи — аладьи изъ кислаго тѣста.
Кіоксы—грузила въ неводѣ.
Кнея — мелкоячейный мѣшокъ въ срединной части невода.
Колюха—серпуха, чертополохъ (Carduus).
Костить—ломить кости; „у меня коститъ въ ногѣ“, то есть, у меня ломитъ ногѣ.
Костица—ость въ отрепьяхъ льна.
Корба—впадина, ложбина, густо заросшая ельникомъ.
Красавитый—хорошій, красивый, пріятный; говорится больше о погодѣ: красавитая погода, красавитый день.
Крапива — употребляется въ болѣзняхъ скота; „когда сопретъ животъ у коровы, то отваромъ моютъ бока и спину“.
Крежъ—возвышенный берегъ, гористый.
Кубаса—поплавки при продольникѣ или канатѣ съ крючками.
Кубгина—яма въ лѣсу, подъ корнями свалившихся отъ вѣтра деревъ; она служитъ часто берлогой медвѣдю.
Куропать—куропатка.
Курандать—квакать.

Л.

Лалаки—десна.
Лижмы—плавуны.
Литки—угощеніе, магарычъ.
Ледины—мѣста въ лѣсу, удобныя для хлѣбопашества.
Ловля—рыболовка.
Ловтусъ — поплавокъ надъ кнеей въ неводѣ.
Ломовая трава—мята; обмываніе отваромъ изъ нея употребляется отъ головной боли.
Ляга—лужа.

М.

Малтать — понимать, разумѣть. „Онъ не малтатъ“. Слово, взятое съ финскаго; оно замѣняется здѣсь и другимъ: мароковать.
Макса—печень, перенесено съ налима.
Мандера, матерая—материкъ, континентъ (на Водлозерѣ). Ср. названіе одной деревни на берегу р. Ояти, гдѣ родился св. Александръ Свирскій. (Записки по Отд. Этнографіи, II, 62).
Мастеряга—мастерище.
Матерый—здоровый, крѣпкій, сильный
Матура—подмаренникъ (Galium); даетъ отваръ, идущій на окраску холста (Вирозеро).
Миляга—милый человѣкъ.
Молочница—лебеда.
Мошникъ—глухарь.
Мойва—всякая мелкая рыба, только что вышедшая изъ икры.

Мышій горохъ—чина (Lathyrus).
Мякушка—коврига хлѣба.
Мянда—сосна (изрѣдка).
Мяндакъ—сосновый боръ.
Мяндовый (лѣсъ)—соснякъ, растущій на тощей почвѣ, карявый и толстослойный.

Н.

Наволокъ—мысъ.
Наживчикъ или наживщикъ—членъ семейства, живущій въ чужихъ людяхъ и наживающій деньги.
Накаръ палъ—говорится о льдѣ, когда онъ становится хрупкимъ и игольчатымъ; то же понятіе выражаютъ словами: „ледъ скисъ".
Налевдать—накормить лошадь.
Не пора-то—не очень, не совсѣмъ хорошо; „не пора пора-то выгодно"; „не-пора-то много рыбы".
Нетелочка — молодая, не телившаяся корова.
Нечога—звѣздчатка (Stellaria); собирается съ разныхъ мѣстъ, съ пашенъ и сушится для скота.

О.

Обночье — ночевка; „ѣхать на обночье".
Обѣдье—послѣобѣденный отдыхъ.
Овсянники—овсяныя аладьи.
Одѣтка—одежда.
Оздоровѣть—выздоровѣть.
Ольшнякъ—ольховый лѣсъ.
Опарная трава—лѣкарственная трава: „когда опрѣютъ ноги между перстами, такъ парятъ, да моютъ".
Опока—ровная подводная мель (Водлозеро).
Остолопаться—испугаться.
Отзяпуть—отойдти, отхлынуть.
Оцынжать—заболѣть цингой.

П.

Пальцевикъ—двулѣтній окунь.
Паопжокъ—небольшой сигъ.
Пестунья—нянька.
Пеставать—пяньчить.
Петарица—пѣвица.
Пинда и пиндовый—почти то же, что мянда и мяндовый.
Пищальникъ—галеопсисъ (Galeopsis).
Пирожки—стручки у гороха.
Плутивья—поплавки у невода.
Подклѣть—подвалъ.
Подугодывать—подслуживать.
Покрута—одежда, нарядъ: „выкручена она хорошо, въ шелкъ, да въ гарусъ; покрута на ней красивая".
Поповы коренья—могучникъ (Potentilla);
Попутный листъ—подорожникъ (Plantago); при порѣзахъ листъ кладется на раны.
Погный—здоровый, крѣпкій.
Пора-то—очень хорошо, не дурно.
Порѣга — полынья при устьяхъ рѣкъ весной.
По-сюдяѣ—не много въ эту сторону; „иди по-сюдяѣ и выйдешь".
По-тудяѣ—не много въ ту сторону.
Похожать—осматривать ловушки; „я мережки похожалъ".
Присушная трава — употребляется въ чаѣ, съ цѣлью заставить воспылать кого-либо страстью до сокрушенія и изсыханія.
Проска—милостыня.
Посѣртать—подождать.

Р.

Ратой—валдшнепъ.
Распалиться—очиститься ото льда.
Репаки, насобники — мѣсячное, регулы.
Родникъ—болотце, съ мелкимъ ельникомъ и сосникомъ.
Росяница—росянка.
Руда—кровь.
Рундукъ—ящикъ для посуды.
Рѣка—проливъ (у Водлозёровъ, живущихъ на островахъ).

С.

Салма—проливъ.
Салага—молодая плотва.
Своропъ—золотуха; извѣстно и самое слово золотуха.
Своропная трава—(?) „когда чешется тѣло,—своропъ бываетъ, то парятъ траву и моютъ ребятишекъ".
Сележныя мѣста—мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ.
Сѣртать—ждать.
Сказитель—былинщикъ, сказочникъ.
Скало и спуйки—приборы для наматыванія пряжи.
Слудья — стекло, вѣроятно — такъ отъ древняго обычая вставлять въ окна слюду, за неимѣніемъ стекла.

Слѣдовая трава—папоротникъ; „когда Богъ не помилуетъ, ступишь чорту на слѣдъ и заболитъ нога,—парятъ, да моютъ“.
Спица (спицця)—вязальная иголка.
Сорожи—палки при неводѣ.
Сорокопритoчная трава—таволга (Spiraea Ulmaria); употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ зубной боли; въ другихъ не имѣетъ употребленія и имѣетъ другое названіе, см. Заспица.
Солодяга — пустомеля, пустобай, вѣтренникъ.
Стѣрать — стирать, мыть; „стѣрана ли рубаха?“.
Сутуга—проволока.
Сущикъ—сушеная корюшка или вообще мелкая рыба.

Т.

Торбать—колотить палкой объ воду; это дѣлается при ловлѣ плотвы.
Торокъ—шквалъ, порывистый вѣтеръ.
Тоснуть—тосковать.
Точиться — токовать (о птицахъ и звѣряхъ).
Тырандать—трещать, повторять трр.. трр..
Тячева—веревки въ неводѣ.

У.

Увалъ—падаль.
Угоръ—бугоръ.
Урва—почки березы, служащія пищей рябчику.
Угразная трава—топчунъ (Polygonum aviculare); „когда упадешь, да досадишь какое-нибудь мѣсто,—парятъ траву да моютъ больное мѣсто“.
Усовная трава—герань (Geranium); отваръ употребляется на обмываніе и обтираніе боковъ, если въ нихъ ощущается колотье.

Ф.

Френки (отъ слова Французъ)—сифилисъ.

Х.

Хипиться—смѣяться.
Хоромъ — крыша, также помѣщеніе, домъ.
Худуша, знобуха, трясуха—лихорадка; „происходитъ отъ двѣнадцати сестеръ Иродовыхъ“.
Хухорь—мельникъ.

Ч.

Часить—ждать.
Черемица, черемица Степановна—корь; „баженая гостьица, не обидь-ко у меня Ванюшку!“
Чертополохъ—кладется подъ постель отъ лихой болѣзни.
Чибардать—щебетать; „и вишь ластушка-то чибардатъ!“
Чура—песокъ съ мелкимъ щебнемъ.

Ш.

Шаста—оленій ягель.
Шивапки—крылья.

Я.

Ярь-ерпическая болѣзнь — венерическая болѣзнь.

Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. Этнографии. т. III сл.
1873 г.

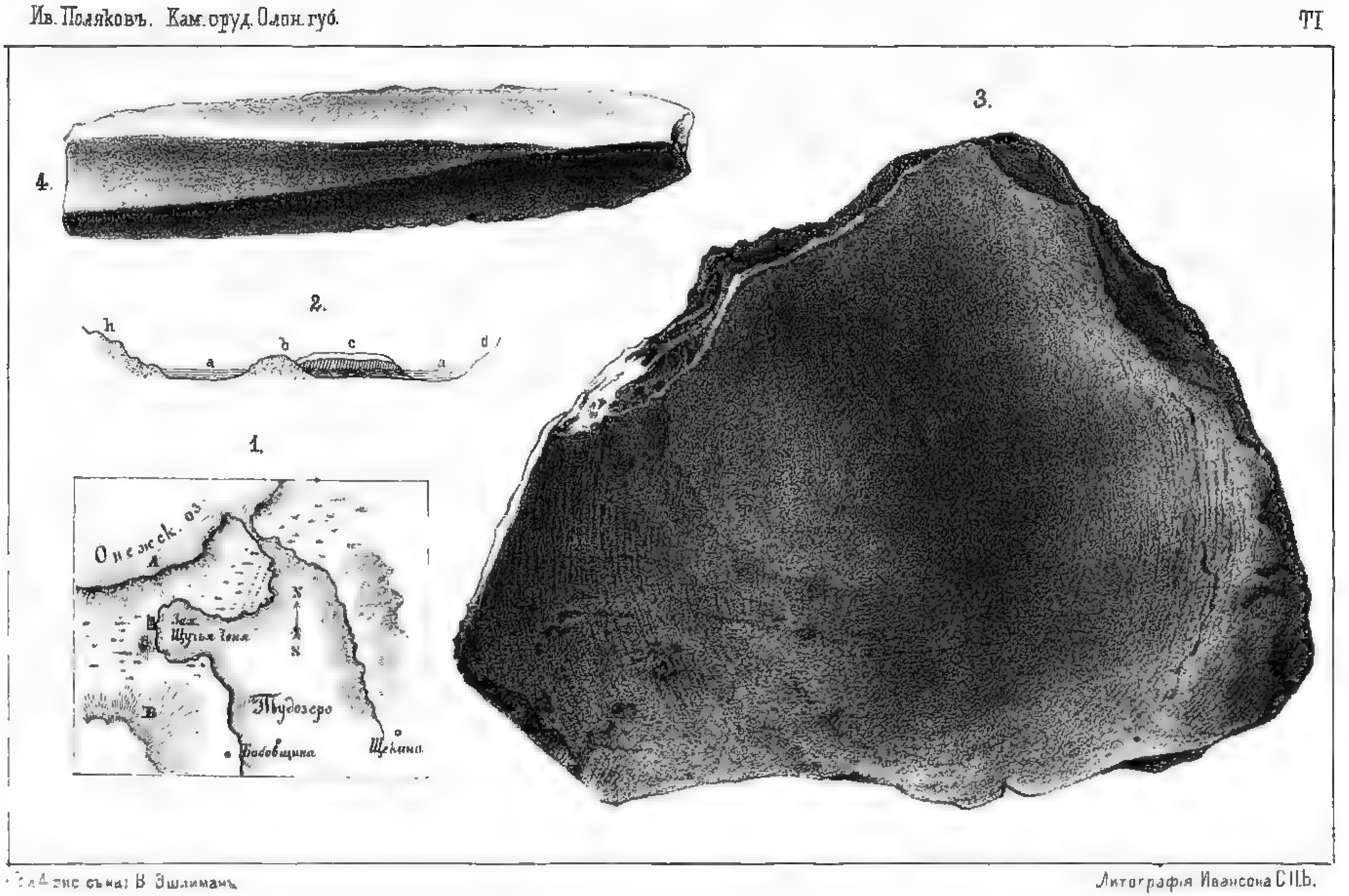

Рис. с нат. В. Эшлиманъ
Литографія Ивансона С.П.Б.

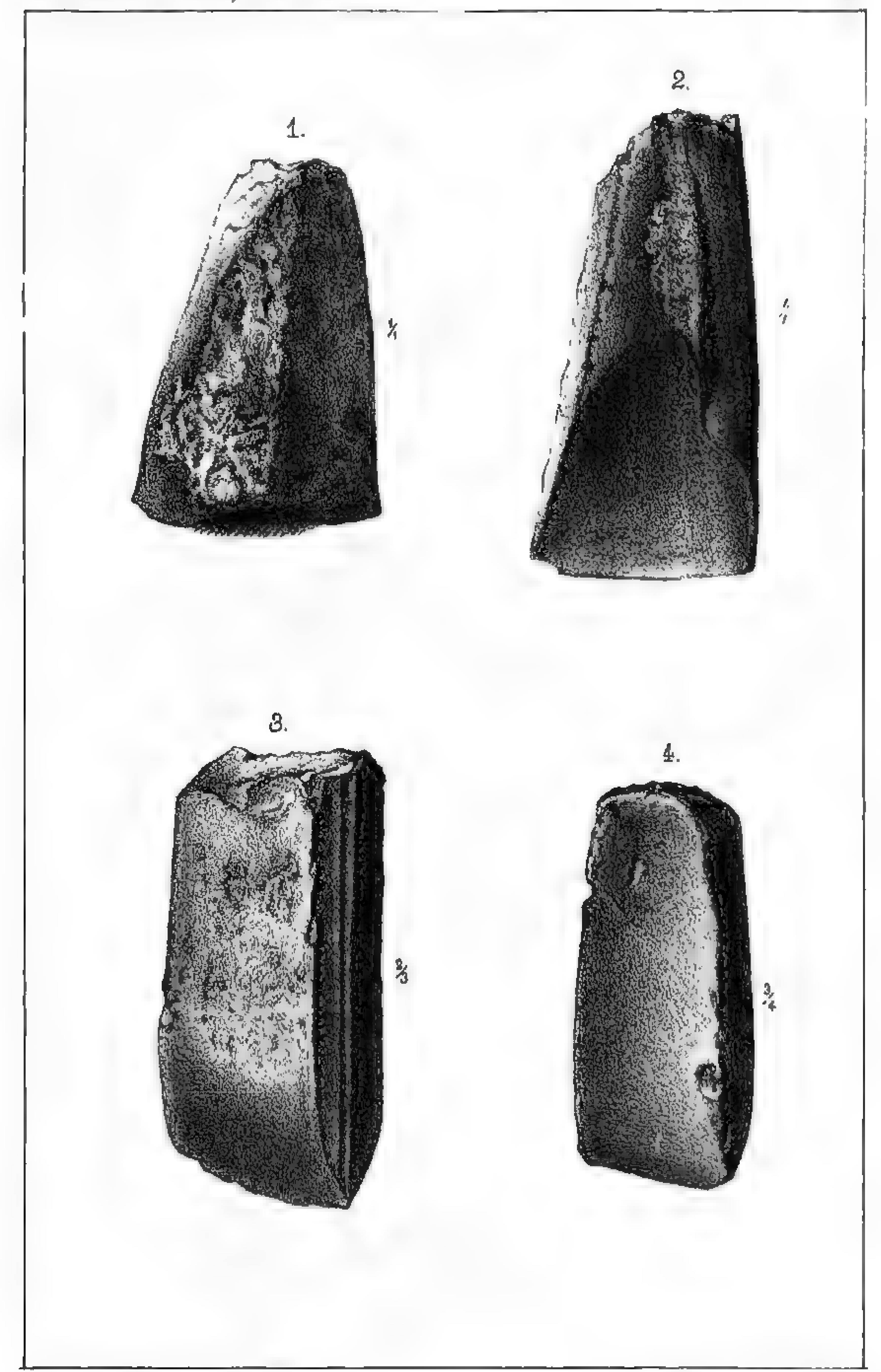

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ   Литографія Ивансона С.П.Б.

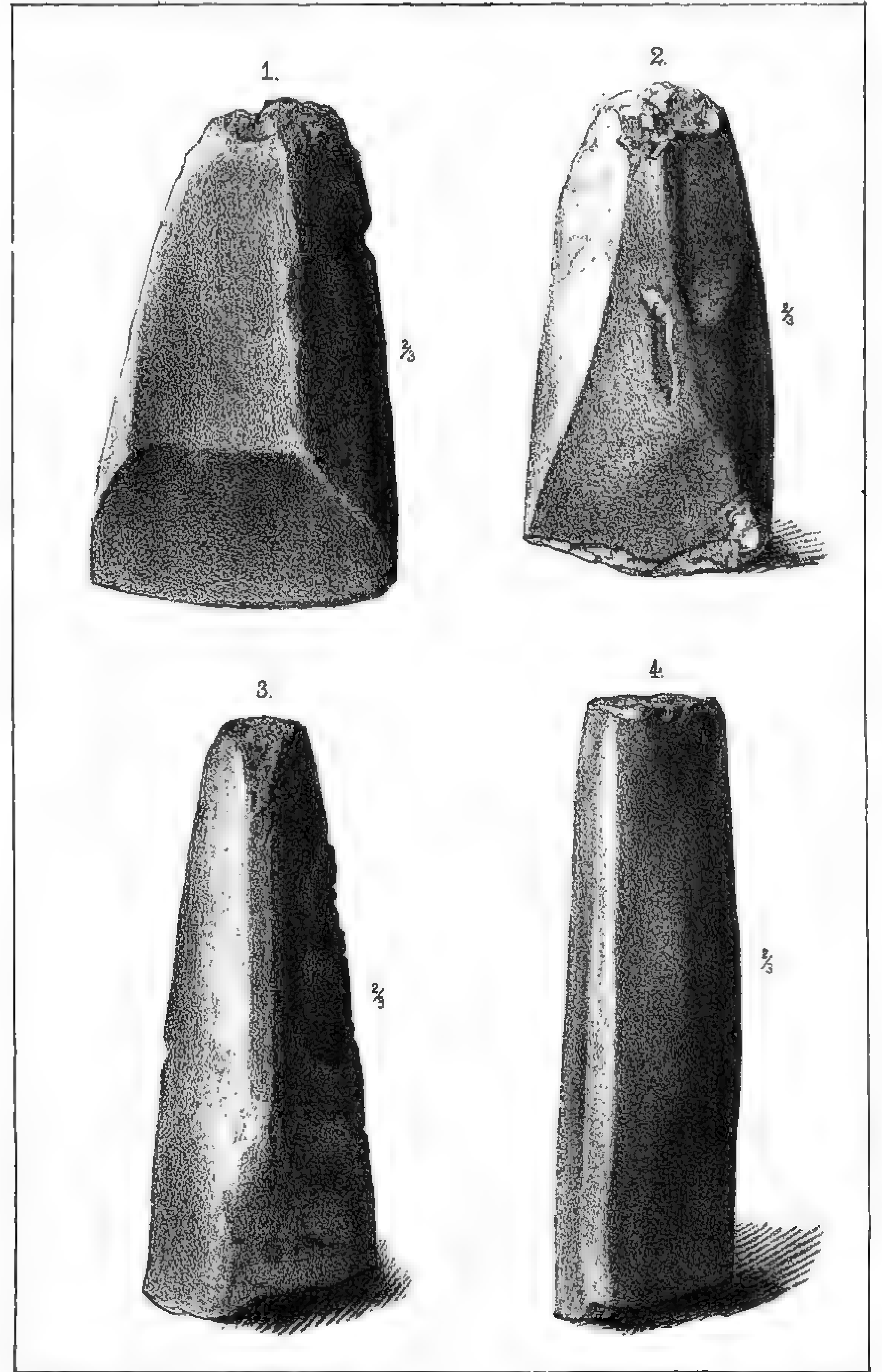

Рис. съ нат. Б. Эшлиманъ.

Литографія Иванова С.П.Б.

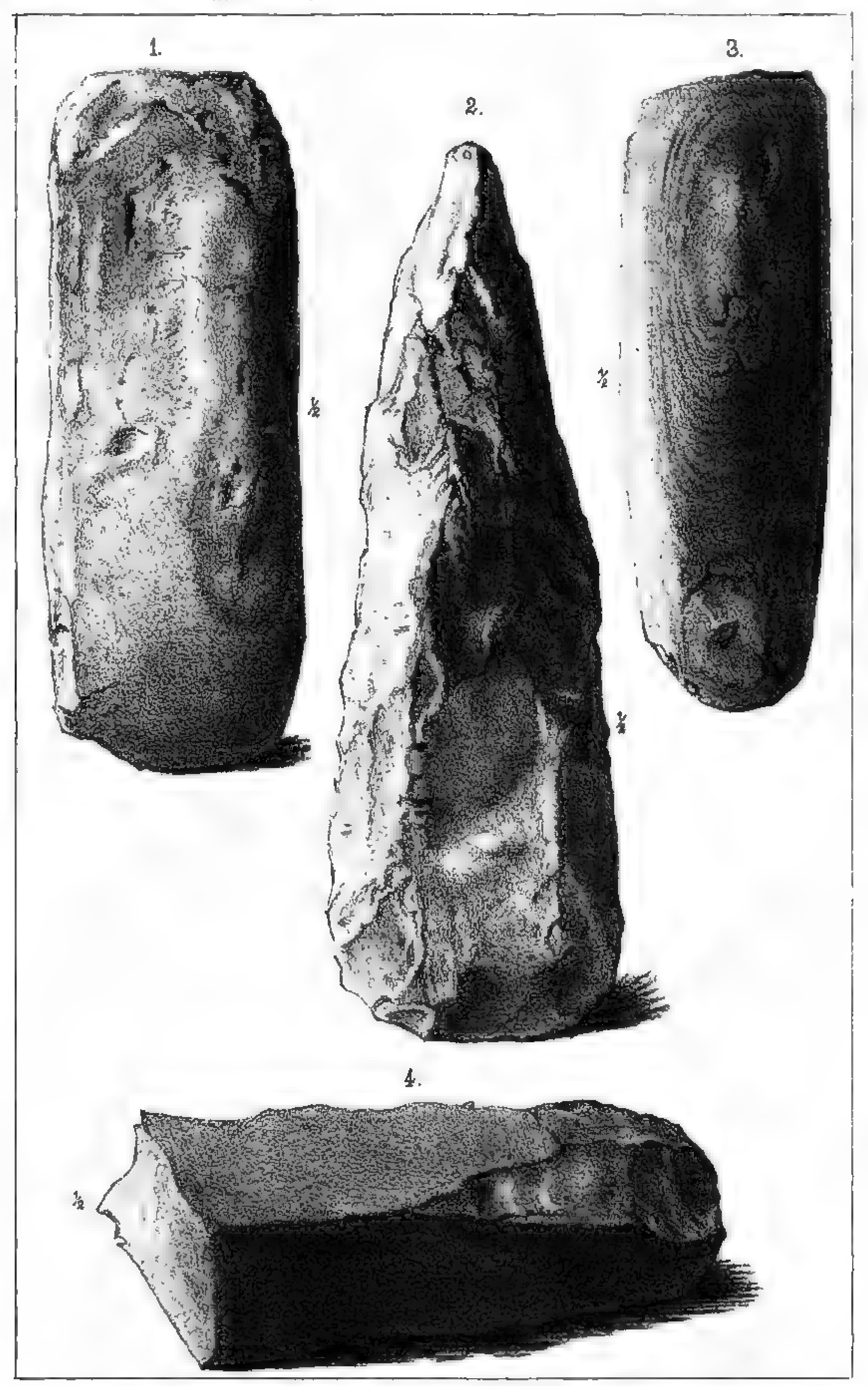

Рис съ нат. В Эшлиманъ

Литографія Ивансона С.П.Б.

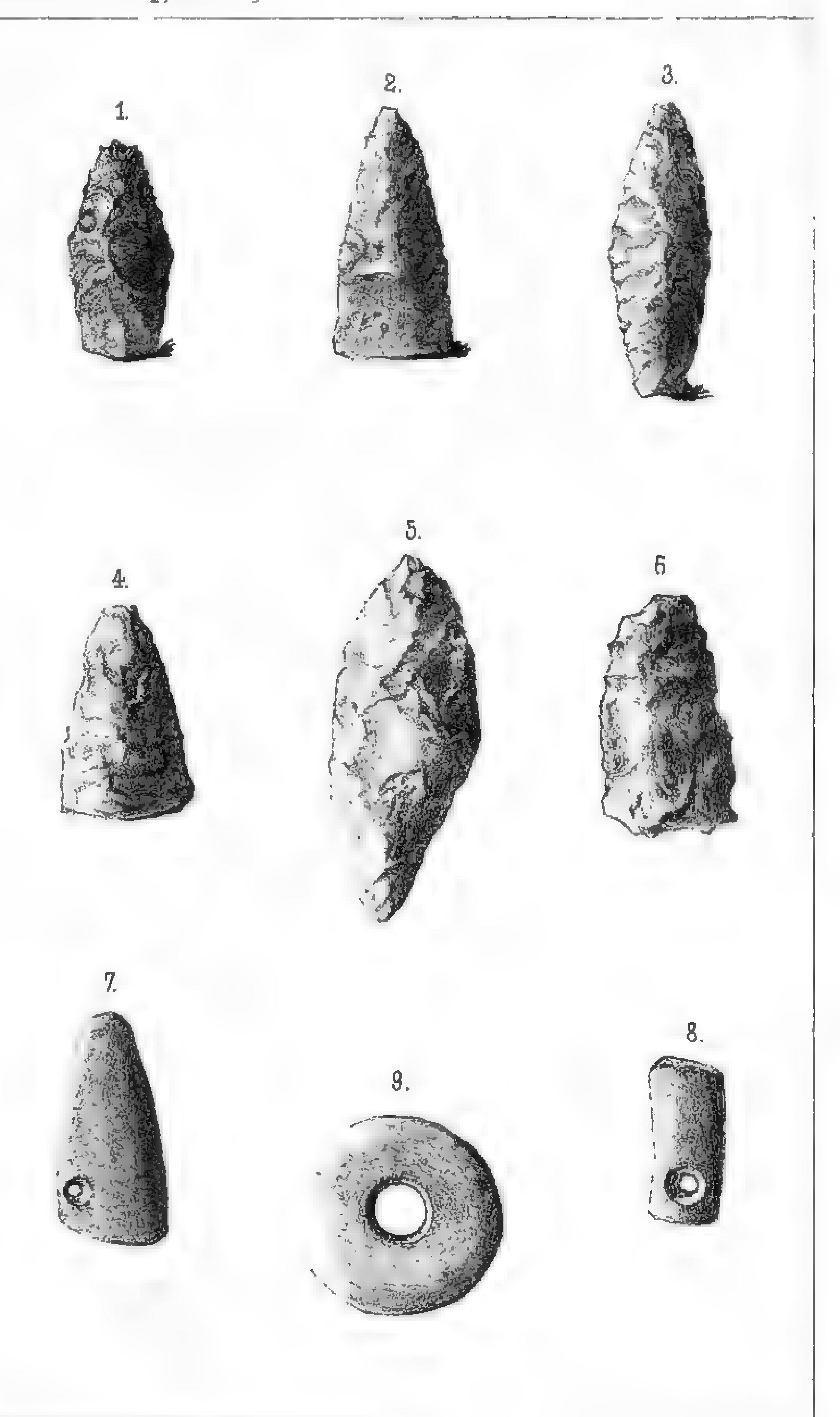

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ.

Литографія Ивансона С.П.Б.

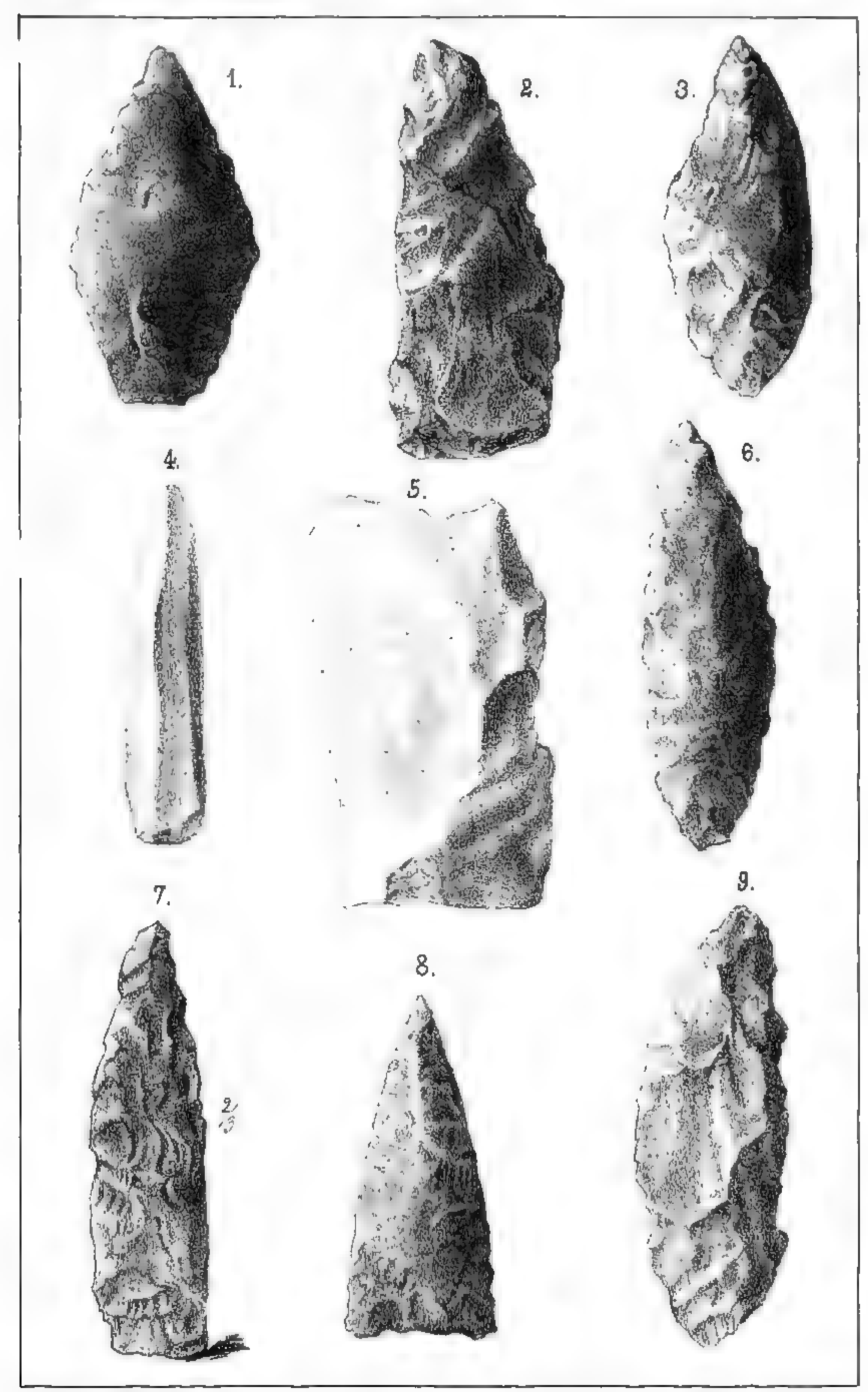

Рис съ нат. В. Эшлиманъ

Литографія Ивансона С.П.Б.

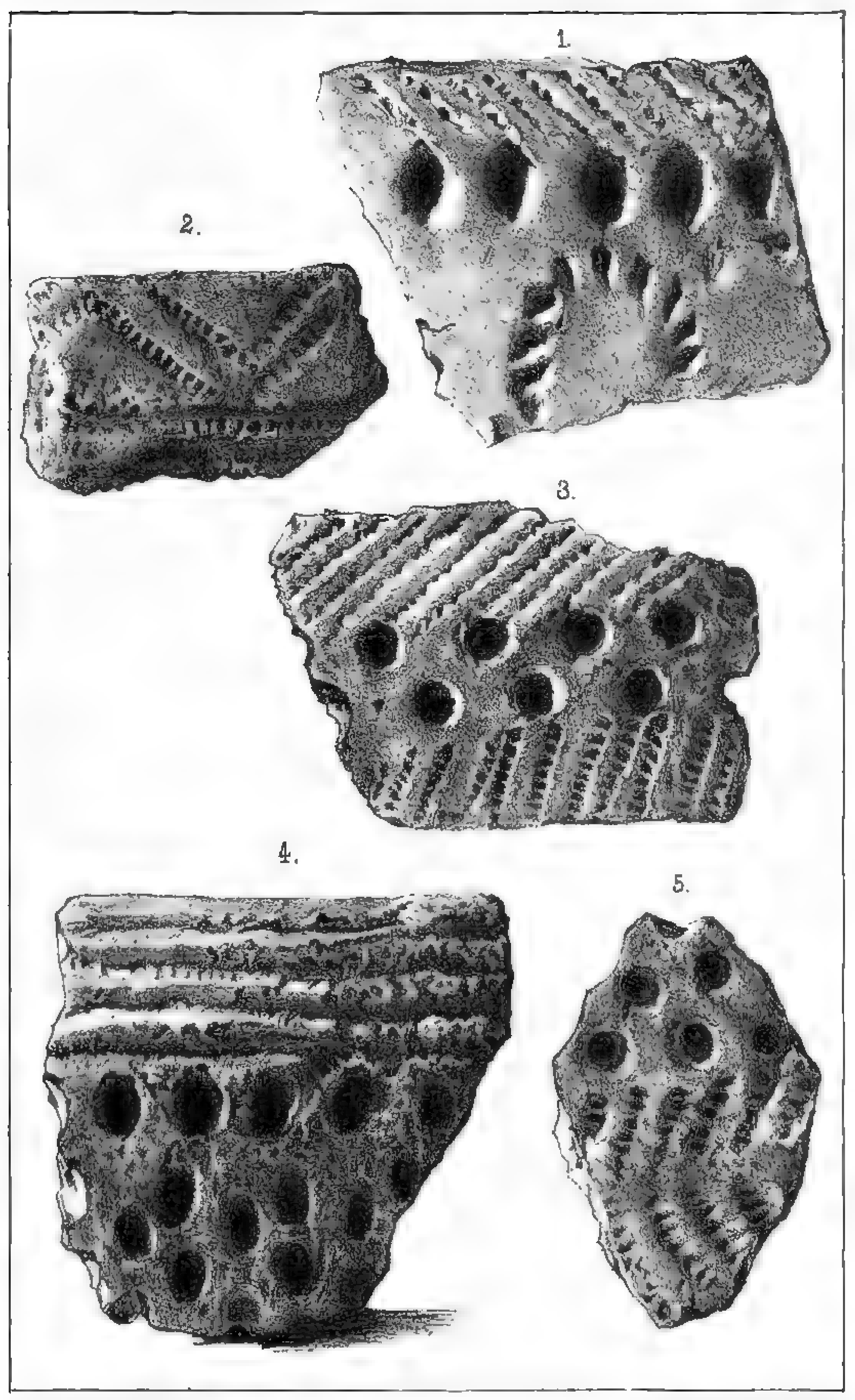

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.П.Б.

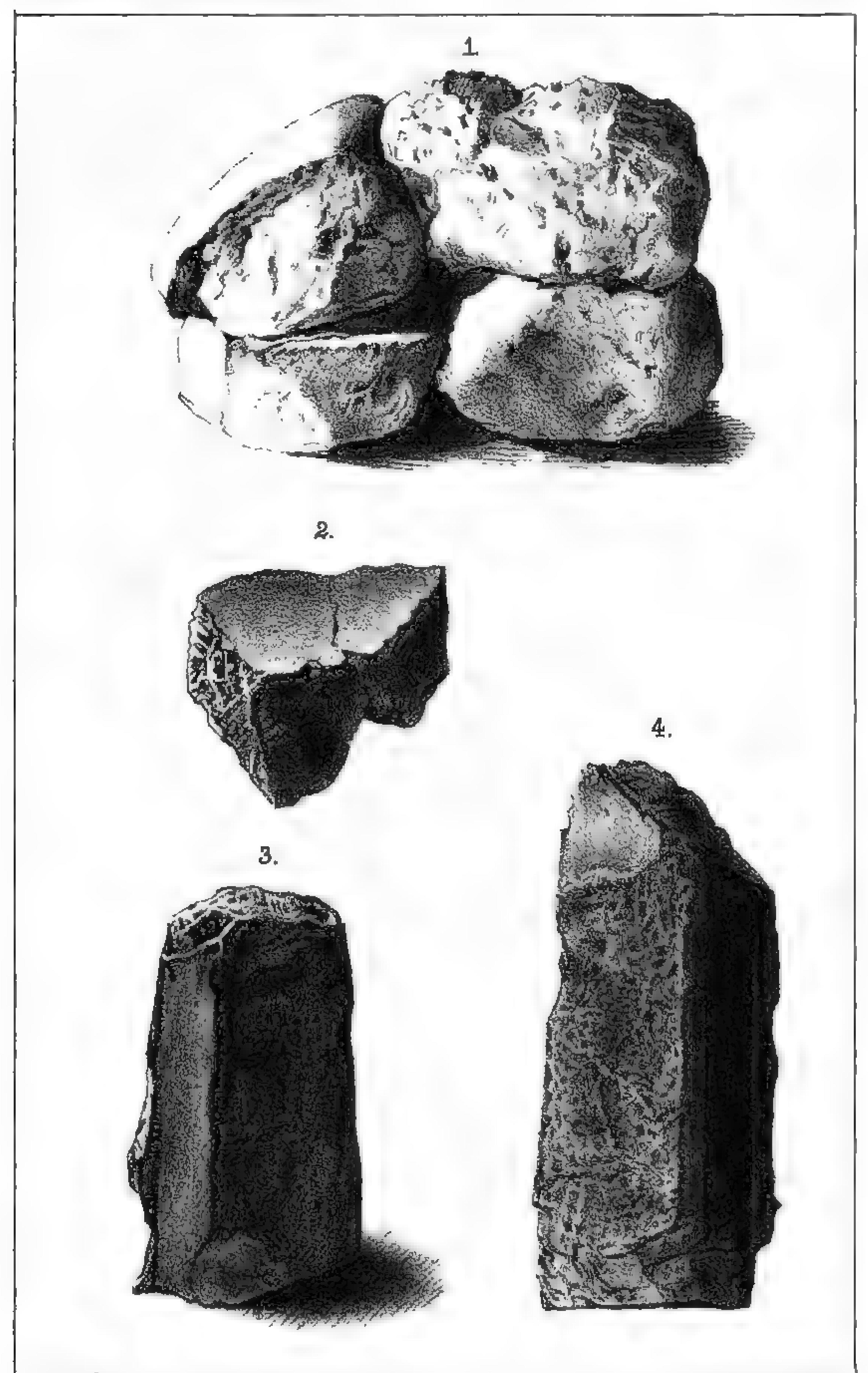
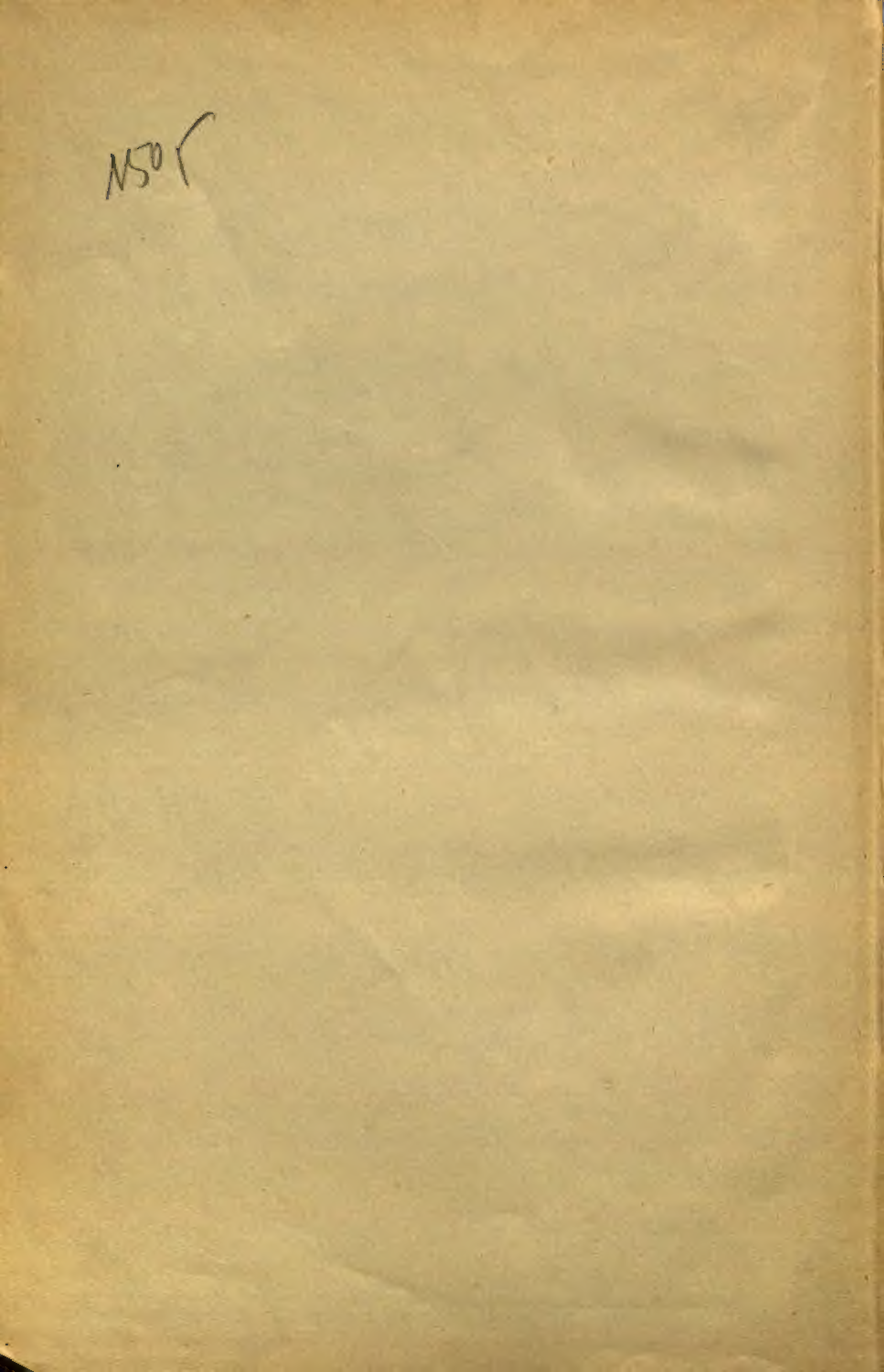

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ

Литографія Ивансона С.П.Б.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ц. И.

N50

